This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES

Кобзарь

(1793-1893.)

Кыивъ.
Друкарня С. В. Кульженко, Ново-Елисав. ул., д. № 4.
1900.

Vuk, 1798-1898

Вукъ
(1798–1898).

КЫИВЪ.
Друкарня С. В. Кульженко. Ново-Елисав. ул., д. № 4.
1900.

891.798
V994

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 іюня 1899 г.

* * *

Про зелени садкы, про пахучи квиткы
Мы, бувало, пидъ кобзу спиваемъ;
А теперъ мовчымо,
Мовъ сномъ вичнымъ спымо,
И охоты до спиву не маемъ.

* * *

Колы-жъ хто иншый разъ чуе спивы одъ насъ,
То въ тыхъ спивахъ страшне щось таиться:
Мовъ въ руинахъ сычи
Завываютъ въ ночи,
Мовъ голосыть зловищая птыця.

* * *

Хто кого не злюбывъ, хто кому зло зробывъ,—
Наша кобза про те вымовляе;
Мовъ ворожу ходу,
Вона чуе биду
И журбою намъ серце сповняе...

* * *

Колысь прыйде той часъ, що подасть правда гласъ
И зруйнуе лукаву споруду;
До тіеи-жъ поры
Ты намъ, кобзо, дзвоны,
Та прыблыжуй день Божого суду!..

П. Кулишъ.

Иванъ Петровычъ Котляревськый.

Котляревськый Иванъ Петровычъ уродывся 29 серпня 1769 р. въ Полтави, учывся въ Переяславськiй семынарiи, бувъ спершу на гражданськiй, вiйськовiй, а писля на педагогичнiй служби; напысавъ: „Перелыцевану Энеиду", „Наталку-Полтавку", „Москаля-Чаривныка" та „Оду до князя Куракина". Умеръ въ Полтави 29 жовтня 1838 р.

Творамы Котляревського почынается нова—художественна украинська литература.

Зъ Энеиды.

I.

Выгадкы Юноны.

Побачыла Юнона зъ неба,
Що панъ Эней на поромахъ;
А те шепнула сука Геба...
Юнону взявъ велыкый жахъ!
Впрягла въ грынджолята павычку,
Сховала пидъ кибалку мычку,

Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шнуривку,
И хлиба зъ силью на тарилку,
Къ Эолу мчалась, якъ оса.

„Здоровъ, Эоле, пане свату!
„Ой якъ-ся маешъ, якъ жывешъ?"
Сказала, якъ ввійшла у хату,
Юнона: „чы гостей ты ждешъ?"
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Эоломъ дидомъ,
Сама же сила на ослинъ.
„Будь ласкавъ, сватоньку старыку!
„Избый Энея съ пантелыку,—
„Теперъ плыве на мори винъ.

„Ты знаешъ, винъ якый суцига,
„Палывода и горлоризъ:
„По свиту якъ ище побига,
„Чыихсь багацько вылле слизъ.
„Пошлы на його лыхо злее,
„Щобъ люде вси, що пры Энеи,
„Послызлы и щобъ винъ и самъ.
„За сее жъ дивку чорнобрыву,
„Смачную, гарну, уродлыву
„Тоби я, далеби що дамъ.

„Гай, гай! ой дей же його кату!
Эолъ насупывшысь сказавъ:
„Я все-бъ зробывъ за сюю плату,
„Та витры вси пороспукавъ.
„Борей недужъ лежыть зъ похмилля,
„А Нордъ пойихавъ на весилля,
„Зефиръ же, давній негодяй,
„Зъ дивчатамы заженыхався,

„А Эвръ у вынныкы нанявся,—
„Якъ хочешъ такъ и помышляй!
„Та вже для тебе обищаюсь
„Энееви я ляпасъ дать;
„Я хутко, мыттю постараюсь
„Въ багно його, къ чортамъ загнать!....“

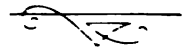
Эолъ, оставшысь на господи,
Зибравъ всихъ витривъ до двора,
Веливъ поганій буть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразъ спузырыло,
Водою мовъ въ ключи забыло,
Эней тутъ крыкнувъ, якъ на пупъ,
Заплакався и зарыдався,
Пошарпався, увесь подрався,
На тимьи начесавъ ажъ струпъ.

Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве;
Слизьмы Троянци облылыся,
Энея за жывитъ бере.
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько війська тутъ пропало;
Тогди набралысь вси сто лыхъ!
Эней крычыть, що: „Я Нептуну
„Пивкопы грошей въ руку суну,
„Абы на мори штурмъ утыхъ!“

Нептунъ издавна бувъ дряпичка;
Почувъ Энеивъ голосокъ,
Шатнувся заразъ изъ запичка—
Пивкопы для його кусокъ!
И мыттю, осидлавшы рака,
Схватывсь на його, мовъ бурлака,

И вырнувъ зъ моря, якъ карась
Загомонивъ на витривъ грязно:
„Чого вы гудете такъ дивно?
„До моря знаете вамъ зась“.

Оттутъ-то витры схаменулись.
И ну вси драла до норы.
До ляса мовъ ляхы метнулись.
Або одъ йижака тхоры.
Нептунъ же заразъ взявъ мителку
И вымивъ море, якъ свителку.—
То сонце глянуло на свитъ.
Эней тогди якъ народывся.
Разивъ изъ пять перехрестывся.—
Звеливъ готовыты обидъ.



II.

Пекло.

Теперъ Эней убрався въ пекло,
Прыйшовъ зовсимъ на иншый свитъ;
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздъ...
Тамъ тилько туманы велыки,
Тамъ чутно жалибніи крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней зъ Сывыллою глядилы,
Якіи мукы тутъ терпилы,
Якая кара всимъ була...

Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ
Жывыця, сирка,—нефть кыпила,—
Палавъ огонь велыкый, страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сыдилы
И на огни пеклысь, горилы,
Хто якъ за вищо заслужывъ...
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!

Панивъ за те тамъ мордувалы
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ;
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за нымы прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы,
Колы якый зъ ныхъ прыстававъ...

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хльору,—
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.
Тутъ всякіи булы цехмыстры
И ратманы, и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, пысари,
Яки по правди не судылы
Та тилько грошыкы лупылы
И одбиралы хабари.

И вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудрувать;

Ченци, попы и протопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не ганялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь зъ попадямы,
Та зналы церкву щобъ одну;
Ксьондзы до бабъ щобъ не иржалы,
А мудри звиздъ щобъ не знималы—
Булы въ огни на самимъ дну.

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ далы,
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де-колы скакалы,—
Таки сыдилы вси въ шапкахъ
И зъ превелыкымы рогамы,
Зъ зажмуреннымы вси очамы,
Въ кыпьячыхъ сиркой казанахъ.

Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ
И тилько знай, що ихъ хвалылы,—
Кыпилы въ нефти въ казанахъ,
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ ни на що,
А посли чубылы батькивъ,
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швыдче умиралы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ...

Булы тамъ купчыкы проворни,
Що йиздылы по ярмаркамъ,
И на аршынецъ на пидборный
Поганый продавалы крамъ.

Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды, миняйлы, шынкари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ баклагахъ „гарячый“ носять,—
Тамъ вси пеклыся крамари...

Тамъ вси невирни й хрыстіяне,
Булы паны и мужыкы,
Була тутъ шляхта и мищане,
И молоди, и старыкы;
Булы багати и убоги,
Прями булы и крывоноги,
Булы выдющи и слипи,
Булы и штатськи, и военни,
Булы и панськи, и казенни,
Булы мыряне и попы.

Гай! Гай! та нигде правды диты,—
Брехня жъ наробыть лыха бильшъ,—
Сыдилы тамъ скучни піиты,
Пысарчукы поганыхъ виршъ,
Велыкіи терпилы мукы,—
Имъ звязани булы и рукы,
Мовъ у татаръ терпилы плинъ.
Оттакъ и нашъ братъ попадеться,
Що пыше, не остережеться...
Який же втерпыть його хринъ?...

III.

Послы Энеевы у Латына.

Посливъ ввелы къ царю зъ пыхою,
Якъ се водылось у Латынъ;

Неслы подаркы предъ собою:
Пыригъ завдовжкы изъ аршынъ,
И соли крымкы и бахмуткы,
Лахмиття ризного тры жмуткы,
Эней Латыну що прыславъ.
Послы къ Латыну прыступылысь,
Тры разы нызько уклонылысь,
А старшый рацію сказавъ:

„*Энеусъ ностеръ магнусъ* панусъ
„И славный *Троянорумъ* князь,
„Шмыглявъ по морю, якъ цыган*усъ*,
„*Адъ те, о рексъ!* прыславъ *нункъ* насъ.
„*Рогамусъ, домине Латыне*,
„Нехай нашъ *капутъ* не загыне,
„*Пермитте* жыть въ земли своій,
„Хочъ за *пекуніи*, хочъ *гратисъ*,—
„Мы дякуваты будемъ *сатисъ*
„*Бенефиценціи* твоій.

„*О Рексъ!* будь нашымъ *Мецената*мъ
„И *ласкамъ туамъ* покажы:
„*Энеусу* зробыся братомъ,
„*О, оптиме,* не одкажы!
„*Энеусъ принцепсъ* есть моторный,
„Вродлывый, гарный и проворный,
„Побачышъ самъ, *инномине!*
„Велы *акципере* подаркы
„Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сварки,
„Що прыслани черезъ мене:

„Се кылымъ самольотъ чудесный,—
„За Хмеля выткався царя,—
„Лита пидъ облака небесни,
„До мисяця и—де зоря;

„И можна стилъ нымъ застыляты,
„И передъ лижкомъ простылаты,
„И тарадайку закрывать;—
„Царивни буде винъ въ прыгоду
„И то найбильшъ для того году,
„Якъ замижъ прыйдеться давать.

„Ось скатерть Шльонская нешпетна,—
„Іи у Лыпську добулы;
„Найбильше тымъ вона прыкметна,
„На стилъ якъ тилько настелы
„И загадай якои стравы,
„То всяки вродяться потравы,
„Яки на свити тилько йесть:
„Пывце, вынце, медокъ, горилка,
„Рушникъ, нижъ, ложка и тарилка,—
„Царыци мусымъ сю пиднесть.

„А се сапьянци самоходы,
„Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
„Въ старынніи пошыти годы,—
„Не знаю, якъ досталысь намъ;
„Лыбонь досталысь одъ Пендосивъ,
„Що въ Трои намъ утерлы носивъ,—
„Про те Эней зна молодець;
„Сю ричъ, якъ ридку и старынну,
„Пидносымо царю Латыну,
„Съ поклономъ нызькымъ на ралець".

Царыця, царь, дочка Лавына
Зглядалыся про-мижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякый и гребе,
Яки досталысь имъ подаркы;
Насылу обійшлось безъ сваркы.

Якъ-ось Латынъ сказавъ посламъ:
„Скажите вашому Энею:
„Латынъ изъ цилою симьею,
„Крый Боже, якъ вси ради вамъ!

„И вся моя маетность рада,
„Що Богъ васъ навернувъ сюды;
„Мни мыла ваша вся громада,
„Я не пущу васъ никуды;
„Прошу Энею покланятысь
„И хлиба—соли не цуратысь,
„Кусокъ остатній роздилю.
„Дочка у мене одыначка,
„Хазяйка добра, пряха, швачка,
„То може и въ ридню вступлю".

И заразъ попросывъ до столу
Латынъ Энеевыхъ бояръ;
Пылы горилку до изволу
И йилы бублыкы, кавьяръ;
Бувъ борщъ до шпундривъ зъ бурякамы,
А въ юшци потрохъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба, шарпанына,
Печена зъ часныкомъ свынына,
Крохмаль, якый йидять паны.

Въ обидъ пылы заморськи вына,—
Не можна всихъ ихъ розсказать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ опысать;
Пылы сикызку, деренивку
И крымську вкусную дуливку,
Що то айвовкою зовуть.
На *виватъ*—зъ мущыривъ стрилялы,

Тушъ—гримко трубачи играли,
А *многолитъ*—дякы ревуть.

Латынъ по царському звычаю
Энею дары одрядывъ:
Лубенського шматъ короваю,
Корыто *Опишнянськыхъ* слывъ,
Орихивъ *Кыивськыхъ* смаженыхъ,
Полтавськыхъ пундыкивъ пряженыхъ
И гусячыхъ пять кипъ яець;
Рогатого скота зъ *Лыпьянкы*,
Сывухы видеръ зъ пять *Будянкы*,
Сто *Решетыливськыхъ* овець...

IV.

Латынци лагодяться въ похидъ на Энея.

О, музо, панночко Парнасська!
Спустись до мене на часокъ:
Нехай твоя научыть ласка,
Нехай твій шепче голосокъ,
Латынь къ війни якъ знаряжалась,
Якъ армія ихъ набиралась,
Якый порядокъ въ війську бувъ;
Вси опышы мундыри, збрую
И казку мни скажы такую,
Якои ще нихто не чувъ.

Бояры въ мыть скомпонувалы
На аркушъ манихвестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ військо йшло пидъ коруговъ;
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,

А усъ въ пивлокоть-бы стырчавъ;
Щобъ сала и пшона набралы,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

Все військо заразъ роспысалы
По разныхъ сотняхъ, по полкамъ,
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патенты сотныкамъ.
По городамъ всякъ полкъ назвався,
По шапци всякый розлычався,—
Впысалы військо пидъ ранжырь;
Пошылы сыни всимъ жупаны,
На спидъ же биліи каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугырь.

Въ полкы людей роспредилывшы,
И по квартырямъ розвелы,
И всихъ, въ мундыри нарядывшы,
Къ прысязи заразъ прывелы.
На коняхъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Табаку нюхавъ осаулъ;
Урядныкы зъ отаманамы
Новымы чванылысь шапкамы,
И ратныкъ всякый губу дувъ.

Такъ, вичной памьяты, бувало
У насъ въ Гетьманщыни колысь
Такъ просто військо шыкувало,
Не знавшы: *„стой, не шевелысь!“*
Такъ славніи полкы козацьки
Лубенськый, Гадяцькый, Полтавськый
Въ шапкахъ, було, якъ макъ, цвитуть.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,

Передъ себе спысы наставлять,—
То мовъ митлою все метуть...

Не хмара сонце заступыла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витеръ се шумыть:
Се військо йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ *Ардею* *) городъ поспиша.
Стовпъ пороху пидъ небо вьеться,
Сама земля, здаеться, гнеться:
Энею! де теперъ душа?

Тутъ військо киннее валылось
И дуже ручче́е було;
Отаманъ звався Покотыллосъ,
А осаулъ Караспуло.
Се Греческіи проскиносы,
Изъ Биломорья все пендосы,
Зъ Мореа, Дельта, Кефалосъ;
Везлы зъ собою лагомыны,
Олыву, мыло, рыжъ, маслыны
И *капама*, *кебабъ калосъ*.

Цекулъ **) Пренестськый коваленко
Въ Латію зъ військомъ также пхавсь;
Такъ Сагайдачный зъ Дорошенкомъ
Козацькымъ військомъ велычавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позаду другый пьяну братью
Донськымъ нагаемъ пидганявъ.
Рядочкомъ йихалы гарненько,

*) Ардея—столычный Рутульськый городъ.
**) Цекулъ—сынъ Вулкана.

Зъ люльокъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коныку кунявъ.

За сымы плентавсь розбышака,
Нептунивъ сынъ, сподарь Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ бывся такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулачныкъ и рубака
И дужый бувъ зъ його хлопакъ;
Въ выскы було кому якъ впнеться,
Той на-сухо не оддереться;
Такый ляхамъ бувъ Зализнякъ...

Не можна далеби зличыты,
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, зъ кымъ, колы, видкиль взялысь.
Виргилій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья,
Покы дрибненько опысавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргывци, Лабыкы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

Така-то збирныця валылась,
Энея щобъ побыты въ пухъ;
Уже Юнона де озлылась,
То тамъ запры крипкенько духъ.
Жаль, жаль Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадыть!...

Петро Петровычъ Гуланъ-Артемовсьный.

Гулакъ-Артемовськый Петро Петровычъ, поповычъ, уродывся 1790 р., бувъ професоромъ и ректоромъ Харькивського университету; умеръ 1 жовтня 1866 р. Почавъ писаты р. 1818; найбильшъ видома сатыра його „Панъ та собака"; окримъ того, написавъ чы-мало перекладивъ на мову украинську, переважно зъ Горація.

РЫБАЛКА.

Украинська балада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schvoll.
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Göthe.

Вода шумыть!... вода гуля!...
На берези *Рыбалка* молоденькый
На поплавець глядыть и прымовля:
Ловиться, рыбонькы, велыки и маленьки!

Що рыбка смыкъ, то серце тьохъ!...
Серденько щось *Рыбалочци* вищуе:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханнячко?... не зна винъ, а сумуе.

Сумуе винъ,—ажъ ось реве,
Ажъ ось гуде!—и хвыля утикае...
Ажъ—гулькъ!... зъ воды дивчынонька плыве,
И косу счисуе, и бривкамы моргае...

Вона й морга, вона й спива:
„Гей! Гей! не надь, *Рыбалко* молоденькый,
„На зрадный гакъ ни щукы, ни лына!...
„На що ты нивечышъ мій ридъ и плидъ любенькый?

„Колы-бъ ты знавъ, якъ *Рыбалкамъ*
„У мори жыть изъ рыбкамы гарненько,
„Ты-бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
„И парубоцькее оддавъ-бы намъ серденько!

„Ты жъ бачывъ самъ,—не скажешъ: ни,—
„Якъ сонечко и мисяць червоненькый
„Хлюпощуться у насъ въ води на дни
„И изъ воды на свитъ выходять веселеньки!

„Ты жъ бачывъ самъ, якъ въ темну ничъ
„Блыщять у насъ зиронькы пидъ водою:
„Ходы жъ до насъ, покынь ты удку причъ—
„Зо мною будешъ жыть, якъ братъ жыве зъ сестрою!

„Зырны сюды!... чы се жъ вода?...
„Се дзеркало: глянь на свою уроду!...
„Ой, я не зъ тымъ прыйшла сюда,
„Щобъ намовлять зъ воды на парубка незгоду!“

Вода шумыть!... вода гуде!...
И ниженькы по кисточкы займае...
Рыбалка вставъ, *Рыбалка* йде,
То спыныться, то впять все глыбшенько пирнае!...

Вона жъ морга, вона й спива....
Гулькъ!... прыснулы на сынимъ мори скалкы....
Рыбалка хлюпъ!... За нымъ шубовсть вона!...
И бильше вже нигде не бачылы *Рыбалкы*....

* * *

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem, non secus in bonis.
Ab involenti temperatam
Laetitiâ, moriture Delli!
(Dib. II, od. III).

Пархоме! въ щасти не брыкай!
Въ нудзи прытьмомъ не лизь до неба,
Людей пытай, свій розумъ май!
Якъ не мудруй,—а вмерты треба!
Чы коротаешъ викъ въ журби,
Чы-то за поставцемъ горилкы
Въ шынку наризують тоби
Цымбалы, кобзы и сопилкы;
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачкы,
И жинку макогономъ бьешъ,
Чы самъ товчешся на-вкулачкы:
Оры и засивай ланы,
Косы шыроки перелогы,
И грошыкы за баштаны
Лупы,—та все одкынешъ ногы!...
Покынешъ все: стижкы й скырты,
Вси ласощи: паслинъ, цыбулю....
Загарба иншый все,—а ты
Зйисы за гирку працю дулю!
Чы соцькымъ батько твій въ сели,
Чы самъ на панщыни працюе:
А смерть зривняе всихъ въ земли,—
Ни зъ кымъ скажена не жартуе!...
„Чы читъ, чы лышка?“—загука;
Ты крыкнешъ: „читъ!“... Ба брешешъ, сыну!“
Озветься паплюга зъ кутка,
Та й сцупыть зъ печи въ домовыну!

ПАНЪ ТА СОБАКА.

На землю злизла ничъ... ниде а ни шышырхне,
Хиба-то де-куды кризь сонъ що-небудь пырхне.
Хочъ въ око стрель тоби,—такъ темно на двори:
Уклався мисяць спать, нема а ни зори,
И ледве крадькома яка маленька зирка
Зъ-за хмары выгляне, неначе мышъ зъ засика.
И небо, и земля—усе одпочыва,
Все ничъ пидъ чорною запаскою хова.
Одынъ Рябко, одынъ якъ палець, не дримае:
Худобу панську, мовъ братъ ридный, доглядае,
Бо дарма йисты хлибъ Рябко нашъ не любывъ:
Йивъ за пятьохъ, але те йивъ, що заробывъ.
Рябко на панському двори не спыть всю ничку.
Колы-бъ тоби на смихъ було де выдно свичку,
Або въ сели де на опичку
Маячывъ каганець!
Вси сплять, хропуть,
А де-яки сопуть.
Уже и панотець,
Прылизшы изъ хрестынъ, до утрени попхався...
А нашъ Рябко, кажу, все спаткы не вкладався:
Знай, неборакъ, ганя то въ той, то въ сей кутокъ;
То зазырне въ курныкъ, то—дейко до свынокъ,—
Спыта: чы вси такы жывеньки поросятка,
Индыкы та качкы, курчатка й гусенятка?
То звидтиль навпростець
Махае до овець,
До клуни, до стижкивъ, до стани, до оборы;
То зновъ назадъ чымъ-дужчъ,—щобъ часомъ москали
(А ихъ тоди було до хрина на сели),

Щобъ москали, мовлявъ, не вбралысь до коморы.
Не спыть Рябко, та все такъ гавка, скавучыть,
Що, сучый сынъ, колы ажъ въ ухахъ не лящыть!
Все дума: якъ бы-то пиддобрыться пидъ пана?
Не зна жъ, що не мыне Рябка обрадованна!
Якъ гавъ, такъ гавъ, покы свинуло на двори;
Тоди Рябко простягсь, захрипъ въ своій нори.
Чому жъ Рябку не спать? чы знавъ винъ, що зъ нымъ буде?
Заснувъ винъ смачно такъ, якъ сплять вси добри люде,
Що щыро стережуть добра своихъ панивъ...
Якъ ось—трусъ, галасъ, крыкъ!... ввесь двиръ загомонивъ:
—Цу-цу, Рябко! на-на! сюды Рябка клыкните!—
—Ось-ось я батечкы!... чого вы тамъ, скажите!—
Стрыба Рябко, вертыть хвостомъ,
Неначе помеломъ,
И знай, дурненькый, скалыть зубы
Та лыже губы.
—Уже жъ бачъ, дума винъ, не дурно це въ двори
Одъ самои тоби зори
Вси панькаються коло мене:
Мабуть самъ Панъ звеливъ виддать Рябку печене
И що зосталося варене,
За те, що, бачъ, Рябко всю божу ничъ не спавъ,
Та гавкавъ на ввесь ротъ, злодіивъ одганявъ.
„Цу-цу, Рябко!“ ще разъ сказавъ одынъ псяюха...
Та й хапъ Рябка за уха!
„Кладить Рябка!“—гукнувъ... Ажъ ось и Панъ прыбигъ.
„Лупить Рябка,—сказавъ,—чухрайте, ось батигъ!“
—За що?—спытавъ Рябко; а Панъ крычыть: „Чухрайте!
—Ой, йой, йой, йой!—а Панъ имъ каже:—„Не вважайте!“
—„Не буду, батечку! За що жъ се честь така?“—
„Не слухай!“ Панъ крычыть: „лупить, дерить Рябка!“
Деруть Рябка, мовъ пирья.
На галасъ збиглась двирня:
„Що? якъ? за що? про що?“ Не знае ни одынъ.

—„Пустить!“—крычыть Рябко:—„не будь я песькый сынъ,
Колы вже вдержу бильшъ!“—
Рябко нашъ хочъ не бреше,
Такъ що жъ? Явтухъ Рябка все знай по жыжкахъ чеше.
„Пустить, швыдчій пустить!“ Панъ на ввесь ротъ гукнувъ,
Та й зъ хаты самъ умкнувъ.
„Пустить!—гукнулы вси: „Рябко вже вдовольнывся!“
—„Чымъ, люде добри, такъ осе я провынывся?
За що жъ глузуете?“—сказавъ нашъ неборакъ,—
„За що знущаетесь вы надо-мною такъ?
За що, за що?“—сказавъ та й попустывъ патьокы,
Патьокы слизъ ґиркыхъ, узявшыся за бокы.
„За те,“—сказавъ одынъ Рябкови зъ наймытивъ,
„Щобъ не колошкавъ ты въ-ночи своихъ панивъ;
За те... але жъ що тутъ?... ходимъ, Рябко, лышъ зъ хаты:
Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявляты.
Ходимъ, Рябко, на двиръ.“
Пишлы.
„Се не пусте,“—
Сказавъ Явтухъ Рябку: „осе тебе за те
По жыжкахъ, бра Рябко, такъ гарно пошмагалы,
Шо Панъ изъ Панею сю цилу ничъ не спалы.“
—„Чы выненъ я сьому? чы ты, Явтухъ, здуривъ?“—
„Гай, гай!“—сказавъ Явтухъ:—„Рябко! ты знавыснивъ!
Ты выненъ, бра Рябко, що ниччю розбрехався:
Ты жъ знавъ, що вчора нашъ у карты Панъ програвся!
Ты жъ знавъ,
Що хто програвъ,
Той чорта (не теперъ на спомынкы) здримае,—
Той батька ридного, розсердывшысь, програе!
Ты жъ знавъ, кажу, Рябко, що Панъ не буде спать?
До чого жъ гавкавъ ты? на що жъ було гарчать?
Нехай бы гавкавъ самъ, а ты-бъ уклавсь тыхенько,
Забравшысь въ ожередъ, та й спавъ бы тамъ гарненько.
Теперъ ты бачышъ самъ, що мокрымъ винъ рядномъ

Напався на тебе и знай верзе прытьмомъ,
Що грошей вчора винъ процындрывъ щось не трохы;
Що Паню черезъ те всю ничъ кусалы блохы;
Що буцимъ вчора винъ грать въ карты-бъ не сидавъ,
Колы-бъ сьогоднишню бувъ ничъ хочъ закунявъ;
Що буцимъ ты, Рябко, такъ гавкавъ, якъ собака;
Що буцимъ по тоби походыть ще й ломака;
Що, бачться, ты йому остывъ, надосолывъ,
И, бачться, винъ тебе за те й прохворостывъ.
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гавкай, не ганяйсь;
Ляжъ, хырный, та й мовчы, изъ Паномъ не ривняйсь;
Чого брехать? нехай нашъ Панъ здоровый буде,
Винъ самъ и безъ собакъ сю панщыну одбуде".
Послухавъ нашъ Рябко порады Явтуха:
—Нехай тяжка йому годына та лыха,—
Сказавъ,—щобъ за мое, якъ кажуть, жыто
Та ще мене и быто?
Колы мое не въ ладъ,
То я зъ своимъ назадъ.
Чы баба зъ воза—що жъ? велыка дуже вада?
Кобыли легшый визъ—сьому кобыла й рада,—
Оттакъ сердяга нашъ Рябко помирковавсь,
Та й спать на цилый день й на цилу ничъ попхавсь.
Заснувъ Рябко, захрипъ, ажъ ожередъ трясеться;
Рябку й не сныться, й не верзеться,
Що вже москалыкы въ комори й на двори
Скризь нышпорять, мовъ тутъ воны господари;
Що вовкъ ягнятъ, а тхиръ курчатокъ убирае.
Ажъ тутъ и на двори тужъ-тужъ уже свитае.
„Цу-цу, Рябко!" тутъ вси, повыбигавшы зъ хатъ,
„Цу-цу, Рябко! на-на!" гукнулы якъ на гвалтъ.
А нашъ Рябко тоби и усомъ не моргае;
Хочъ чуе, та мовъ спыть и мовъ не дочувае.
—Теперъ-то,—дума винъ,—мій Панъ всю ничку спавъ,
Бо не будывъ його Рябко и не брехавъ;

Теперъ-то винъ мени свою покаже дяку;
Теперъ уже не втре мени, якъ вчора, маку.
Нехай цуцукають, мене сымъ не зведуть,
Покы самы сюды обидъ не прынесуть.
Та ще й тоди, не бійсь, поскачуть коло мене,
Покы визьму я въ ротъ хочъ страву, хочъ печене!—
„Цу-цу!“ сказавъ ище Рябкови тутъ Явтухъ;
„Цу-цу!“ задыхавшысь, мовъ зъ його перло духъ.
„Ходимъ, Рябко!“
—Эге, ходимъ! не дуже квапся!
Самъ прынесы сюды!—„Иды жъ хутчій, не бався!“
—Ба, не пиду, Явтухъ!—
„Иды, бо клыче Панъ!“
Сказавъ та й зашморгнувъ на шыи винъ арканъ.
„Чешить Рябка!“—гукнувъ... ажъ тутъ ихъ щось зъ десятокъ
Влипылы зъ сотеньку кыивъ Рябку въ завдатокъ.
„Лупить Рябка!“—крычыть тутъ Панъ, якъ нависный,
Рябко жъ нашъ тилько вже що теплый та жывый.
Разивъ изъ шисть Рябка водою одлывалы,
И стилько разъ його, одлывшы, зновъ шмагалы,
А потимъ пересталы.
Рябко спытать хотивъ, але Рябкивъ языкъ
Бувъ въ роти спутаный, неначе путомъ зъ лыкъ,
И геркготавъ щось, якъ на сидали индыкъ.
„Постій!“—сказавъ Явтухъ Рябкови,—„не турбуйся,
Я правду всю скажу: ото, Рябко, шануйся,
Добра своихъ Панивъ, якъ ока, стережы,
Зарання спать не квапсь, въ солому не бижы,
Злодіивъ обганяй та гавкай на звирюку.
Не гавкавъ ты, Рябко,—за те жъ мы, бачъ, въ науку,
Изъ ласкы, зъ мылости Панивъ,
Влипылы сотеньокъ изъ пять тоби кыивъ.“
—Чорты-бъ убывъ твого, Явтухъ, зъ Панамы батька
И дядыну, и дядька
За ласку ихъ!—сказавъ Рябко тутъ на одризъ—

—Нехай имъ служыть бильшъ рябый въ болоти бисъ!
Той дурень, хто дурнымъ иде Панамъ служыты,
А бильшый дурень—хто имъ дума догодыты!

Годывъ Рябко имъ, мовъ болячци й чыряку;
А що жъ за те Рябку?
Споролы батогамы,
А за выслугу—палюгамы.

Чы гавкае Рябко, чы мовчкы ниччю спыть,
Все выпада такы Рябка прытьмомъ побыть.
Уже мени, бачу, чы то туды—высоко,
Чы то сюды—глыбоко;
Повернесся сюды—и тута гаряче;
Повернесся туды—и тамъ-то боляче.
Хочъ-бы я тисто внисъ псяюси изъ дижею,
То-бъ винъ ростовкъ и ту надъ спыною моею.
Зъ ледачымъ все бида: хочъ верть круть, хочъ круть-верть,
Винъ найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

1818 р.

Левко Мыколаевычъ Боровыковськый.

Боровыковськый Левко Мыколаевычъ, дидычъ зъ Полтавщыны, уродывся 1804 р., учывся въ Харькивському университети, а потимъ бувъ учытелемъ у Харькивській гимназіи; почавъ пысать украинською мовою р. 1829, переклавшы баладу Жуковського „Свѣтлану" („Маруся"); р. 1852 надрукована його книжка байокъ.

ЧОРНОМОРЕЦЬ.

То не сирый туманъ
Съ Чорноморья пиднявъ,—
Пиднимаються гусы то сиріи;
То не хмару снигивъ
Буйный витеръ навивъ,—
Пиднимаються лебеди биліи,
Крычать гусы: гелъ! гелъ!
А за нымы орелъ
Испускаеться зъ хмары высокои.
„Не тикайте вгори,
Гусы сири мои!
Пидождите орла, мои любіи!

Я не быты лечу,
Роспытаты хочу:
Чы не бачылы ясного сокола?
Чы не стритылы вы
Богатырь-головы
Съ Чорноморіи доброго молодця?"
„Коло моря убытъ
Чорноморець лежыть;
Його ручкы лежать на тры штученькы,
Його нижкы на зглядъ
Край дорогы лежать;
Кризь реберця—трава пробывается.
Середъ степу того
Нихто къ тилу його
Изъ жывои души не ласкается;
Тилько ластивкы тры,
Зъ-пидъ сидои горы,
Прыгортаються: першая ластивка
Маты ридна рыда,
А другая—сестра;
Третя ластивка—жинка покійного.
Де матуся рыда,
Тамъ кровава рика
Протикае до моря глыбокого;
Де ридненька сестра,
То вже ричка пройшла
И просохла, не влывшыся до моря;
А де жинка була—
И росыци нема,
И завьяла трава край покійного.

ОЛОХЪ.

За моремъ степъ, край моря степъ,
Въ степахъ волохъ зъ шатрамы ходыть;
Крыва коса, зубатый серпъ
Волоха въ поле не выводыть.
Волохъ не йде въ полкы служыть,
Волохъ жыве, якъ набижыть.

Шырокый степъ—його постиль,
Кругомъ стина—изъ небомъ горы;
Не жатый хлибъ, не брана силь,
Пивъ-голый самъ и диты голи;
За те жъ татарынъ, нимець, ляхъ
Не грилы рукъ въ його шатрахъ.

Паны въ будынкахъ сплять безъ сна;
Купець моря переплывае;
Въ води тука рыбалка дна;
Мужыкъ въ судахъ поригъ змитае,—
Волохъ соби въ шатри сыдыть,
Охоче йисть, спокійно спыть.

Зима—биля вогню въ шатрахъ;
Весна—лежыть винъ пидъ зорямы,—
А литомъ ходыть по степахъ
Зъ шырококрылымы шатрамы:
Безъ хлиба—сытъ, безъ хаты—панъ,
Густый туманъ—його жупанъ.

ЗЕЧИРЪ.

(Переспивъ).

Буря въ хмари небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова;
То, солому закрутывшы,
По-пидъ стрихою шумыть,
То въ викно, мовъ прыпизнывшысь
Подорожній торохтыть.

* * *

Вся промокла наша хатка;
Тыхо въ хати и темно;
Що-жъ на лавци пани-матка
Зажурылась пидъ викномъ?
Чы пидслухуешъ, якъ свыще
Витеръ, вые и шумыть?
Чы якъ дзыгою на дныщи
Веретено задзычыть?

* * *

Выпьемъ, добра пани-матко!
Ну, по одній! Налывай!
Выпьемъ зъ горя? Де-жъ кухлятко?
За почынкомъ не дримай!
Заспивай, якъ сына маты
Выганяла до орды,
Якъ до зиронькы дивчына
Неньци прынесла воды.

* * *

Буря въ хмари небо крые,
Сыпле снигъ, якъ зъ рукава,
То звирюкою завые,
То застогне, якъ сова!
Выпьемъ, добра пани-матко!
Ну, по одній! Налывай!
Выпьемъ зъ горя? Де-жъ кухлятко?
За почынкомъ не дримай!

Байкы.

1.

До Друкаря.

Друкарю! не дримай: де треба точку ставь,
Щобъ искрымъ насъ рядномъ злый крытыкъ не напавъ;
Бо йе й таки: не найде толку—буде тыхо:
Не найде жъ точкы—лыхо....

2.

Клымъ.

Спыталы Клыма разъ, яка найлучча птыця:
Чы чыжъ, чы соловей, чычитка, чы сыныця?
Голодный Клымъ озвавсь зъ-баса́:
„Найлучча птыця—ковбаса!"
Голодній, бачъ, куми—
Хлибъ на уми.

3.

Крыла у витряка.

Разъ крыла въ витряка гудилы й герготалы,
Що все село воны насушнымъ годувалы;
А каминь, пятирня и колесо... мовчалы.

Прыказують, що хто мовчыть,
Той двохъ навчыть.

Евгенъ Павловычъ Гребинка.

Гребинка Евгенъ Павловычъ, сынъ дидыча зъ Полтавщыны, уродывся 21 сичня 1812 р., учывся въ Нижыньскому Лицеи, учытелювавъ у Дворянськимъ Кадетськимъ Корпуси въ Петербурзи; почавъ пысаты украинською мовою 1831 р.; головнійши творы його—прыказкы, лирычни поэзіи та перекладъ Пушкыновои „Полтавы". Умеръ 4 грудня 1848 р.

УКРАИНСЬКА МЕЛОДІЯ.

Ни, мамо, не можна нелюба любыть—
Нещасная доля изъ нелюбомъ жыть.
Охъ, тяжко! охъ, важко зъ нымъ ричъ розмовляты!
Хай лучче я буду ввесь викъ дивоваты!"

—Хыба жъ ты не бачышъ, яка я стара?
Мени въ домовыну лягаты пора;
Якъ очи закрыю, що буде зъ тобою?
Останешся, доню, одна, сыротою!

—А въ свити якее жыття сыроти?
И горе, и нужду терпитымешъ ты.
Я дочку пустывшы, мовлявъ, на поталу,
Стогнать пидъ землею, якъ горлыця, стану.

„О, мамо, голубко, не плачъ, не рыдай,—
Готуй рушныкы и хусткы вышывай!
Нехай за нелюбомъ я щастя утрачу:
Ты будешъ весела, одна я заплачу!“

Генъ тамъ, на могыли, хрестъ Божый стоить,
Пидъ нымъ рано й вечиръ матуся квылыть:
„О, Боже мій мылый, що я наробыла!
Дочку, якъ схотила, изъ свита згубыла!“

1840.

Човенъ.

Заграло, запинылось сынее море
И буйніи витры по морю шумлять,
И хвыля гуляе, мовъ чорніи горы
Одна за одною бижать.
Якъ темная ничка, насупылысь хмары,—
Въ тыхъ хмарахъ, мовъ голосъ небеснои кары,
За громомъ громы гуркотять.

* * *

И грае, и пиныться сынее море;
Хтось човенъ на море пустывъ;
Бурхнувъ винъ по хвыли, ныряе по-воли,
Одъ берега геть покотывъ;
Хытаеться, бидный, одынъ безъ весельця.
Охъ, жаль мени човна! охъ, жаль мого серця!
Чого винъ пидъ бурю поплывъ?

* * *

Ущухнуло море, и хвыли вляглыся;
Пустують по пини мавкы;
Упять забилилы, упять простяглыся
По морю кругомъ байдакы.
Де жъ човенъ подився? де плавле мій мылый?
Мабуть винъ не плавле, бо онъ-де по хвыли
Биліють изъ його трискы.

* * *

Якъ човнови море,—для мене свитъ билый
Измалку здавався страшнымъ;
Да якъ заховаться? Не можна жъ викъ цилый
Пробуты зъ собою однымъ!
Прощай, мій покою,—пускаюсь у море!
И може недоля и лютее горе
Погаються зъ човномъ моимъ.

1833 р.

Байкы.

1.

Сонце та Хмары.

Ось Сонечко зійшло и свитыть намъ, и гріе,
И Божый мыръ, якъ макивка, цвите;
На неби чыстому, генъ хмара бовваніе,—
Та хмара надулась и ричъ таку гуде:
„Що вже мени се Сонце надойило!
Чого воно такъ землю веселыть?
Хочъ я насуплюся, воно такы блыщыть.
Я полечу йому на зустричъ смило,
Я здужаю його собою затемныть!“
Дывлюсь—и хмарамы пивъ неба замостыло,
На сонечко мовъ ниччю налягло;
А сонце выще пидплывло
И хмары ти позолотыло.

2.

Ведмежый судъ.

Лысычка подала у судъ таку бомагу:
Що бачыла вона, якъ попиластый вилъ
На панській выньыци пывъ, якъ мошеннык, брагу,
Йивъ сино и овесъ, и силь.
Суддею бувъ Ведмидь, Вовкы булы пидсудкы.
Давай воны його по своему судыть
Трохы не цили суткы!

„Якъ можна грихъ такый зробыть!
Воно було-бъ зовсимъ не дыво,
Колы-бъ винъ йивъ соби мъясыво“,—
Ведмидь сердыто ставъ ревить.
„А то винъ сино йивъ!“ вовкы завылы.
Вилъ щось почавъ бувъ говорыть,
Та судди ричъ його съ початку перебылы,—
Бо винъ сытенькый бувъ,—и такъ опредилылы
И прыказалы запысать:
„Понеже вилъ прызнався попиластый,
Що винъ йивъ сино, силь, овесъ и всяки сласты,
Такъ за таки грихы його четвертувать
И мъясо розидрать суддямъ на ривни часты,
Лысычци жъ ратыци оддать.“

3.

Ячминь.

Сынъ.

Скажы мени, будь ласкавъ, тату,
Чого ячминь нашъ такъ порисъ,
Що колоскивъ прямыхъ я бачу тутъ багато,
А де-яки зовсимъ схылылыся у-нызъ,
Мовъ мы, неграмотни, передъ велыкымъ паномъ,
Мовъ передъ судовымъ на стійци козакы?

Батько.

Оти прямiи колоскы
Зовсимъ пустисиньки, ростуть на ныви даромъ;
Котри жъ поклякнулы—то Божа благодать:
Ихъ зерно гне, воны насъ мусять годувать.

Сынъ.

Того жъ то голову до неба звóлыть драть
Нашъ пысарь волосный, Онысько Харчовытый!
Ажъ винъ, бачу́...

Батько.

Мовчы! почують,—будешъ бытый.

4.

Будякъ та Коноплыночка.

„Чого ты такъ мене, ледащо, въ бокы пхаешъ“?
На коноплыночку въ степу будякъ гукавъ.
—„Та якъ росты мени? и самъ здоровъ ты знаешъ,
Що въ мене землю ты съ-пидъ коринця забравъ!“—

Бува и чоловикъ сьому колючци пара:
Людей товче, та й жде, щобъ хто його кохавъ.
Я бачывъ самъ такыхъ и може-бъ показавъ,
Та цуръ йому! боюсь,—розсержу комысара.

РЫБАЛКА.

Хто знае Оржыцю? А ну-те, обзывайтесь!
Уси мовчать. Гай—гай, яки шолопаи!
Вона въ Сулу тече, у нашій сторони.
(Вы, братця, все-такы домивкы не цурайтесь!)
На ричци тій жылы батькы мои,
И панства чортивъ тыскъ: Васыль, Иванъ, Мыкола,—
Народъ пысьменный—страхъ!
Бувавъ у всякыхъ школахъ,
Одынъ балакае на сотни языкахъ;
Арабську цыхвиру, мовлявъ, законъ турецькый,
Все тямлють, джеркотять, якъ гусы, по нимецькій.
Подумаешъ, чого-то чоловикъ не зна!
Да не про те, бачъ, ричъ. Усю торишню зиму
Рыбалка ятиромъ ловывъ въ тій ричци рыбу;
Рыбалка байдужé, ажъ ось прыйшла весна,
Прыгрило сонечко и съ поля снигъ погнало;
У ричку снигъ побигъ, и Оржыця заграла,
И ятиръ, граючы, водою занесла.
„Уже жъ вона мени оттутъ сыдыть въ печинкахъ,
Ся ричка каторжна!“ Рыбалка ставъ казать.
„Куць выгравъ, куць програвъ,—ось слухай лышень, жинко:
Пиду я до Сулы скажену позывать!“
И ризни де-яки казавъ сердега речи,
Изъ злосты, якъ москаль, усячыну гукавъ;
А дали почепывъ соби саквы на плечи,
У люльку пхнувъ огню, ципокъ у рукы взявъ
И ричку позывать до ричкы почвалавъ.
Чы довго винъ ишовъ, чы ни,—того не знаю;
А тилько винъ дойшовъ, якъ слидуе, до краю.
Сула шумыть, гуляе по степамъ.

Рыбалка дывыться и очи протырае:
Не вирыть самъ своимъ очамъ,
Бо по Сули—чорты-бъ ихъ мучывъ матиръ!—
Плывуть хлывци, стижкы, дижкы, усякый крамъ,
И бидного його ныряе ятиръ!
Зитхнувъ рыбалочка, та и назадъ попливсь.
А що, земляче, пожывысь?

Ось слухайте, паны, бувайте вы здорови!
Эге, Охрименко дурный:
Пишовъ прохать у повитóвый,
Що обидравъ його нашъ пысарь волосный!

Маркіянъ Шашкевычъ.

Шашкевычъ Маркіянъ, уродывся 1811 р., въ Галычыни, скинчывъ Львивськый Университетъ, бувъ священыкомъ; першый въ Галычыни почавъ пысаты народною мовою, працювавъ надъ перекладомъ Евангелія на народню мову, выдавъ р. 1837-го збирныкъ: „Русалка Днѣстрова"—першу въ Галычыни укр. книжку; пысавъ переважно лирычни поэзіи. Умеръ 7 червня 1843 р.

* * *

Руська маты насъ родыла,
Руська маты насъ повыла,
Руська маты насъ любыла,—
Чому-жъ мова ій не мыла?
Чомъ стыдатысь іи маемъ?
Чомъ чужую полюбляемъ?...

УГА ЗА МЫЛОЮ.

(Урывокъ).

Изъ-за горы, изъ-за лиса
Витрець повивае;
Скажы, скажы, тыхый витре,
Якъ-ся мыла мае?
Чы здорова, чы весела,
Лычко румьяненьке;
Чы сумуе, чы горюе,
Чы лычко блиденьке?
Бо я тужу, бо я плачу,
Сльозамы вмываюсь,
Веселои годыноньки
Вже не сподиваюсь!
Якъ-бы мени крыльця маты,
Соколомъ злетиты,—
Тяжку тугу изъ серденька
Пры мылій розбыты!
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Що-день и що-ночи,
Щобы мылій у сыченьки
Надывытысь очи;
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Свитомъ билесе́нькымъ,
Щобы мени натишытысь
Лычкомъ румьяненькымъ;
Ой литавъ бы-мъ, ой литавъ бы-мъ
Лисамы, горамы,
Щобы мени натишытысь
Мылымы словамы...

Пидлисся.

(Урывокъ).

Шумы, витре, шумы, буйный,
На лисы, на горы,
Мою журну несы думу
На пидлиськи дво́ры.

Тамъ спочынешъ, моя думко,
Въ зеленій сосныни,
Журбу збудышъ, натишышся
У лыхій годыни.

Тамъ ти *) скаже дубъ старенькый,
И одынъ, и другый,
Якъ я жывъ тамъ ще маленькымъ,
Безъ журбы и тугы.

*) — тоби.

Якивъ Головацьный.

Головацькый Якивъ уродывся р. 1814 въ с. Чепеляхъ, Золочивського повиту, вчывся у Львивському та Пештському универсытетахъ. Перши творы його надруковани р. 1837 у „Русалци Днѣстровій". Зъ р. 1843 бувъ священыкомъ, зъ р. 1848 професоромъ украинськои мовы и литературы у Львивському универсытети. 1867 р. перейшовъ у Росыю. Зъ поэзій його найкращи ти, що наблыжаються до характеру народнои писни. Умеръ р. 1884.

ДВА ВИНОЧКЫ.

По-пидъ гаемъ зелененькымъ
Чыста ричка тéче,
На явори зелененькимъ
Соловей щебече.

Сыдыть дивча надъ ричкою,
Два виночкы ввыла
И ручкою биленькою
На воду пустыла.

Одынъ винокъ зъ барвиночку,
А другый зъ рутонькы,—
Одынъ винокъ козаченька,
Другый—дивчыноньку.

Поплывъ винокъ изъ барвинку,
Хвыля' го *) сипае,
А остався изъ рутонькы,
Бо берегъ спыняе...

—„Пойихавъ мій козаченько
Въ далеку дорогу,
Мене лышывъ молоденьку
Самую небогу.

Вернысь винку изъ барвинку,
Прыплынь къ береженьку!
Вернысь мылый зъ Украины,
Прыстань ко серденьку!

Колы-жъ, винку изъ барвинку,
Сплынешъ къ береженьку?
Колы вернешъ зъ Украины,
Мылый козаченьку?“

Закувала зозуленька
Въ гаю, въ середыни,
Ажъ ся стало страшно, сумно
Молодій дивчыни:—

—„Въ Украини на могыли
Зацвила калына:
Тамъ лежыть твій козаченько,
Бидна сыротыно!

А колы ся воды вернуть,
Що за симъ литъ вплылы,
Тоди вернесь **) зъ Украины
Козаченько мылый!“

*) = його.
**) = вернеться.

* * *

Рой су́мна-сь, су́мна темна ниченька,
А ще сумнише мое серденько.
Журюся, ту́жу—никому сказаты,
Не маю ненькы жаль розважаты;
Ни въ мене ненькы, щобъ попестыты,
Ни въ мене сестры, зъ кымъ потужыты;
Лышъ в'денъ *) мыленькый, й той далеченькый,—
Докы дойиде, й пивничъ мынае;
Докы прыбуде, й пивень спивае;
Зъ разъ поцилуе—стане свитаты:
Часъ вже, мыленька, до́мивъ вертаты.

*) оденъ.

* * *

Докы була въ матинкы маленька,—
Красно мени розваджала*) ненька:
Щобъ не пыты вына червоного,
Не носыты винка зеленого,
Й не любыты хлопця молодого.
Якъ, небога, теперъ розгадаю,—
То всю красу видъ вынця я маю,
Всю утиху зъ винка зеленого,
А всю любисть зъ хлопця молодого.

*) навчала.

Мыкола Ивановычъ Костомаровъ.

Костомаровъ Мыкола Ивановычъ, сынъ дидыча, видомый украинськый историкъ, уродывся 4-го мая 1817 р. у Воронижщыни, скинчывъ харькивськый университетъ, професорувавъ у Кыивськимъ та Петербурзькимъ университетахъ; почавъ пысаты 1838 р. и, окримъ лирычныхъ та драматычныхъ творивъ на мови украинській, пысавъ росыйською мовою исторычни монографіи та повисти. Умеръ 7 квитня 1885 р.

На добра-ничъ.

(Урывокъ).

На добра-ничъ усимъ на ничъ,—
Годи вже блукаты;
Одынокый, безталанный
Ляжу спочываты.

Холодная постилонька
У темній диброви;
Буду ждаты, сподиватысь
Любои обновы.

Усе небо блакитнее
Покрыла темнота,
Безпросвитна, нерозумна,
Давняя дримота...

Не намъ, Боже, розгадаты
Небесни глаголы;
Суды, Боже, нашу долю
Та по Твоій воли.

И холодно, и боязко,
Туга серце гнитыть,
Всюды темно и не выдно,
Тилько зирка свитыть.

Свиты, зоре, на всю землю,
Покы сонце зійде,
Покы Божый день на землю
Красотворный прыйде.

Зори.

Выйду ниччю на могылу,—
Гробы бовваніють,
Погляжу я въ ясне небо,—
Тамъ зори зоріють,

Ривнымъ рухомъ, жывымъ духомъ,
Вичною красою,
Безъ упыну и безъ лику
Плынуть надо мною;

Плынуть зори въ ладнимъ хори
Вичнымы шляхамы...
Не намъ, не намъ, дитямъ праха,
Любоваться вамы!

Насъ неволя, наша доля,
На свитъ породыла,
Подражныла свободою
Та й не вдовольныла...

Свитять зори, якъ свитылы,
И будуть свитыты,
А мы, на ихъ надывывшысь,
Ляжемъ въ землю тлиты...

ВРЕЙСЬКА СПИВАНКА.

Жнива вбралы; смутно въ поли;
Пожовтилы вже лиски;
И збираються по-воли
Въ ырій литніи пташкы.

* * *

Ой, чому я не вродывся
Птахомъ быстрымъ та швыдкымъ!
Полетивъ-бы, опынывся
Въ краи риднимъ, дидивськимъ.

* * *

Полетивъ-бы, окомъ звивъ-бы
На замуленый Кедронъ
И голову прыхылывъ-бы
На покынутый Сіонъ.

* * *

Хочъ населенъ ворогамы
Край для мене доси свій,—
Все до тебе думонькамы
Рвусь, Сіоне мій святый!

* * *

И далеко на чужыни
Объ тоби гадать я звыкъ,
Привитать хочъ на годыну—
Зъ мене буде на ввесь викъ.

1841 р.

Курба еврейська.

Ой, плачте такъ, якъ плакалы диды
Надъ вавылонськымы рикамы!
Розбренъ храмъ, родыны въ насъ нема—
Чужи знущаються надъ намы!
Ой, плачте люде! Отъ ій трискы....
Розбылася святая арфа Юды!
У тій земли, де Богъ нашъ панувавъ,
У тій земли пануе ворогъ лютый!
Куды теперъ Израель помандруе?
Чы ще сіонську писню винъ почуе?
Чы ще музыка Юды задзвеныть?
Чы ще вона намъ серце звеселыть?
Нещасный люду! сырота—народе!
Куды бижыть винъ? Де винъ оддыхае?
Ма' прыпутень гниздо, лысыця—„скоту",
Родыну—чоловикъ,—винъ и труны не мае!

[redacted]

[redacted]

[redacted]

Кохаюся лыхомъ и щастя не знаю,
И гирко безъ доли свій викъ коротаю,
Й у гори спизнався, що тилько одна—
Далекее небо—моя сторона...

И гирко на свити! Якъ стане ще гирше,—
Я очи на небо—мени веселише,
И въ думкахъ забуду, що я сырота,—
И думка далеко—высоко лита!

Такъ дайте же крылля, орлячого крылля!
Я землю покыну—и на новосилля
Орломъ быстрокрылымъ у небо полыну
И въ хмарахъ видъ свиту на вики загыну.

Якъ въ сумеркы...

Якъ въ сумеркы вечирній дзвинъ,
Пидъ темный вечиръ, сумно дзвоне,
Якъ зъ витромъ въ поли плаче винъ,
А у диброви тяжко стогне,—

Тоди душа моя болыть
Видъ смутку, плачу по невирній,
А думка все туды летыть,
Де вперш почувъ я дзвинъ вечирній,

Де вперше такъ я полюбывъ
Поля прывольни та дибровы,
Де вперше свитъ и радисть вздривъ,
Та кари очи й чорни бровы!

Проснеться все въ души тоди,—
Вечирній дзвинъ усе розбуде,—
Сльоза пробье, и видъ нудьгы
Душа вси радости забуде!

О, тяжкый, дзвоне, твій прывитъ
Тому, хто мылого не мае!
Душа болыть и меркне свитъ,
А серце гирше занывае...

ВЕСНА.

Весна, весна, годына мыла!
Якъ гарно ты, якъ пышно ты
Долыны, горы звеселыла,
Скризь-скризь роскынула квиты!

Усе кругомъ зазеленило....
Чого жъ очамъ моимъ немыло
Дывытыся на Божый свитъ?
У мене серденько болыть,

А сльозы ныжуться на вiи.
Се одъ того, що бачъ лита мои,
Ще ранніи та молодіи,
Не бачылы, не чуялы весны.

Викторъ Олександровычъ Забила.

Забила Викторъ Олександровычъ, дидычъ, уродывся въ початку сього вику; учывся въ Нижынському Лицеи, служывъ въ гусарахъ, а потимъ жывъ у власнимъ хутори въ Борзенському повити, де и вмеръ 1869 р. Почавъ пысаты лирычни поэзіи 1840 р.

ДО СОЛОВЕЙКА.

Не щебечы, соловейку,
На зори раненько,
Не щебечы, малюсенькый,
Пидъ викномъ блызенько!

Твоя писня дуже гарна,
Ты гарно спиваешъ,
Ты щаслывый—спарувався
И гниздечко маешъ...

А я бидный, безталанный,
Безъ пары, безъ хаты,
Не досталось мени въ свити
Весело спиваты.

Сонце зійде,—я нужуся,
А заходыть—плачу:
Яку люблю дивчыноньку,
Тіеи не бачу.

Давно чуткы я не маю
Про свою дивчыну,
Цилый викъ свій усе плачу
На лыху годыну.

Не щебечы, соловейку,
Якъ сонце прыгріе,
Не щебечы, малюсенькый,
Якъ витеръ повіе.

Ты лыты, спивай тимъ людямъ,
Котри веселяться,—
Воны писнею твоею
Будуть забавляться;

Мени писенька такая
Серце розрывае,
Дужче бьеться мое серце,
Ажъ духъ замыре.

Амвросій Лукьяновычъ Метлинськый.

Метлинськый Амвросій Лукьяновычъ (псевд. Могыла), поповычъ, уродывся въ Гадяцькому повити у Полтавщыни 1814 р., професорувавъ у Харькивськимъ и Кыивськимъ университетахъ. Окримъ поэзій, пысавъ драматычни творы, займався этнографіею и выдавъ 1847 р. „Южно-русскій сборникъ" въ Харькови и 1854 р. „Народныя южно-русскія пѣсни" въ Кыиви. Умеръ въ Ялти 1870 р.

Дытына-сыротына.

1.

Якъ тилько гулькъ на свитъ свята недиля,
То й стане заразъ веселишый свитъ,
И выйде сонечко, мовъ на весилля,
Червоне й гарне, якъ та рожа квитъ.
Дытына биля церквы смутна, тыха:
Хиба одній ій яке лыхо?

2.

Старе й мале до церквы знай пыльнуе,
Бо дзвинъ давно вже клыче: бовъ та бовъ!

Спивае дякъ, ажъ все сусидство чуе,
Съ кадыла дымъ по церкви вже пишовъ...
Однымъ—одна на вулыци дытына,
Й старенькая на ій свытына.

3.

Посыпалы вже зъ церквы чоловикы,
Хлопьята, молодыци и дивкы;
Ось по дворахъ пишлы старци, каликы;
Частуються, кому кого зъ рукы...
Дытыну щось нихто не прывитае,
И на пыригъ не заклыкае.

4.

И сонечко вже пиднялось, палае...
Панъ зачынывъ викно, мухъ выгнавъ, спыть...
Хто лущыть соняшныкъ, орихъ кусае,
А де-хто такъ пидъ хатою сыдыть...
Дытына жъ та по-пидъ тынóмъ блукае:
Чы то й хатыночкы не мае?

5.

Въ писку на сонци дитвора гуляе
Въ биленькыхъ сорочкахъ... прыйшло воно...
Нихто його и словомъ не займае,—
Мижъ нымы все соби однымъ-одно...
Чы мыръ тому, мовъ травка, зеленіе,
Кому, мовъ сонце, щастя гріе?

6.

Онъ, биля церквы, впьять, бачу́, дытына...
Перехрестылася, та й дальшъ бреде,—
Тымъ шляхомъ дякъ та домовына,
Та пипъ съ кадыломъ инколы иде...

Прыйшло та й сило соби на могылу;
А ихъ багацько зеленило!

7.

Въ вечирню дзвоны вже людей склыкалы,
И ажъ по-за селомъ гуло: бовъ, бовъ!
Надъ гробовыщемъ ластивкы литалы,
Витрець на його зъ поля йшовъ...
Воно къ земли, мовъ къ ридній, прылягало,
Зъ могылою мовъ розмовляло...

8.

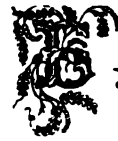
Й радесенька дытына уставала,
Мовъ ридныхъ, батька й матинку, знайшла;
На сонечко вечирне поглядала,
Мовъ ридная тамъ хатонька була...
А слизонькы яснесеньки, якъ скло,
Капъ, капъ зъ очыць... и въ церкву йшло.

ЗРАДНЫКЪ.

Хто тебе, родыно, ридный зневажае,
Хай той на чужыни серця не мае,
Та щобъ до кого въ го́ри прытулыться,
Та щобъ було зъ кымъ горемъ подилыться.

Хто свою виру, хто край свій покыне,
Хай той безъ роду на чужыни згыне,
Згасне його око, душа почорніе,
Замре його голосъ, серце зотліе;

Винъ одъ Бога доли не знатыме,
Тилько одъ Бога кары винъ ждатыме!
Де винъ стане, де винъ гляне—
Й чорный воронъ литать стане!



БУРЯ

Буря вые, завывае,
И сосновый биръ трищыть,
Въ хмарахъ блыскавка палае,
Гримъ за громомъ грюкотыть;
То, якъ вугиль, ничъ зчорніе,
То, якъ кровъ, зачервоніе.

Днипръ клыкоче, стогне, плаче,
Грыву сывую трясе;
Винъ реве й на каминь скаче,
Каминь рве, грызе, несе...
Гримъ що грымне, въ беригъ гряне,—
Съ пущи полумья прогляне.

Запалало и стемнило,
Застогнало въ небесахъ;
Дощъ лынувъ... Загомонило
На горахъ, поляхъ, въ лисахъ,
И зъ дощамы та зъ громамы
Днипръ реве мижъ берегамы.

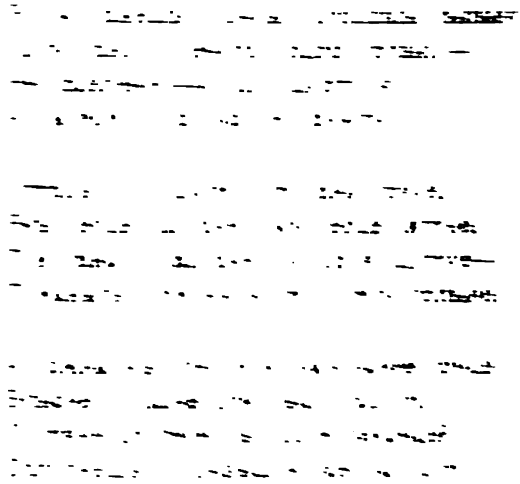
Олександеръ Степановычъ Аѳанасьевъ.

Аѳанасьевъ (псевд. Чужбинський) Олександеръ Степановычъ, сынъ дидыча зъ Лубенського повиту, уродывся 1817 р., скинчывъ Ниженськый Лицей, служывъ въ гусарахъ; почавъ пысаты 1838 р. и, окримъ поэзій на мови украинській, пысавъ повисти и романы мовою росыйською; досыть популярни його подорожни спогады—„Поѣздка въ южную Россію" (два томы). Умеръ въ Петербурзи 1875 р.

ТРЕБИНЦИ.

Скажы мени правду, мій добрый козаче,
Що діяты серцю, колы заболыть,
Якъ серце застогне и гирко заплаче,
И дуже безъ щастя воно защемыть?

Якъ горе, мовъ теренъ, всю душу поколе,
Колы одцуралось тебе вже усе,
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Не знаешъ, куды тебе витеръ несе?



* * *

Рій у поли на раздолли
Шовкова травыця,—
Середъ неи, край тополи,
Чыстая крыныця;

Тилько туды коныченька
Мени не водыты,
Изъ тіеи крыныченькы
Водыци не пыты.

Травка звьяне, травка зсохне
Коню вороному,—
Отрутою вода стане
Мени молодому.

На тій шовковій травыци
Багато отруты:
А зъ тіеи крыныченькы
Пывъ мій ворогъ лютый.

Дивоцька правда.

Сонце вставало; скризь на неби чысто;
Де-не-де хмарка гуляла по-воли;
Тыхо въ диброви, тилько ледве лыстомъ
Щось розмовляла высока тополя.

„Слухай, козаче!“ говорыть дивчына:
„Якъ одно сонце у неба святого,
Такъ ты, мій любый, вирная дружыно,
Одынъ у мене, и нема другого!“

Сонце сидало; скризь на неби чысто;
Мисяць з-за гаю выплывавъ по-воли;
Тыхо въ диброви, тилько ледве лыстомъ
Щось розмовляла высока тополя.

А вже другòму казала дивчына:
„Якъ одынъ мисяць у неба святого,
Такъ ты, козаче, вирная дружыно,
Одынъ у мене, и нема другого“...

* * *

(*Урывокъ*).

Мовъ сыняя стричка, Донець пидъ горою,
Кругъ його лисы та шыроки лугы;
Мовъ кылымъ шовковый, здаються весною
У квитахъ пахучыхъ його берегы;

А тамъ зеленіе гора за пискамы,
Черезъ гору стежечка геть простяглась,
Пишла по байракахъ, горамы, степамы,
И въ двиръ ажъ до панськыхъ будынкивъ якъ-разъ.

За тіи будынкы ховается сонце—
Далеко ихъ тинь полягла по луци;
И дивчына гарна стоить край виконця,
И перстень ажъ сяе на билій руци.

ТЕВЧЕНКОВИ.

Гарно твоя кобза грае,
Любый мій земляче!
Вона голосно спивае,
Голосно и плаче.

И сопилкою голосыть,
Бурею лютуе,
И чогось у Бога просыть,
И чогось сумуе.

Ни, не люде тебе вчылы—
Мабуть сама доля,
Степъ, та небо, та могыла,
Та шырока воля!

Мабуть часто думка жвава
Труны розкрывала,
И козацька давня слава,
Якъ сонечко, сяла;

И вставалы зъ домовыны
Закути въ кайданы
Вирни диты Украины—
Козакы й гетьманы;

И святи кисткы билилы
Спаленыхъ въ Варшави,
И могылы кровавылы
Прадиды безглави.

Мабуть ты учывсь спиваты
На руинахъ Сичи,
Де ще ридна наша маты
Зазырае въ вичи,

Де та бидна маты просыть
Кожну душу щыру,
Хто по свиту кобзу носыть,
Щобъ спивалы мыру

Про козацство незабутне,
Вирне, стародавне,
Про життя козацьке смутне,—
Смутне, але славне.

Знаю-жъ, братику ридненькый,
Якъ учывсь ты граты:
Ты послухавъ теи неньки—
Та й ставъ намъ спиваты.

1841 р.

Тарасъ Грыгоровычъ Шевченко.

Шевченко Тарасъ Грыгоровычъ, сынъ крипака, уродывся 25 лютого 1814 р. въ с. Морынцяхъ, Звенигородського повиту, художныкъ Императорськои Академіи Художествъ, найталановытійшый поэтъ украинськый; почавъ пысаты не пизнійшъ 1838 р.; напысавъ збирныкъ поэзій „Кобзарь", драму „Назаръ Стодоля" та килька повистей мовою росыйською; умеръ въ Петербурзи 26 лютого 1861 р., похованый биля Канива, надъ Днипромъ.

* * *

Якъ-бы вы зналы, панычи,
Де люде плачуть жывучы,
То вы-бъ идилій не творылы,
Та марне Бога-бъ не хвалылы,
На наши сльозы сміючысь.
За що, не знаю, называть
Хатыну въ гаи тыхымъ раемъ?
Я въ хати мучывся колысь,

Мои тамъ сльозы пролылысь,—
Найперши сльозы! Я не знаю,
Чы йесть у Бога люте зло,
Щобъ у тій хати не жыло?
А хату раемъ называють!
Не называю іи раемъ,
Тіи хатыночкы у гаи,
Надъ чыстымъ ставомъ край села.
Мене тамъ маты повыла
И, повываючы, спивала,
Свою нудьгу перелывала
Въ свою дытыну; въ тимъ гаю,
У тій хатыни—у раю,
Я бачывъ пекло... Тамъ неволя,
Робота тяжкая; николы
И помолытысь не дають;
Тамъ матиръ добрую мою,
Ще молодую, у могылу
Нужда та праця положылы;
Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
(А мы мали булы и голи)
Не вытерпивъ лыхои доли,—
Умеръ на панщыни!... а мы
Розлизлыся межи людьмы,
Мовъ мышенята. Я до школы—
Носыты воду школярамъ,
Браты на панщыну ходылы,
Покы лобы имъ поголылы.
А сестры!... сестры! Горе вамъ,
Мои голубкы молодіи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ выросльі, чужіи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ, сестры, й умрете!
Мени ажъ страшно, якъ згадаю

Отту хатыну край села:
Такіи, Боже нашъ, дила
Мы творымо у нашимъ раи!
На праведній Твоій земли
Мы въ раи пекло розвелы,
А въ тебе другого благаемъ;
Зъ братамы тыхо жывемо,
Ланы братамы оремо
И ихъ сльозамы полываемъ...

* * *

Мени трынадцятый мынавъ.
Я пасъ ягнята за селомъ.
Чы то такъ сонечко сіяло,
Чы такъ мени чого було—
Мени такъ любо, любо стало,
Неначе въ Бога . . . . . .
Уже проклыкалы до паю,
А я соби у бурьяни
Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому мени
Тоди такъ прыязно молылось,
Чого такъ весело було.
Господне небо и село,
Ягня, здається, веселылось,
И сонце грило—не пекло.

Та не довго сонце грило,
Не довго молылось:
Запекло, почервонило
И рай запалыло.
Мовъ прокынувся! Дывлюся:
Село почорнило,
Боже небо голубее—
И те помарнило.
Поглянувъ я на ягнята—
Не мои ягнята;

Обернувся я на хаты—
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничого!
И хлынулы сльозы,
Тяжки... А дивчына,
Пры самій дорози,
Недалеко коло мене,
Плоскинь выбирала,
Та й почула, що я плачу;
Прыйшла, прывитала,
Утырала мои сльозы
И поцилувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на свити стало
Мое—ланы, гаи, сады...
И мы, жартуючы, погналы
Чужи ягнята до воды.

Брыдьня!... а й доси, якъ згадаю,
То серце плаче, та болыть.
Чому Господь не давъ дожыть
Малого вику у тимъ раю!
Умеръ-бы, орючы на ныви,
Ничого-бъ на свити не знавъ,
Не бувъ-бы въ свити юродывымъ,
Людей-бы не проклявъ.

А. О. Козачковському.

Давно те діялось! Ще въ школи,
Такы въ учытеля дяка,
Гарненько вкраду пятака
(Бо я було трохы не голе,
Таке убоге!), та й куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку кныжечку; хрестамы
И везерункамы зъ квиткамы
Кругомъ лысточкы обведу,
Та й спысую Сковороду,
Або „Тры царіе со дары“;
Та самъ соби у бурьяни,
Щобъ не почувъ хто, не побачывъ,—
Выспивую було та плачу...

И довелося зновъ мени
На старисть зъ виршамы ховатысь,
Мережать кныжечкы, спиваты
И плакаты у бурьяни,
И тяжко плакать!... и не знаю,
За що мене Господь каѓае...
У школи мучылось, росло,
У школи й сывить почало,
У школи дурня й поховають;
А все за того пятака,
Що вкравъ маленькымъ у дяка,
Мабуть, Господь мене карае...

Ось слухай же, мій голубе,
Мій орле-козаче,

Якъ канаю я въ неволи,
Якъ нужу я свитомъ!
Слухай, брате, та научай
Своихъ малыхъ дитокъ,
Научай ихъ, щобъ не вчылысь
Змалку виршуваты;
Колы-жъ яке поквапыться,
То нищечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку
И виршуе, й плаче
Тыхесенько, щобъ Богъ не чувъ,
Щобъ и ты не бачывъ,
Щобъ не довелося, брате,
И йому каратысь,
Якъ я теперъ у неволи
Караюся, брате...
Неначе злодій, по за валамы
Въ недилю крадуся я въ поле,
Таламы выйду по-надъ Ураломъ
На степъ шырокый, мовъ на волю.

И болящее, побыте
Серце стрепенеться,
Мовъ рыбонька надъ водою;
Тыхо усмихнеться
И полыне голубкою
По-надъ чужымъ полемъ—
И я нибы ожываю
На поли, на воли...
И на гору высокую
Выхожу, дывлюся—
И згадаю Украину—
И згадать боюся...
И тамъ степы, и тутъ степы,
Та тутъ не такіи—

Руди, руди, ажъ червони,
А тамъ голубіи,
Зеленіи, мережани
Нывамы, ланамы,
Высокымы могыламы,
Темнымы лугамы...

А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
И хочъ-бы на смихъ де могыла
О давнимъ давни говорыла:
Неначе люде не жылы.
Одъ споконъ-вику и до ныни
Ховалась одъ людей пустыня,
А мы такы іи знайшлы...
Уже й твердыни поробылы,
Затого будуть и могылы—
Всього наробымо колысь!...

О, моя доле! моя Краино!...
Чы я-то вырвусь зъ ціи пустыни?...
Чы може (крый Боже!)
Тутъ и загыну...
И почорніе червоне поле...

Айда въ казармы, айда въ неволю!
Неначе крыкне хто надо мною,—
И я прокынусь. По-за горою
Вертаюсь, крадуся по-надъ Ураломъ,
Неначе злодій той, по за валамы.
Оттакъ я, друже мій, святкую
Оттутъ недиленьку святую!
А понедилокъ! Друже-брате!
Прыходыть ничъ въ смердячу хату,
Осядуть думы; розибьють
На сто кратъ серце и надію,

И те, що вымовыть не вмію—
И все на свити проженуть,
И спынять ничъ: часы—литамы,
Викамы глухо потечуть...
И я кровавымы сльозамы
Не разъ постелю омочу.
Переличу и дни, и лита,
Кого я, де, колы любывъ,
Кому яке добро зробывъ?
Никого въ свити, никому въ свити!
Неначе по лису ходывъ.
А малась воля, малась сыла!
Та сылу позычкы зносылы,
А воля въ гостяхъ упылась,
Въ степу, небога, заблудыла
Та й упываться зареклась.
Не поможе, мылый Боже!
Якъ то кажуть люде:
„Буде каяття на свити—
Вороття не буде"...

Благаю Бога, щобъ свитало;
Мовъ воли, сонця, свиту жду...
Цвиркунъ замоквне, зорю бьють—
Благаю Бога, щобъ смеркало!
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштруваты,
Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,
Щобъ знавъ, що дурня всюды бьють...

Мынають лита молодіи,
Мынула доля, а надія
Въ неволи знову за свое,
Зо мною знову лыхо діе
И серцю жалю завдае:

А, може, ще добро побачу,
А, може, лыхо переплачу,
Воды Днипровои напьюсь,
На тебе, друже, подывлюсь?
И, може, въ тыхій твоій хати
Я буду знову розмовляты
Зъ тобою, друже мій... Боюсь!...
Боюся самъ себе спытаты,
Чы се колы сподіеться?
Чы може вже зъ неба
Подывлюсь на Украину,
Подывлюсь на тебе...
А иноди такъ бувае,
Що й сльозы не стане—
И благавъ-бы я о смерти—
Такъ тая Украйна
И Днипро крутоберегый,
И ты, друже-брате,
Не даете мени Бога
О смерти благаты!

* * *

Готово! Парусъ роспустылы;
Посунулы по сыній хвыли,
По-мижъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
Байдару та баркасъ чымалый.
Прощай, убогый Косъ-Арале!
Нудьгу заклятую мою
Ты розважавъ такы два лита.
Спасыби, друже! Похвалысь,
Що люде и тебе знайшлы,
И зналы, що зъ тебе зробыть...
Прощай же, друже! Ни хвалы,
А ни ганьбы я не сплитаю
Твоій пустыни; въ иншимъ краю,
Не знаю, може й нагадаю
Нудьгу колышнюю колысь...

* * *

И небо невмыте, и заспани хвыли,
И по-надъ берегомъ геть-геть,
Неначе пьяный, очеретъ
Безъ витру гнеться. Боже мылый!
Чы довго буде ще мени
Въ осій незамкнутій тюрми,
По-надъ осимъ никчемнымъ моремъ,
Нудыты свитомъ?... Не говорыть—

Мовчыть и гнеться, мовъ жыва,
Въ степу пожовклая трава;
Не хоче правдонькы сказать,
А бильше ни въ кого спытать...

Марку Вовчку.

(На памъять 24 Генваря 1859 року).

Недавно я по-за Ураломъ
Блукавъ и Господа благавъ,
Щобъ наша правда не пропала,
Щобъ наше слово не вмирало—
И выблагавъ! Господь пославъ
Тебе намъ, кроткого пророка
И облычителя жестокыхъ,
Людей несытыхъ. Свите мій,
Моя ты зоренько святая!
Моя ты сыло молодая!
Свиты на мене, и огрій,
И ожывы мое побыте,
Убоге серце, неукрыте,
Голоднее!—И ожыву,
И думу вольную на волю
Изъ домовыны воззову!
И думу вольную... О, доле!
Пророче нашъ! Моя ты доне!
Твоею думу назову.

АМАЛІЯ.

Рй нема, нема ни витру, ни хвыли
Изъ нашои Украины!
Чы тамъ раду радять, якъ на турка статы,—
Не чуемо на чужыни!"

„Ой повій, повій, витре, черезъ море
Та зъ Велыкого Лугу,
Сушы нашы сльозы, заглущы кайданы,
Розвій нашу тугу"!

„Ой заграй, заграй, сынесеньке море,
Та пидъ тымы байдакамы,
Що плывуть козакы, тилько мріють шапкы,
Та на сей бикъ за намы!"

„Ой, Боже нашъ, Боже! хочъ и не за намы,
Несы Ты ихъ зъ Украины:
Почуемо славу, козацькую славу,
Почуемо, та й загынемъ!"

Оттакъ у Скутари козакы спивалы;
Спивалы сердегы, а сльозы лылысь,—
Лылыся козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавъ шырокый
И шкурою, сирый бугай, стрепенувъ,
И хвылю, ревучы, далеко-далеко
У сынее море на ребрахъ послявъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лыманъ погнало, а Лыманъ Днипрови
Тую журбу-мову на хвыли подавъ.

Зареготався дидъ нашъ дужый,
Ажъ пина зъ уса потекла.
„Чы спышъ, чы чуешъ, брате Луже?
Хортыце сестро?“
Загула
Хортыця зъ Лугомъ: „Чую, чую!“
И Днипръ укрылы байдакы,
И заспивалы козакы:

„У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.
Гай, гай! море, грай!
Ревы, скели ламай!
Пойидемо въ гости“.

„У туркени у кышени
Таляры, дукаты.
Не кышени трусыть,
Йидемъ ризать, палыть,
Бративъ вызволяты!“

„У туркени янычары
И баша на лави.
Гой-гы, ворогы!
Мы не маемъ вагы!
Наша воля й слава!“

Плывуть соби спиваючы.
Море витеръ чуе.
Попереду Гамалія
Байдакомъ керуе.
— Гамаліе, серце мліе:
Сказылося море!
Не злякае!—и сховалысь
За хвыли—за горы.

Дримае въ хареми—въ раю Вызантія,
И Скутарь дримае; Босфоръ клыкотыть,

Неначе скаженый; то стогне, то выє:
Йому Вызантію хочеться збудыть.
„Не буды, Босфоре: буде тоби горе!
Твои били ребра пискомъ занесу,
У мулъ поховаю (реве сыне море),—
Хиба ты не знаешъ, якыхъ я несу
Гостей до султана?“

Такъ море спыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ).
Босфоръ схаменувся. Туркеня дримала,
Дримавъ у хареми ледачый султанъ.
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримають
Козакы сердегы. Чого воны ждуть?
По-своему Бога въ кайданахъ благають,
А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.

„О, мылый Боже Украины!
Не дай пропасты на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ—
Вставать зъ чужои домовыны,
На судъ Твій праведный прыйты,
Въ зализахъ рукы прынесты,
И передъ всимы у кайданахъ
Стать козакови“...

„Рижъ и бый!
Мордуй невиру бусурмана!“
Крычать за муромъ.—„Хто такый?...“
Гамалію, серце мліє:
Скутарь скаженіе!
„Рижте, быйте!“ на фортеци
Крычыть Гамалія.

Реве гарматамы Скутара,
Ревуть, лютують ворогы;

Козацство преться безъ вагы—
И покотылысь янычары.
Гамалія по Скутари—
По пеклу гуляе,
Самъ хурдыгу розбывае,
Кайданы ламае.

„Вылитайте, сири птахы,
На базаръ до паю!"
Стрепенулысь соколята,
Бо давно не чулы
Хрещенои тіи мовы.

И ничъ стрепенулась:
Не бачыла, стара маты,
Козацькои платы.
Не лякайся, подывыся
На бенькетъ козачый.
Темно всюды, якъ у-будень,
А свято чымале.
Не злодіи зъ Гамаліемъ
Иидять мовчкы сало
Безъ шашлыка. „Засвитымо!"
До самои хмары
Зъ щоглыстымы кораблямы
Палае Скутара.
Вызантія пробуркалась,
Вытрищае очи,
Переплыва на помогу,
Зубамы скрегоче.

Реве, лютуе Вызантія,
Рукамы беригъ достае;
Достала, зыкнула, встае—
И на ножахъ въ крови нимie.
Скутарь, мовъ пекло те, палае;
Черезъ базары кровъ тече,

Босфоръ шырокый долывае.
Неначе птахы чорни въ гаи,
Козацство смилыво литае.
Нихто на свити не втече!
Огонь запеклыхъ не пече.
Руйнують муры, срибло-злото
Несуть шапкамы козакы
И насыпають байдакы.
Горыть Скутарь, стыха робота,
И хлопци сходяться; зійшлысь,
Люлькы зъ пожару закурылы,
На байдакы,—та й потяглы,
Рвучы червони горы-хвыли.
Плывуть соби, нибы зъ дому,
Такъ буцимъ гуляють,
Та, звычайне Запорозци,
Плывучы спивають:

„Нашъ отаманъ Гамалія,
Отаманъ завзятый,
Забравъ хлопцивъ та й пойихавъ
По морю гуляты,—
По морю гуляты,
Славы добуваты,
Изъ турецькои неволи
Бративъ вызволяты.
Ой прыйихавъ Гамалія
Ажъ у ту Скутару,—
Сыдять браты Запорозци,
Дожыдають кары.
Ой якъ крыкнувъ Гамалія:
„Браты, будемъ жыты,—
Будемъ жыты, выно пыты,
Янычара быты,
А курени кылымамы,

Оксамытомъ крыты!“
Вылиталы Запорозци
На ланъ жыто жаты;
Жыто жалы, въ копы клалы,
Гуртомъ заспивалы:
„Слава тоби, Гамаліе,
На весь свитъ велыкый,—
На весь свитъ велыкый,
На всю Украину,
Що не давъ ты товарыству
Згынуть на чужыни!“

Плывуть спиваючы; плыве
Позадъ завзятый Гамалія:
Орелъ орлятъ мовъ стереже.
Изъ Дарданеливъ витеръ віе,
А не женеться Вызантія:
Вона боиться, щобъ чернець
Не засвитывъ Галату знову,
Або гетьманъ Иванъ Пидкова
Не клыкнувъ въ море на ралець.
Плывуть соби, а изъ-за хвыли
Сонце хвылю червоныть;
Передъ нымы море мыле
Гомоныть и клыкотыть.

Гамаліе, витеръ віе...
Ось-ось наше море!...
И сховалыся за хвыли—
За рожеви горы.

ЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулишу).

У Кыиви, на Подоли,
Було колысь, и николы
Не вернеться, що дiялось,
Не вернеться сподиване...
Не вернеться... А я, брате,
Такы буду сподиватысь,
Такы буду выглядаты,
Серцю жалю завдаваты.

У Кыиви, на Подоли,
Братерськая наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби у жупани,
Розвернулася весела:
Оксамытомъ шляхы стеле,
И едвабомъ застылае,
И никому не звертае.

У Кыиви, на Подоли,
Козакы гуляють:
Якъ ту воду, видромъ-цебромъ
Выно розлывають;
Льохы, шынкы зъ шынкаркамы,
Зъ винамы, медамы
Закупылы Запорожци
Та й тнуть корякамы!
А музыка реве, грае,
Людей звеселяе,
А изъ Братства те бурсацство
Мовчкы выглядае:

Нема голій школи воли,
А то-бъ догодыла!...
Кого жъ то тамъ зъ музыкамы
Люде обступылы?

Въ червоныхъ штаняхъ оксамытныхъ
Матнею улыцю мете—
Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
Що вы творыте? На то те жъ
Старый ударывъ въ закаблукы,
Ажъ встала курява. Оттакъ!
Та ще й приспивуе козакъ:
„По дорози ракъ, ракъ,
Нехай буде такъ, такъ!
Якъ бы такы молодыци
Посіяты макъ, макъ!
Дамъ лыха закаблукамъ,
Закаблукамъ лыха дамъ,
Достанеться й передамъ!
А вже жъ тіи закаблукы
Набралыся лыха, мукы...
Дамъ лыха закаблукамъ,
Дамъ лыха закабламъ,
Достанеться й передамъ!“

Ажъ до Межыгорського Спаса
Протанцювавъ сывый,
А зъ нымъ и товарыство,
И ввесь святый Кывъ.
Дотанцювавъ ажъ до брамы,
Крыкнувъ: „пугу, пугу!...
Прывитайте, святи ченци,
Товарыша зъ Лугу!“
Свята брама одчынылась—
Козака впустылы;

И зновъ брама зачынылась,
На викъ зачынылась
Козакови.
Хто жъ се сывый
Попрощався зъ свитомъ?
Семенъ Палій—запорожець,
Лыхомъ недобытый.

Ой высоко сонце сходыть,
Нызенько заходыть:
Въ довгій ряси по келіи
Старый чернець ходыть.
Иде чернець у Вышгородъ
На Кыивъ дывытысь,
Та посыдить на прыгори,
Та хочъ пожурытысь;
Иде чернець дзвонковую *)
У яръ воду пыты,
Та згадуе, якъ-то тяжко
Було въ свити жыты;
Иде чернець у келію
Мижъ стины ниміи,
Та згадуе лита свои—
Лита молодіи;
Бере пысьмо святе въ рукы,
Голосно чытае,
А думкою старый чернець
Далеко литае...
И тыхнуть Божіи слова...
И въ келіи, неначе въ Сичи,
Братерство славне ожыва,
А сывый гетьманъ, мовъ сова,
Ченцеви зазырае въ вичи!

*) Дзвонковою крыныця прозываеться недалеко одъ манастыря.

Музыкы... танци... и Бердычивъ...
Кайданы брязкають... Москва...
Боры, снигы и.... Енысей...
И покотылысь изъ очей
На рясу сльозы...
„Бый поклоны
И плоть старечу усмыряй,
Святе пысаніе чытай!
Чытай, чытай, та слухай дзвона,—
А серцеви не потурай:
Воно тебе въ Сибиръ водыло,
Воно тебе ввесь викъ дурыло,
Прыспы жъ його, и занехай
Свою Борзну и Хвастовщыну:
Загыне все, ты самъ загынешъ,
И не згадають—щобъ ты знавъ“...

И старець тяжко зарыдавъ,
Чытать пысаніе покынувъ,
Ходывъ по келіи, ходывъ,
А потимъ сивъ и зажурывся:
„Для чого жъ я на свитъ родывся,
Свою Украину любывъ?“

До утрени завывъ зъ дзвиныци
Велыкый дзвинъ; чернець мій вставъ,
Надивъ клобукъ, взявъ патырыцю,
Перехрестывся, чоткы взявъ...
И за Украину молытысь
Палій-чернець пошкандыбавъ.

1848. Орська крипость.

Чыгрынъ.

Чыгрыне, Чыгрыне!
Все на свити гыне,
И святая твоя слава,
Якъ пылына, лыне
Зъ витрамы холоднымы,
Въ хмари пропадае.
Надъ землею летять лита,
Днипро высыхае,
Розсыпаються могылы,
Высоки могылы—
Твоя слава; и про тебе,
Старче малосылый,
Нихто й слова не промовыть,
Нихто й не покаже,
Де ты стоявъ, чого стоявъ....
И на смихъ не скаже.
За що-жъ боролысь мы зъ ляхамы!
За що-жъ мы ризалысь зъ панамы!
За що скородылы спысамы
Татарськи ребра!... Засивалы,
И рудою полывалы,
И шаблямы скородылы.
Що-жъ на ныви уродыло?
Уродыла рута, рута—
Воли нашои отрута.

А я, юродывый, на твоихъ руинахъ
Марно сльозы трачу. Заснула Вкраина,
Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
Въ калюжи, въ болоти, серце прогноила

И въ дупло холодне гадюкъ напустыла,
А дитямъ надію въ степу оддала.
А надію
Витеръ по полю розвіявъ,
Хвыля моремъ рознесла.
Нехай же витеръ все розносыть
На неокраенимъ крыли,
Нехай же серце плаче, просыть
Святои правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,
Мій друже едыный!
Проспавъ есы степы, лисы
И всю Украину!
Спы-жъ, повытый жыдовою,
Покы сонце встане!
. . . . . .
. . . . . .
Помолывшысь, и я-бъ заснувъ....
Такъ думы прокляти
Рвуться душу запалыты,
Серце розирваты.
Не рвить, думы, не палите!
Може, верну знову
Мою правду безталанну,
Мое тыхе слово.
Може, выкую я зъ його
До старого плуга
Новый лемишъ и чересло,
И въ тяжки упругы,
Може, зъорю перелигъ той,
А на перелози
Я посію мои сльозы,
Мои щыри сльозы;
Може, зійдуть и выростуть

Ножи обоюдни;
Роспанахають погане,
Гныле серце, трудне;
И выцидять сукровату,
И наллють жывои
Козацькои тіи крови,
Чыстои, святои.
Може, може... а мижъ тымы,
Мижъ ножамы рута
И барвинокъ розивьеться;
И слово забуте,
Мое слово тыхе, сумне,
Богобоязлыве
Згадаеться,—и дивоче
Серце боязлыве
Стрепенеться, якъ рыбонька,
И мене згадае...
Слово мое, сльозы мои,
Раю ты мій, раю!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Москва, 19 февраля 1844 р.

ЛЯХАМЪ.

(Бр. Залеському).

Ще якъ булы мы козакамы,
А уніи не чуть було,
Оттамъ-то весело жылось:
Браталысь зъ вольнымы ляхамы,
Пышалысь вольнымы степамы;
Въ садахъ кохалыся, цвилы,
Неначе лыліи, дивчата;
Пышалася сынамы маты,
Сынамы вольнымы. Рослы,
Рослы сыны и веселылы
Старіи скорбніи лита,—
Ажъ покы именемъ Хрыста
Прыйшлы ксьондзы и запалылы
Нашъ тыхый рай, и розлылы
Шыроке море слизъ и крови;
А сыритъ именемъ Хрыстовымъ
Замордувалы, роспьялы.
Поныклы головы козачи,
Неначе стоптана трава;
Украйна плаче, стогне-плаче;
За головою голова
До-долу пада. Катъ лютуе,

А ксьондзъ скаженымъ языкомъ
Крычыть: „Te Deum! Allelujah!“
Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
Несытіи ксьондзы, магнаты
Насъ поризнылы, розвелы,
А мы-бъ и доси такъ жылы!
Подай же руку козакови,
И серце чыстее подай,
И знову именемъ Хрыстовымъ
Возобновымъ нашъ тыхый рай!

СОНЪ.

Иду я тыхою ходою,
Дывлюсь—ажъ онъ передо мною,
Неначе дыва, вырывають:
Обрывъ высокый, гай, байракъ;
Хаткы биленьки выглядають,
Мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ
У пижмуркы въ яру гуляють;
А доли сывый нашъ козакъ—
Днипро зъ лугамы выгравае;
А онъ-де, онъ-де, за Днипромъ,
На прыгори, нибы каплычка,
Козацька церква невелычка
Стоить зъ похыленымъ хрестомъ.
Давно стоить: выглядае
Запорожця зъ Лугу,
Зъ Днипромъ своимъ розмовляе,
Розважае тугу.
Оболонкамы старымы,
Мовъ мертвець, очыма
Зеленымы позырае
На свитъ зъ домовыны.
Може, чаешъ оновленія?
Не жды тіи славы:
Твои люде окрадени,
А панамъ лукавымъ
На що здалась козацькая
Велыкая слава?...
И Трахтемыривъ геть горою
Нечепурни свои хаткы
Роскыдавъ зъ долею лыхою,
Мовъ пьяный старець торбынкы.

А онъ—старе Манастырище,
Колысь козацькее село.
Чы те воно тоди було?
Та все пишло . . . на грыще:
И Запорожже, и село,
И манастыръ святый, скарбныця—
Все, все несыти рознеслы,
А вы, вы, горы, оддалы...
Бодай николы не дывыться
На васъ, проклятіи... Ни, ни!
Не вы прокляти, а гетьманы,
Усобныкы ляхы погани...
Простить, высокіи, мени,
Высокіи и голубіи,
Найкращи въ свити, найсвятіи!
Простить!.. Я Богу помолюсь...
Я такъ іи, я такъ люблю,
Мою Украину убогу...
. . . . . .
За неи душу погублю!

Надъ Трахтемыровымъ высоко
На кручи, нибы сырота
Прыйшла топытыся въ глыбокимъ
Въ Днипри шырокому,—оттакъ
Стоить однымъ-одна хатына.
Зъ хатыны выдно Украину
И всю Гетьманщыну кругомъ.
Пидъ хатою дидусь сывенькый
Сыдыть; и сонечко нызенько
Уже спустылось надъ Днипромъ.
Сыдыть, и дывыться, и дума,
А сльозы капають... „Гай-гай!“
Старый промовывъ: „недоумы!
Занапастылы Божый рай!

* * *

Село! и серце одпочыне.
Село на нашій Украини—
Неначе пысанка. Село
Зеленымъ гаемъ поросло;
Цвитуть сады; биліють хаты,
А на гори стоять палаты,
Неначе дыво; а кругомъ
Шыроколыстіи тополи,
А тамъ и лисъ, и лисъ, и поле,
И сыни горы за Днипромъ...
Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
Весели здалека палаты—
Бодай вы терномъ поросли,
Щобъ люде й слиду не найшлы,
Щобъ и не зналы, де й шукаты!

Въ тому господньому сели,
На нашій славній Украини,
Не знаю, де воны взялысь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди соби булы,
Жылы сами; булы багати:
Высоки на гори палаты,

Чымалый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ,
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть-соби село
По-надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело було:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налыва;
А князь ажъ сыній похожае,
Та самъ несмилымъ налывае,
Та ще й покрыкуе: „виватъ!“
Гуляе князь, гуляють гости—
И покотылысь на помости...
А завтра знову ожыва,
И знову пье, и зновъ гуляе...
И такъ за днямы день мынае...
Мужыцьки души ажъ пыщать;
Судовыкы благають Бога...
Пьяныци, знай соби, крычать:
—„И патріотъ! и братъ убогыхъ!
Нашъ славный князь! виватъ! виватъ!“
А патріотъ, убогыхъ братъ,
Дочку й телычку однимае
У мужыка....

Сонъ.

(*М. А. Марковычци*).

На панщыни пшеныцю жала;
Втомылася; не спочывать
Пишла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать!
Воно сповытее крычало
У холодочку за снопомъ;
Росповыла, нагодувала,
Попестыла,—и нибы сномъ,
Надъ сыномъ сыдя, задримала.
И сныться ій: той сынъ Иванъ—
И уродлывый, и багатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольній, бачыться, бо й самъ
Уже не панськый, а на воли,
Та на своимъ веселимъ поли
У-двохъ соби пшеныцю жнуть,
А диточкы обидъ несуть...
Та й усмихнулася небога...
Прокынулась—нема ничого!
На Йвана глянула; взяла
Його, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожать до ланового,
Ще копу дожынать пишла...
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдыться...

13 Іюля 1858.

Частына зъ „Посланія".

Схамениться! будьте люде,
Бо лыхо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ
Заковани люде,
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сто рикамы
Кровъ у сыне море
Дитей вашыхъ: и не буде
Кому помагаты,—
Одцураеться братъ брата
И дытыны маты;
И дымъ хмарою застýпыть
Сонце передъ вамы,
И на-вики проклынетесь
Своимы сынамы.
Умыйтеся, образъ Божый
Багномъ не скверните;
Не дурите дитей вашыхъ,
Що воны на свити
На те тилько, щобъ панувать;
Бо невчене око
Загляне имъ въ саму душу
Глыбоко, глыбоко...
Дознаються небожата,
Чія на васъ шкура,
Та й засудять, и премудрыхъ
Немудри одурять.

Якъ-бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудристь-бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы—не мы, и я—не я,
И все те бачывъ, все те знаю:
Нема ни пекла, а ни раю,
Немае й Бога, тилько я,
Та куцый нимець узлуватый,
Та й бильшъ никого...“

Учитеся, браты мои,
Учитесь, чытайте,
И чужому научайтесь
Й свого не цурайтесь:
Бо хто матиръ забувае,
Того Богъ карае,
Чужи люде цураються,
Въ хату не пускають,
Свои диты—мовъ чужіи,
И немае злому
На всій земли безконешній
Веселого дому.

Я рыдаю, якъ згадаю
Дила незабутни
Дидивъ нашыхъ: тяжки дила!
Якъ-бы ихъ забуты,
Я оддавъ-бы веселого
Вику половыну!
Оттака-то наша слава,
Слава Украины!...
Оттакъ и вы прочытайте,
Щобъ несоннымъ снылысь
Вси неправды, щобъ роскрылысь
Высоки могылы
Передъ вашымы очыма,

Щобъ вы роспыталы
Мученыкивъ: кого, колы
Й за що роспыналы?
. . . . . .

Обнимите жъ, браты мои,
Найменьшого брата,—
Нехай маты усмихнеться,
Заплакана маты;
Благословить дитей своихъ
Твердымы рукамы
И обмытыхъ поцилуйте
Вольнымы устамы!
И забудеться срамотня
Давняя годына,
И ожыве добра слава,
Слава Украины,
И свитъ ясный не вечерній
Тыхенько засяе...
Обнимиться-жъ, браты мои,
Молю васъ, благаю!

1845 р. 14 Декабря.

Вьюныще, Полтав. губ., Переяславськ. п., недалеко видъ Канева.

* * *

Не нарикаю я на Бога,
Не нарикаю ни на кого;
Я самъ себе, дурный, дурю,
Та ще й спиваючы... Орю
Свій перелигъ—убогу ныву,
Та сію слово: добри жнива
Колысь-то будуть!... И дурю
Себе такы, себе самого,
А бильше, бачыться, никого.

Орыся жъ ты, моя ныво,
Доломъ та горою,
Та засійся, чорна ныво,
Волею ясною!
Орыся жъ ты, розверныся,
Полемъ розстелыся,
Та посійся добрымъ жытомъ,
Долею полыйся!
Розверныся-жъ на вси бокы,
Ныво-десятыно!
Та посійся не словамы,
А розумомъ, ныво!
Выйдуть люде жыто жаты...
Веселіи жнива!..
Розверныся-жъ, розстелыся-жъ,
Убогая ныво!

Чы не дурю себе я знову
Своимъ хымернымъ добрымъ словомъ?...
Дурю! Бо лучче одурыть
Себе такы, себе самого,
Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
И всуе нарикать на Бога!

5 Октября 1860. Петербургъ.

Маты покрытка.

У нашимъ раи, на земли,
Ничого кращого немае,
Якъ тая маты молодая
Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ.
Бувае, иноди дывлюся,
Дывуюсь дывомъ—и печаль
Охватыть душу, стане жаль
Мени іи... и зажурюся,
И передъ нею помолюся,
Мовъ передъ образомъ святымъ
Тіеи матери святои,
Що въ мыръ нашъ Бога прынесла.

Теперъ ій любо, любо жыты!
Вона середъ-ночи встае,
И стереже добро свое,
И дожыдае того свиту,
Щобъ зновъ на його подывытысь,—
Наговорытысь... „Се мое,
Мое...“—и дывыться на його,
И молыться за його Богу,

И йде на улыцю гулять
Гордише самои царыци,
Щобъ людямъ, бачте, показать
Свое добро... „А подывиться—
Мое найкраще надъ всима“!
И ненарокомъ иншый гляне,—
Весела, рада,—Боже мій!
Несе до дому свого Йвана,
И ій здаеться—все село
Весь день дывылося на його,
Що тилько й дыва тамъ було,
А биłьше не було ничого...
Щаслывая!...

* * *

И доси снться: пидъ горою,
Мижъ вербамы, та надъ водою,
Биленька хаточка; сыдыть,
Неначе й доси, сывый дидъ
Коло хатыночкы, и бавыть
Хорошее та кучеряве
Свое маленькее внучя.
И доси снться: выйшла зъ хаты
Веселая сміючысь маты,
Цилуе дида и дытя—
Ажъ трычи весело цилуе,
Прыйма на рукы и годуе,
И спать несе; а дидъ сыдыть
И усмихаеться,—и стыха
Промовыть нышкомъ: „де-жъ те лыхо?
Печали тіи, ворогы?...“
И ныщечкомъ старый чытае
Перехрестывшысь „Отче-нашъ“.
Кризь вербы сонечко сіяе
И тыхо гасне... День погасъ,—
И все почыло... Сывый въ хату
И самъ пишовъ опочываты.

ВЕЧИРЪ.

(Аф. Ал. Лазаревській).

Садокъ вышневый коло хаты;
Хрущи надъ вышнямы гудуть;
Плугатари зъ плугамы йдуть;
Спивають идучы дивчата,
А матери вечерять ждуть.

Семья вечеря коло хаты;
Вечирня зиронька встае;
Дочка вечерять подае;
А маты хоче научаты,—
Такъ соловейко не дае.

Поклала маты коло хаты
Маленькыхъ диточокъ своихъ,
Сама заснула коло ихъ;
Затыхло все... тилько дивчата
Та соловейко не затыхъ.

* * *

За сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы розстылае,
И сонце спатонькы зове
У сыне море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годыночку,
Малую годыну
Нибы серце одпочыне,
Зъ Богомъ заговорыть...
А туманъ—неначе ворогъ—
Закрывае море
И хмароньку рожевую;
И тьму за собою
Розстылае туманъ сывый,
И тьмою нимою
Оповые тоби душу,
Й не знаешъ, де дитысь.
И ждешъ його, того свиту,
Мовъ матери диты...

* * *

Мынають дни, мынають ночи;
Мынае лито; шелестыть
Пожовкле лыстя... гаснуть очи;
Заснулы думы, серце спыть;
И все заснуло,—и не знаю,
Чы я жыву, чы дожываю,
Чы такъ по свиту волочусь,
Бо вже й не плачу, й не сміюсь...

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброи жаль, Боже,
То дай злои, злои!
Не дай спаты ходячому,
Серцемъ замираты,
И гнылою колодою
По свиту валятысь;
А дай жыты—серцемъ жыты
И тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный
И людей любыты...

Страшно впасты у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше—спаты, спаты,
И спаты на воли,
И заснуты на викъ-викы,
И слиду не кынуть
Ніякого!... однаково—
Чы жывъ, чы загынувъ.

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброи жаль, Боже,
То дай злои, злои!...

* * *

И день иде, и ничъ иде...
И, голову схопывшы въ рукы,
Дывуешся—чому не йде
Апостолъ правды и наукы?!

5 Ноября 1860 р. Петербургъ.

Доля.

Ты не лукавыла зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сироми стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопця, одвела
До пьяного дяка въ науку:
„Учыся, серденько! колысь
Зъ насъ будуть люде," ты сказала.
А я й послухавъ, и учывсь,
И вывчывся. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?... Та дарма!
Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы; у насъ нема
Зерна неправды за собою...
Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавый!
Ходимо дальше,—дальше слава,
А слава—заповидь моя.

1858. Петербургъ.

УЗА.

А ты, пречыстая, святая,
Ты, сестро Феба молодая!
Мене ты въ пелену взяла
И геть у поле однесла;
И на могыли середъ поля,
Якъ тую волю на роздолли,
Туманомъ сывымъ сповыла,
И колыхала, й сповывала,
И чары діяла... И я...
О, чаривныченько моя!
Мени ты всюды помагала,
Мене ты всюды доглядала.
Въ степу, безлюдному степу,
Въ далекій неволи
Ты сіяла, пышалася,
Якъ квиточка въ поли!
Изъ казармы нечыстои
Чыстою, святою
Пташечкою вылетила
И по-надо мною
Полынула, заспивала,
Ты, золотокрыла,
Мовъ жывущою водою
Душу окропыла.
И я жыву, и надо мною
Зъ своею Божою красою
Горышъ ты, зоренько моя,
Моя порадонько святая!
Моя ты доле молодая!

Не покыдай мене. Въ-ночи,
И въ день, и въ-вечери, и рано
Витай зо мною и учы,
Учы неложнымы устамы
Сказаты правду. Поможы
Молытву діяты до краю,
А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положы
Свого ты сына въ домовыну,
И хочъ едыную сльозыну
Въ очахъ безсмертныхъ покажы.

ЛАВА.

А ты, задрипанко, шынкарко,
Перекупко пьяна!
Де ты въ ката забарылась
Зъ своимы лучамы?
У Версали надъ злодіемъ
Наборъ роспустыла,
Чы зъ кымъ иншымъ мизкаешся
Зъ нудьгы та зъ похмилля?
Горнысь лышень ты до мене,
Та вытнемо зъ лыха;
Гарнесенько обіймемось,
Та любо, та тыхо
Пожартуемъ, чмокнемося,
Та й поберемося,
Моя крале мальована,
Бо я такы й доси
За тобою чымчыкую.
Ты хоча й пышалась
И зъ пьянымы кесарямы
По шынкахъ хылялась...
. . . . . .
Та мени про те байдуже!
Мени, моя доле,
Дай на себе подывытысь,
Дай и прыгорнутысь
Пидъ крыломъ твоимъ любенько,
Въ холодку заснуты.

* * *

Мынулы лита молодіи...
Холоднымъ витромъ одъ надіи
Уже повіяло... Зима!...
Сыды одынъ въ холодній хати...
Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,
А ни порадытысь... Нема!
А никогисинько нема!
Сыды жъ одынъ, покы надія
Одурыть дурня, осміе...
Морозомъ очи окуе,
А думы гордіи розвіе,
Якъ ту снижыну по степу...
Сыды жъ одынъ-соби въ кутку,
Не жды весны—святои доли!
Вона не зійде вже николы
Садочокъ твій позеленыть,
Твою надію оповыть
И думу вольную на волю
Не прыйде выпустыть... Сыды—
И ничогисинько не жды!...

15 Октября 1860 р. Петербургъ.

* * *

Чы не покынуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходыться рештувать
Возы въ далекую дорогу?
На той свитъ, друже мій, до Бога
Почымчыкуемъ спочывать...
Втомылыся и пидтопталысь
И розуму таки набралысь—
То й буде зъ насъ!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать...
Весела хата, щобъ ты знала!...

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походымо, посыдымо—
На сей свитъ поглянемъ!
Поглянемо, моя доле...
Бачъ, якый шырокый,
И шырокый та веселый,
Ясный та глыбокый...
Походымо жъ, моя зоре!
Зійдемо на гору—
Спочынемо... А тымъ часомъ
Твои сестры—зори
Безвичніи, по-пидъ небомъ
Поплывуть, засяють...

Пидождимо жъ, моя сестро,
Дружыно святая!
Та нескверными устамы
Помолымось Богу,
Та й рушымо тыхесенько
Въ далеку дорогу...
Надъ Летою бездонною
Та каламутною
Благословы мене, друже,
Славою святою!..

А покы те, да се, да оне,
Ходимо просто—навпростець
До Ескулапа на ралець—
Чы не одурыть винъ Харона
И Парку-прялку?.. И тоди,
Покы-бъ хымерывъ мудрый дидъ,
Творылы-бъ скризь по-надъ землею—
На все-бъ гекзаметры плелы,
Та на горыще-бъ однеслы
Мышамъ на снидання... А потимъ
Спивалы-бъ прозу—та по нотахъ,
А не якъ-небудь...
Друже мій,
О, мій сопутныче святый!
Покы огонь не захолонувъ,
Ходимо лучче до Харона—
Черезъ Лету бездонную,
Та каламутную
Переплывемъ, перенесемъ
И славу святую,
Безвичнюю, молодую...
Або—цуръ ій, друже!
И безъ неи обійдуся—

Та якъ буду здужать,
То надъ самымъ Флегетономъ,
Або надъ Стыксомъ у раю,
Неначе надъ Днипромъ шырокымъ,
Въ гаю, предвичному гаю,
Поставлю хаточху, садочокъ
Кругомъ хатыны насажу;
Прылынешъ ты у холодочокъ,
Тебе, мовъ кралю, посажу!
Днипро, Украину згадаемъ,
Весели селыща въ гаяхъ,
Могылы-горы на степахъ—
И веселенько заспиваемъ...

14—26 Февраля 1861 р. Петербургъ.

Заповитъ.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу шырокого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы шырокополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучый...
. . . . . .
. . . . . .

Пантелеймонъ Олександровычъ Кулишъ.

Кулишъ Пантелеймонъ Олександровычъ, сынъ козака, родывся 27 лыпня 1819 р. у м. Воронижи, Черныг. губ., учывся въ Кыивськимъ универсытети. Почавъ пысаты 1840 р.; окримъ поэзій, пысавъ повисти, романы, исторычни монографіи, драматычни творы, переклавъ на мову украинську Святе Пысьмо та значну частыну творивъ Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и другыхъ европейськыхъ класыкивъ; умеръ въ своимъ хутори Мотронивци Борзенського повиту 2 лютого 1897 р.

ЗАСПИВЪ.

У-досвита вставъ я... темно ще на двори;
Де-не-де по хатахъ ясне свитло сяе;
Сяе ясне свитло, якъ на неби зори...
Дывуюсь, радію, у серця пытаю:
„Скажы, вище серце, чы скоро свитъ буде?“

—Ой, скоро свитъ буде,
Прокынуться люде,—

У всяке виконце
Засіяе сонце...“

Ой ударю жъ зразу
У струны жывіи:
Прокыньтесь, вставайте,
Старіи й маліи!

Вищува́ннямъ новымъ
Серце мое бьеться,—
Черезъ край изъ серця
Ридне слово льеться.

О КОБЗЫ.

Кобзо моя, непорочна утихо!
Чомъ ты мовчышъ? Задзвоны мени стыха,
Голосомъ правды святои дзвоны,
Наши прыгоды мени спомьяны.
Може чіе ще не спидлене серце,
Тяжко забьеться, до серця озветься,
Якъ на бандури струна до струны.

Хто не здоліе озватысь словамы,
Хай обизветься дрибнымы сльозамы;
Ты жъ свое слово дзвоны-промовляй,
Душамъ братерськымъ заснуть не давай.
Хай недовиркы твои камьяніють,
Хай ворогы твои зъ жалю німіють,—
Ридну семью ты до-купы ззывай.

Гей, хто на сумъ благородный багатый!
Сходьтеся мовчкы до вбогои хаты,
Мовчкы сидайте по голыхъ лавкахъ,
Мовчкы сумуйте по вбогыхъ братахъ.
Темно на двори, зоря не зоріе,
Витеръ холодный одъ пивночи віе,
Квылять вовкы по степахъ-облогахъ.

Кобзо! ты наша видрада едына...
Покы прокынеться соңна краина,
Покы диждеться жывои весны,
Ты намъ по хатахъ убогыхъ дзвоны!
Стыха дзвоны, нехай мучене серце
Важко забьеться, до серця озветься,
Якъ на бандури струна до струны.

Муза.

Музо, безхытростна, проста дивчыно стыдлыва,
Вбога селяночко, спивомъ та смихомъ щаслыва!
Ты до мене́, сыроты, якъ сестра прыгорнулась,
На почынання благе въ тыхимъ серци почулась.
Вдвохъ мы зъ тобою обходымо всю Украину,
Словомъ спасеннымъ вытаемо добру людыну.
И, де слова наши въ душу святу западають,
Тамъ виковично пахущи квиткы процвитають,
Раемъ Господнимъ намучене серденько віють
И жывотворни, велыки надіи въ ныхъ сіють.

Поэтъ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной.

Пушкинъ.

Кобзарю! Не дывысь ни на хвалу темноты,
Ни на пысьменныцьку огуду за писни,
И ласкы не шукай ни въ дукивъ, ни въ голоты,—
Дзвоны соби, спивай въ святій самотыни.

Не ярмарку тебе гучному зрозумиты
Середъ своихъ тривогъ, або пустыхъ утихъ...
Нехай турбуються и граються, мовъ диты:
Ты на высокый ладъ не перестроишъ ихъ.

Ихъ небеса—базаръ, ихъ божество—мамона;
Купують, продають, миняють крамъ на крамъ,
И буквою свого жытейського закона
Готови зруйнувать святои правды храмъ.

Готови,—и не разъ на торжыщахъ велыкыхъ—
„Роспны, роспны його!"—выгукуе народъ;
Та не смущаеться твій духъ одъ крыкивъ дыкыхъ:
Ты—невмирущый царь, ты славенъ зъ рода въ родъ!

Невыдымый спивець.

Якъ сонечко зійде ясне, мовъ надъ раємъ,
Надъ садомъ моимъ,—
Въ саду невыдымый спивець заспивае,
Святый херувымъ.

Спивае винъ, грае всима голосамы
Про ту красоту,
Що землю сповняе и море, и дывну
Небесъ высоту.

Спивае, намъ серце трудне розважае,
Що втратыло рай:
„Не втратывъ той раю, кому я спиваю
Про садъ и про гай,

Про сушу и воды, роскоши прыроды,
Про все, чымъ цвилы
Велыки й дрибненьки племиння й народы
На лони земли;

Не втратывъ той раю, кого пидіймаю
Надъ горе й биду,
И сяевомъ вичнымъ його просвищаю,—
Господню звизду."

На чужій чужыни.

И тебе вже осе не побачу до вику, мій крае коханый,
Не побачу степивъ тыхъ-роскишныхъ, гаивъ тыхъ спивучыхъ,
И поляжу безъ славы въ могыли нимій и никому незнаній,
И забудуть мене на Славути-Днипри, на порогахъ ревучыхъ!
Не забудешъ мене, покы вику твого, моя нене Вкраино,
Покы мова твоя голосна у писняхъ, якъ сриблó чысте, дзвоныть.
На що глянешъ—усюды згадаешъ свого бидолашного сына:
Видъ тебе, моя нене, його туподумство людське не заслоныть!

На чужыни.

(Lago Maggiore).

Хожу береґамы,
Та й не нахожуся;
Дывлюсь на сады зелени
Та й не надывлюся.

Сады-виногради
Въ воду порынають;
Поузъ беригъ ясни смугы,
Якъ срибло, сіяють.

Шукаю-пытаю
Зеленои руты,
Щобъ тебе, мій ридный краю,
Навикы забуты....

Премудристъ.

Но въ законѣ Господни воля его и
въ законѣ Его поучится день и нощь.
Псаломъ I, 2.

I.

Я въ школи ажъ у трьохъ дякивъ учывсь,
Закиль навчывсь чытання та пысання;
Тоди вже въ свитъ, мовъ пташеня, пустывсь,
Що пробуе шырокого литання;
Та—лышенько!—въ неволи опынывсь,
Бурлацького дизнавшы бидования.
Зъ Неволею за брата жывъ Обманъ,—
Надъ усима пысьменнымы гетьманъ.

II.

Премудросты воны учылы вдвохъ,
Да не тій, що день и ничъ въ закони
Своимъ велыть намъ поучатысь Богъ
Пры тыхому гусе́ль священныхъ дзвони.
Златый телець бувъ Богомъ увъ обохъ,
Мовъ истуканъ Деирськый въ Вавылони...
Премудрый—той у ныхъ, що й надъ отця
Й надъ матиръ чтыть бездушного тельця.

III.

Но я... о ни! йому не поклонявсь,
Я гордувавъ лукавымъ Вавылономъ;
Премудросты ехыднои цуравсь,
И любыхъ струнъ втишався тыхымъ дзвономъ.
И надъ Обманъ, и надъ Неволю знявсь:
Бо знехтувавъ-бы й ихъ потужнымъ тономъ,—
Въ святимъ труди й розумній ыщети
Я не корывсь безбожній суети.

Псаломъ LXVII.

Боже, змылуйся надъ намы,
Дай намъ щасну долю,
Освиты своимъ облыччямъ
Нашу тьму-неволю.

Освиты насъ, щобъ мы зналы
Твою стежку пра́ву,
Щобъ хвалылы вси народы
Чысту тво́ю славу;

Щобъ зрадилы вси языци
Правдою святою,
Що Ты судъ свій на всимъ свити
Судышъ правотою;

Щобъ хвалылы Тебе, Боже,
Вси земни народы,
Бо щедротою твоею
Садъ и ныва родыть.

Господь зъ неба усымъ добрымъ
Насъ благословляе;
Вся земля Його боиться
Одъ краю до краю.

Что есть мнѣ и тебѣ, жено?

Іоанна гл. II, ст. 4.

Дорогому землякови Зинченкови.

О, якъ тебе, Спасе, у тимъ слови бачу!
О, якъ твое серце моимъ серцемъ чую!
Чытаю завитъ твій:—чытаючы плачу,—
Высоко пиднявъ ты натуру людськую.

Чужа тоби стала и ридная маты,
Зоставсь ты безъ роду, безъ хаты на свити,
Щобъ родомъ коханымъ жыття не сковаты,
Хатнимъ упокоемъ духа не вгасыты.

О, знаю я, знаю, якъ те серце былось,
Якъ той духъ высокый злитавъ надъ землею!...
Що дитямъ на лони у матери снылось,
Чого мертви чають—обнявъ ты душею.

Снылысь дитямъ райськи виковични квиты;
Чають мертви жызни грядущого вику...
Справдышъ ты, що бачуть чыстымъ серцемъ диты;
Справдышъ, що дорожче всього чоловику.

Уже зъ раю твоимъ духомъ
На насъ повивае;
Уже знову твое слово
Мертвыхъ воскрешае.

Выростають, прыблыжають
Твое царство диты.
Ой, не дурно жылы й гыблы
Праведныкы въ свити!

Выростають,—твоимъ слидомъ
Зъ материнього лона
Утикають роспынатысь
Середъ Вавылона.

„Жено! маты! що тоби я?
Ты свое вчыныла,
Якъ, радіючы, пидъ серцемъ
Дытыну носыла.

„Мынулыся ти радощи,
Мынулыся й мукы...
Не вмистыты тоби въ серце
Новои наукы!

„Спочывай, спасенна душо,
У тыхій господи,
А мы будемъ святу правду
Сіяты въ народи.

„Дай намъ, маты, те справдыты,
Що на чыстимъ лони
Сныться дитямъ непорочнымъ
Въ гришнимъ Вавылони.

„Дай намъ, маты, доказаты,
Що мы—ридни диты
Тыхъ велыкыхъ, що за правду
Гынулы на свити".

СТЕПЪ.

Блакитне небо, мовъ дугасте море,
Безоднею порожньою стоить.
Пидъ сонцемъ степъ, козацьке Дыке Поле,
Огнемъ перелывается, жахтыть.

Гарячый витеръ хылыть-нахыляе
Траву хвылясту стыха до земли,
И въ прóзирній золоченій имли
Даль степова мовъ тоне, пропадае.

По-надъ безкрайнымъ полемъ жаръ нимый
Перелывачысь плыве высоко;
Ростоплюеться воздухъ осяйный,
Тисныть у грудяхъ духъ и слипыть око.

Дывлюсь кругомъ: не фарбамы,—огнямы
Картына свитоискрява горыть;
Надъ нею любо по-пидъ небесамы
Музыка, мовъ срибло тонке, дзвеныть.

То жайворонокъ, лирнык̀ъ одынокый,
Зайнявъ одрадну серцю высшыну
И звеселяе свитъ шумношырокый,
Спиваючы про волю та весну.

Нимуе степъ: йому байдуже воля,
Се немовлятко сонне въ сповитку:
Судылась велетню дримлыва доля
На довгому, порожньому вику.

Закутавсь у свои зелени шаты,
Пахущи мовчкы нюхае квиткы;
Надъ нымъ по витру носються крылати
Метелыкы, якъ марево, лехки!

* * *

Нагулялося по небу
Весняному сонце,
Зазырае на добра-ничъ
У нызьке виконце

И проминнячкомъ угору
Огнянымъ стриляе;
Хрестъ на церкви ростопленымъ
Золотомъ сіяе.

Закотылося, сховалось
За степы, за море;
По-надъ моремъ кровъ палае,
Хмара хмару боре.

Стало темно по садочкахъ,
Тыхо пылъ сидае,
И село у прохолоди
Нибы ожывае.

* * *

Квиты зъ сльозамы,
Сльозы зъ квиткамы
Не розлучаються, сестро, николы.

Скроплюють сльозы
Пышніи розы,
Свои роскишни, велычни престолы.

Благоухають,
Землю скропляють
Пышни престолы праведныхъ слизъ—розы;

Имъ же видрада,
Выща награда—
Чысти та щыри, та праведни сльозы.

Козацька хата.

Хто святи церквы муруе,
Пнеться зъ ныхъ до раю,—
Я гуляю по Дунаю,
Стыха въ кобзу граю.

* * *

Хто людськи хаты руйнуе,
Не боиться пекла,—
На Дунаи, мовъ у раи,
Хата въ мене тепла.

* * *

На Дунаи сонце гріе,
Витеръ подыхае,—
До струны струна на кобзи
Дзвоныть—промовляе.

* * *

На Дунаи сонце гріе,
Гріе—прыпикае,—
Въ мене хата, мовъ палата,
Сяевомъ сіяе.

* * *

Тепло, пышно и велычно
У козацькій хати,
А просторамъ не зривнятысь
И царській палати.

* * *

Вквитчано іи гаямы,
Выстлано лугамы
И зукрашено Дунаемъ,—
Його берегамы.

* * *

Середъ хаты соловейко
Тьохкае раненько,
Розважае душу вбогу,
Нуждене серденько...

* * *

Ой не тьохкай, соловейку,
Про ту ничъ темненьку,
Якъ на вики я покынувъ
Матинку ридненьку....

* * *

Ой не тьохкай, соловейку,—
Нехай воронъ кряче,
Нехай пугачъ квылыть—плаче
Про жыття козаче.

Заворожена крыныця.

Вертоградъ моей сестры.
Пушкинъ.

У сестры моеи тыхо
Процвитае садъ въ огради.
Кынамонъ, моя утиха,
Нардъ, алоэ въ любимъ сади.
Тамъ квиткы, якъ въ Божимъ раи,
Що на Тыгри и Евфрати,
Зорямы въ трави зоріють,
Тонуть—плавлють въ аромати.
Тамъ гранаты налывніи
Солодощивъ дывныхъ повни...
Гудуть бджолы золотіи,
Мовъ зъ Эдему тыхи дзвоны.
Середъ саду—выноградy
Въ крынахъ схована крыныця...
Мойму серцю на видраду
Заворожена водыця.
Заворожена й заклята,
Щобъ не зналы люде ходу:
Бо прызначено для брата
Чысту воду—прохолоду.
Витре тыхый видъ заходу!
Вволы волю мого серця:
Повій чарамы на воду,
Нехай лллеться, нехай лллеться.
Витре буйный, Аквылоне!
Подмы чарамы, крылатый,
На ти нарды, кынамоны,
Нехай каплють ароматы.

ИЛЕЯ.

I.

Нилуються зъ тобою вси, лилее,
Хто свитъ побачывъ у твоій огради,—
Метелыкы лехки, жукы важкіи,
Пиддаючысь красы прынади.
Я-жъ, мовъ чужый въ прынаднимъ вертогради,
Виддалекы дывлюсь на цилування
И мовчкы виддаюсь моій досади:
Яке безрозумне надъужывання
Святыхъ любовы правъ и жызни занедбання!

II.

Ципкымы лапкамы стебло тоненьке,
Хыбке, твій станъ высокый обіймають;
Твое, якъ снигъ уранишній, биленьке
Лыце жорсткымы вусамы торкають
И поцилункамы пьють—выпывають
Кадыло райське—запашне дыхання,
Що нымъ уста твои благоухають.
Яке безрóзумне надъужывання
Святыхъ любовы правъ и жызни занедбання!

III.

Дывлюсь оддалекы... Такъ видъ земного
Земля бере свое, бере байдужно;
Вона не знае выщого, святого,
И нивечыть лилею благодушно.
Метелыкы й казюкы всяки дружно
Пречысту душу зъ неи выпывають,
Смакуючы въ іи краси бездушно...
Чіи-жъ розумни, чесни очи знають,
Про що таки квиткы цвитуть—благоухають.

* * *

Серце мое тыхе,
Пташко полохлыва!
Ой про що я народылась
Бидна, нещаслыва.

Людямъ щастя—доля,
А мени неволя...
Ни зайисты, ни запыты
Бидування-горя.

Дайте мени руты
Щырои й отруты,
Щобъ мени мого нелюба
Серденькомъ забуты.

Ой не хочу жыты—
Нелюбу годыты!
Лучче тоби, мое серце,
На ножи кыпиты....

Шуканне-выклыканне.

Ще любо дывляться на мене кари очи,
И била рученька въ моій руци тремтыть,
И видъ ричей моихъ середъ нимои ночи
Дивоче серденько и мліе, и болыть.
Дивчыно, горлыце! шкода твого кохання,
Шкода ночей безъ сну, зитхання, сумовання:
Жыву я розумомъ, а серце тыхо спыть.

Мынулы любощи: душа моя жадае
Кохання иншого... Глянь, крале, на орла,
Якъ витромъ на його видъ пивночи бурхае,
А винъ дзвеныть перомъ, Зевесова стрила.
То духъ мій, горлычко, то розумъ мій буяе...
Кого-жъ винъ по свитахъ шукае-выклыкае?
Орлыцю смилыву, крылатшу надъ орла.

Якивъ Ивановычъ Щоголивъ.

Щоголивъ Якивъ Ивановычъ, уродывся у Ахтырци, въ Харькивщыни, 1824 р.; скинчывшы Харькивськый университетъ, служывъ у Харькови въ суди. Почавъ пысать 1843 р.; його творы выдано двома збирныкамы: „Вóрскло“ (1883) и „Слобожанщына“ (1898). Умеръ 26 мая 1898 р.

Суботы св. Дмытра.

Був день осинній. Сира мла
Габою землю одягла,
И сіявъ дощъ, ишла пора
Передъ суботамы Дмытра.
А й доси нашъ веселый край
Шануе щыро той звычай,
Зъ котрымъ ще прадиды жылы
Й нащадкамъ въ ридъ передалы,—
Щобъ въ ти суботы помынать,
Кого намъ прыязно згадать.

И, взявшы карту, щобъ на ій
Пысать сномынныкъ дорогый,
Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ.
Якъ въ темну ничъ, въ таемнимъ сни,
Тоди побачылось мени,
Що зъ щырокóханыхъ могылъ
Встають ряды безсмертныхъ сылъ,
И безборонно ти ряды
Идуть невидомо куды...
Онъ ветхи деньмы. Въ óчахъ ихъ,
Колысь блыскучыхъ и жывыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буриння слиды.
Надій въ ихъ серци не жыве,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче ихъ назадъ,—
Недбало йде оджывшыхъ рядъ...
О, помьяны, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
Дывлюсь,—въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день весняный первоцвитъ,
На зоряхъ щастя, зоряхъ сылъ
Встають юнакы изъ могылъ.
Въ ихъ чыстыхъ душахъ тéплинь мрій,
Въ ихъ очахъ свитыть блыскъ надій;
Воны мынулымъ не жывуть,
Воны чогось видъ доли ждуть;
А те й увагы имъ нема,
Що ихъ дорогу перейма
Нещадно смерты гризна тинь́,
И жде въ земли холодна тлинь...
О, помьяны, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
Изнову падають важки

На землю зъ пышныхъ трунъ крышкы;
Встають зъ ихъ лады. О, не тамъ,
Царыци свита, жыты-бъ вамъ,
Огрядни, постаттю гинки;
На чолахъ мраморныхъ винкы;
Билійшъ одъ мату билыхъ шатъ
На рамахъ ихъ прозирный матъ.
Я бачу искры ихъ очей,
Я чую голосъ ихъ ричей;
Я памьятаю гризный часъ,
Якъ ихъ останній поглядъ гасъ;
Якъ не хотилось кыдать имъ,—
Тоди безсумно-молодымъ,—
Те, що любылось на земли,
Й чого нема въ могыльній мли...
О, звеселы, мій Боже, ихъ
У жытлахъ праведныхъ Твоихъ!
И тыхъ, хто тутъ безъ смутку жывъ,
И тыхъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришный, хто святый,—
Ихъ діи мылостю покрый!...

1886.

Псальма Давыдова 136.

На чыстыхъ рикахъ Вавылона
Сыдилы й плакалыся мы,
Якъ стины ридного Сіона
Згадалы зъ нашои тюрмы.

На вербахъ выслы арфы наши;
А ти, що насъ взялы въ полонъ,
Казалы: „грайте писни ваши,
Спивайте намъ про вашъ Сіонъ!“

Хиба-жъ, якъ ныемъ по родыни,
Такъ тутъ Господню писню намъ
Спиваты можна на чужыни,
Якъ мы колысь спивалы тамъ?

Колы тебе, Йерусалыме,
Забуду я теперъ хочъ разъ,
Нехай Господь мени одниме
Правыцю въ той проклятый часъ!

Нехай прысхне языкъ лукавый
До устъ зневиреныхъ моихъ,
Колы я днивъ твоеи славы
Не помьяну на рикахъ сыхъ.

Запамьятуй, Господь, на-вики
Той день Эдомовымъ сынамъ,
Той день, якъ галасъ ихъ велыкый
Зъ кинця въ кинець рознисся тамъ:

„Руйнуйте камени Сіона,
Несить йому огонь и дымъ!“
Дочка зневисна Вавылона,
Згубывша намъ Йерусалымъ!

Блаженъ той буде, хто заплате
Тоби за ти твои дила,
Що ты, безжальна и проклята,
Намъ на погыбель прынесла.

Блаженъ, хто смилою рукою
Колысь дитей твоихъ малыхъ
Объ стины вдарыть головою
Й побье на каминяхъ твердыхъ!

1881 р.

КАЧЪ.

Бережно знявъ я зъ верстату основу,
Людямъ роботу рознисъ и роздавъ;
То жъ мій спочынокъ; теперечкы знову
Берда направывъ, нытки наснувавъ.

Отъ и роблю я. Застукала ляда;
Бигае човныкъ видтиль и видсиль...
Човныкъ и ляда—ткачеви порада;
Берда и цивкы, вы—хлибъ мій и силь!

Добре багатому: винъ, колы схоче,
Знайде початокъ роботи й кинець;
Въ хати жъ у бидного ляда стукоче,
Покы до дна догорыть каганець.

Вчиться вы, диткы, у мене робыты;
Вывчытесь—будете добри ткачи;
Дасть вамъ верстатъ вашъ и йисты, и пыты,
Тилко жъ робить вы и въ-день и въ-ночи!

Схочете спаты,—а лыхо прысныться,
Зъ лижка зжене васъ воно до зори;
Ляжте жъ тыхенько та спить, покы спыться,
Спить, мои диты, въ тепли та въ добри!

Отъ и заснулы по лавахъ хлопьята;
Крыкнувъ цвиркунъ, догора каганець;
Трохы прытыхло; побильшала хата;
Швыдко вже буде й роботи кинець.

Швыдко, а все-такы стукае ляда,
Бигае човныкъ видтиль и видсиль...
Човныкъ и ляда—ткачеви порада;
Берда и цивкы, вы—хлибъ його й силь.

1877.

Лялька.

Щыра и мыла, сама зъ тею лялькою схожа,
Граешся зъ лялькою ты, моя дивчынко гожа!
Чорни ій косы розчешешъ, у сукню вдягаешъ,
Въ стьожкы червони, въ намысто ясне убираешъ;
Вдинешъ ій въ уши сережкы, обуешъ ій нижкы,
То ій головку пиднимешъ, то схылюешъ тришкы;
Стыснешъ до лонь своихъ, щыро и щыро мылуешъ,
И въ оченята, и въ губкы рожеви цилуешъ;
Граться жъ обрыдне тоби,—такъ играшокъ никчемный
Схопышъ за нижку, та й кынешъ у закутокъ темный.

Я прозыраю, дытыно, далеко, и дуже
Жаль мени й лялькы, и нянькы, маленькый мій друже.
Ты и не бачышъ, якъ рокы за рокамы плынуть...
Щырому серцю на свити не довго загынуть!
Зъ лялькы малои ты станешъ огрядна дивчына;
Зачервоніе твій выдъ молодый, якъ калына;
Очи, мовъ сонце на сходи, огнемъ загоряться...
Люде захочуть зъ тобою, якъ зъ лялькою, граться:
Свита по правди й завчáсу тоби не покажуть;
Думъ, що почнуть полошыты тебе, не розважуть;
Въ любляче серце твое заглядаты не будуть,
Сылъ, що даремно дримають въ души, не розбудють;
Лéстытысь стануть и стануть до нигъ твоихъ лынуть,
Щобъ, якъ обрыдне, у закутокъ ляльку закынуть!

Токирна.

Хоче мене маты
За нелюба даты...
Ой, изовьянь, винку,
Винку изъ барвинку!

Каже мени маты:
„Йды, доню, гуляты;
Ой будь веселенька,
Бо ты молоденька.“

„И, вже, моя маты,
Мени не гуляты!
Треба мени маты
Про инше гадаты...

„Мусышъ мени, маты,
Худибоньку дбаты.
Не дбай мени, мамо,
Ніякого краму,—

Купы мени скрыню,
Скрыню-домовыну:
Вищуе серденько,
Що швыдко загыну!“

Черевычкы.

Якъ до мылого ходыла,
Черевычкы я купыла.
Черевычкы съ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!

Чорнобрыва й билолыця
Якъ прыйду, було, до Грыця,
Черевычкы тилько рыпнуть,—
Вже у його й двери скрыпнуть.

Винъ ти двери видчыняе,
А на мене поглядае.
Черевычкы съ пидкивкамы,
Та й натерпилась я зъ вамы!

Якъ иты, було, зберуся,
Все, немовъ чогось боюся;
А моя, тымъ часомъ, маты
Почына мени казаты:

„Доню, доню, въ темни ничкы
Знапастышъ ты черевычкы!"
Маты правдоньку казала:
Черевычкы я стоптала.

Вже жъ у ихъ не стало рыпу,
А у Грыця въ дверяхъ скрыпу;
Що жъ подiялося зъ вамы,
Черевычкы съ пидкивкамы?

Покы вы булы новеньки,
Бувъ до мене й Грыць любенькый;
Съ того жъ часу, якъ стопталысь,
Щось то инше зъ Грыцемъ сталось.

Черевычкы невелычки,
Вы стопталысь въ темни ничкы,
Та и все стопталось зъ вамы,
Черевычкы съ пидкивкамы!

ЫНОКЪ.

Не велыку й не багату
Чоловикъ построивъ хату,
Та й поставывъ у сели,
Коло миста, на шпыли.

Потимъ винъ, якъ въ клитци пташку,
Надъ викномъ повисывъ пляшку,—
И, якъ витеръ похытне,
Пляшка визьме та й кывне.

И хиба-жъ воно одъ-вику
Тее можна чоловику,
Щобъ, якъ пляшка закыва,
Не здурила голова?

Отъ якъ пляшка закывае,
Винъ до шынку й повертае;
Сяде, гляне въ поставець,
Та й потягне гаманець,—

И вже грошей и не личе...
Чоловиче, чоловиче!
Що въ тій бочци онде йе,—
Все воно до дна твое!

Тамъ сыдыть твій заробитокъ,
Тамъ лежыть худоба дитокъ;
Сино те, що ты косывъ;
Жыто те, що Богъ вродывъ;

Тамъ твоя свытына сира,
Хамуты, ярмо, сокыра;
Дрова ти, що ты продавъ,
Садовына, що збиравъ;

Сылы ти, що ихъ не стало,
Те здоровья, що пропало;
Сльозы жинкы, серця мичъ,
Пьяна лайка день и ничъ...

Все воно туды пирнуло,
Все въ тій бочци потонуло;
А вона все те-жъ одна—
И безъ верху, и безъ дна!

Чую:—витеръ повивае,
Пляшку хылыть та хытае;
А вона соби кыва,
Та до шынку зазыва.

1881 р.

Опизнывся.

У недобрую годыну
Та вподобавъ я дивчыну;
А вона якъ позырнула,
Каже: „геть!“ та й видипхнула.

Гей, покынувъ я дивчыну,
На плече бурхнувъ свытыну,
Трычи свыснувъ потыхеньку,
Пыхнувъ люльку коротеньку,

Похожаю у хатыну,—
А ни хвирткы, а ни тыну!
Ставъ свого пытаты роду,
Що його не малось зроду;

А ни роду, ни родыны,
Ни дворыща, ни хатыны:
Те въ земли давно потлило,
Те зъ пожежою злетило.

Та про все йе воля Божа!...
Кынувсь я до Запорожжя;
А про те соби й не дбаю,
Що нема,—чого шукаю.

Воля Божа, воля Божа....
Гей, пропало Запорожжя!
Йду та й бачу: степъ шырокый,
Стугонить Днипро глыбокый;

Стугоныть, объ скели бьеться,
Зъ скель до моря подается...
Я Днипра давай пытаты,
Де-бъ те військо одшукаты;

А Днипро реве—гуркоче,
Говорыть мени не хоче
И сердытый въ скели бьеться,
Зъ скель до моря подается...

Зъ моря витеръ повивае,
Матерынку колыхае,
Матерынка важко плаче:—
„Опизнывся ты, козаче!“

1884 р.

ОЗАКЪ.

Рой поповычъ молоденькый
Книжкы не чытае:
У шынкаркы медъ изъ чаркы
Зъ вечора кружае.

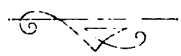
Та й выбылы поповыча
Дрибнымы ризкамы...
„Бодай же вы погынулы,
Префекты зъ книжкамы!“

Зъ-за калыны, зъ-за ялыны
Витеръ повивае;
Молоденькый паныченько
Зъ бурсы утикае.

„Прыймы, каже, мене, Сиче!
Прыймы мене, маты:
Буду тоби, моя нене,
Вирно працюваты!“

Взяла Сича прыгорнула
Грыця молодого...
Выряжае на Турчына
Козака нового.

Иде козакъ на Турчына,
Иде, выгравае,
Матиръ свою велыкую,
Сичу велычае.



ЕЗРИДНИ.

Сидлай коня вороного,
Ой брате-козаче!
По насъ въ свити шырокому
Нихто не заплаче,—
Хиба воля, стара неня,
Та серце-рушныця;
Хиба конькъ-братко мылый,
Та шабля-сестрыця.
Ой брязнемо кышенею
Зъ гришмы золотымы,—
Де й визьметься родынонька,
Сестры й побратымы.
Ой ляжемо видъ Турчына
На поли, якъ треба,—
Одно тилько й побачыть насъ
Сонечко изъ неба;
Стане жалибно куваты
Зозуленька вранци;
Стануть выты, голосыты
Вовкы-сироманци.
Доле жъ моя, доле жъ моя!
Тяжко въ свити жыты;
А ще жъ такы не хочеться
Рученькы зложыты.—
Туманъ съ поля лидійметься,
Й сонечко прогляне,
И мынеться негодонька,
Й доленька настане.

Неволя.

Дайте мени коня мого,
Дайте вороного,
Пустить мене, пустить мене
Въ поле на дорогу.
Я уздою золотою
Коня загнуздаю,—
Витромъ буйнымъ пронесуся
До ридного краю.
Кинь козачый неледачый—
Полетыть до стана,
Мижъ хатамы, куринямы,
Якъ вкопаный, стане.
Та й скочу я зъ вороного,
Землю поцилую,
Зъ горилкою до губъ моихъ
Чарку прытулю я.

Тыхо, тыхо... нема коня,
Нема вороного,—
Не пускають козаченька
Въ поле на дорогу.

Понесеться панъ кошовый
Безъ мене на сичу;
Зійде сонце въ чыстимъ поли—
Я його не стричу.
Буде буйно шабля гостра
Ляха, Турка быты,
Будуть зъ гукомъ Запорожци
По морю летиты...
Ой колы-бъ хто подавъ мени
Коня вороного,
Ой колы-бъ хто пустывъ мене
Въ поле на дорогу!...

В ПОЛИ.

Гей у мене бувъ коняка,
Бувъ коняка—розбишака;
Мавъ я шаблю и рушныцю,
Ще й дивчыну—чаривныцю!

Гей коняку Туркы вбылы,
Ляхы шаблю пощербылы,
И рушныця поламалась,
И дивчына видцуралась.

За Буджацькымы степамы
Йидуть наши зъ бунчукамы;
А я зъ плугомъ, зъ бороною
По-надъ нывою сухою!

Гей, гей, гей, мій чорный воле!
Нына довга, въ стерняхъ поле...
Витеръ віе-повивае,
Казаночокъ закыпае.

Ой хто въ лузи—озовыся!
Ой хто въ поли—одклыкныся!
Скоро все засне пидъ млою,
Йды вечеряты зо мною!

Зву... Луна за лугомъ гыне,
Изъ-за хмары мисяць плыне;
Витеръ віе-повивае,
Казаночокъ простыгае...

ЕЧИРЪ.

Вечоріе и темніе,
По земли лягае мла,
И не зійде срибный мисяць:
Хмара небо затягла.

Хукны ты, моя дружыно,
У виконечко на скло:
Подывысь, якъ замитае
Снигъ и церкву, и село.

Винъ подме й на нашу хату
И по стриси до краивъ
И шырокыхъ, и высокыхъ
Понамитуе горбивъ.

Стане холодно на-двори,
И бида тому, кого
Хуртовына въ чыстимъ поли
Та настыгне одного!

Тилько ты, моя голубко,
Не журысь, що зайде ничъ:
Я внесу соломы й хмызу,
Затоплю у хати пичъ.

Затрищыть сыра лищына,
Розгорыться, запала,—
И нехай тоди на двори
Свыще витеръ, пада мла.

ОСАРИ.

Ще роса зъ жытивъ не спала,
Мы взялы брускы й клепала
И зъ зори
Гострымъ косы, въ ручку йдемъ,
Колосъ пидъ ногы кладемъ
До зори.
Пройдемъ гоны, други й трети,
А жыта, якъ очереты,—
Не пробьемъ;
Тягнемъ косы—такъ блыщать,
Вдарымъ въ жыто—ажъ бряжчать,—
Мы все йдемъ.
Жовте жыто переспило,
Тымъ и спыну надломыло,—
Ажъ болыть;
Нуте жъ, нуте, косари,
Недалеко до зори,—
Потягнить!
День заходыть, сонце сяде,
Кашоваръ таганъ наладе
Надъ вогнемъ;
Сядемъ мы до казана,
Пойимо кулишъ до дна
Й оддыхнемъ.
На покосы впалы росы,
Не бряжчать объ жыто косы
На ланахъ,
И до ранньои зори
Вси заснулы косари
На стерняхъ.

Леонидъ Ивановычъ Глибовъ.

Глибовъ Леонидъ Ивановычъ, урод. 19 лютого 1827 р. у с. Веселый-Подолъ, Хорольського повиту; скинчывшы Нижынськый Лицей, бувъ учытелемъ у Чорнимъ-Острови на Подиллю, а потимъ у Черныгови, де и вмеръ 1894 р.; почавъ пысать 1848 р. байкы; окримъ того, пысавъ лирычни поэзіи и напысавъ жартъ „До мырового".

ЖУРБА.

Стоить гора высокая,
По-пидъ горою гай,
Зеленый гай, густесенькый,
Неначе справди рай.

Пидъ гаемъ вьеться риченька:
Якъ скло вона блыщыть,—
Долыною зеленою
Кудысь вона бижыть.

Край берега, у затышку
Прывьязани човны;
А тры вербы схылылыся,
Мовъ журяться воны,

Що пройде любе литечко,
Повіють холода,
Осыплеться ихъ лыстячко,
И понесе вода.

Журюся й я надъ ричкою...
Бижыть вона, шумыть,
А въ мене бидне серденько
И мліе, и болыть.

Ой, ричечко, голубонько!
Якъ хвылечкы твои,—
Пробиглы дни щаслывіи
И радощи мои!

До тебе, люба риченько,
Ще вернеться весна;
А молодисть... не вернеться,
Не вернеться вона!...

Стоить гора высокая,
Зеленый гай шумыть;
Пташкы спивають голосно,
И ричечка блыщыть.

Якъ хороше, якъ весело
На билимъ свити жыть!...
Чого-жъ у мене серденько
И мліе, и болыть?

Болыть воно та журыться—
Що вернеться весна,
А молодисть.... не вернеться,
Не вернеться вона!...

СТЕПУ.

Присвята Ол. Ам. Тыщынському.

Хочъ доля прывела у городъ суетлывый,
Добра и зла прыкрашеный вертепъ,
Я все такы люблю синожати и нывы,
Люблю шырокый, тыхый, ридный степъ.
Тамъ ясная зоря, якъ радисть, прывитала,
Литала на кони тамъ молодисть моя,
Про щастя, про любовъ надія тамъ шептала,
И любо слухалось, и щыро вирывъ я.
Даль степова кругомъ, якъ море, тамъ сынила
И здалеку бренивъ густый зеленый гай;
Чы добрый чоловыкъ, чы доля насадыла,—
То бувъ нашъ тыхый, невелычкый рай.
Була тамъ пасика, стоявъ куринь маненькый,
И пасишныкъ-дидокъ тамъ вику дожывавъ;
И дуже я любывъ його кутокъ тыхенькый:
Тамъ, оддыхаючы, про все я забувавъ.
И о-пивдни, и ввечери, бувало,
На таганку кыпыть маленькый казанокъ,
И прыязно мени, прытовкуючы сало,
Про давню давныну розсказувавъ дидокъ.
Збиралася туды гулять молодижъ наша;
До пивночи въ гаю писни луналы, смихъ;
Вечерялы гуртомъ; и дидусева каша
Була смашниша намъ прысмачокъ дорогыхъ...
Та... не бува, сказавъ хтось, двичи лита...
Прыйшла бида—и часъ смутный наставъ:
Пидкралася кышеня грошовыта,
Хтось безъ жалю веселый гай зрубавъ.
Понивечыло все чіесь жыття ледаче!

И дуже, дуже жаль теперъ мени,
Душа болыть... теперъ тамъ воронъ кряче,
Та ятилъ прылита довбать гныліи пни.
Де пасика була—трава зазеленила,
И не курыть уже тамъ любый таганокъ;
Въ густій трави сховалася могыла,
Въ могыли тій забутый спыть дидокъ.
Колысь не такъ було: ще ранньою весною
Злиталысь пташечкы и соловьи спивать...
Осталася одна береза сыротою
Самотньои могылы доглядать.
Схылылася вона; до-долу виття гнуться,
У головахъ старенькый хрестъ стоить;
Настане ничъ—зъ березы сльозы ллються,
И витрыкъ по трави тыхенько шелестыть...
О, скилько йе могылъ, де спыть жыття козаче!
Та де жъ воны? Де ихъ теперъ шукать?
Нихто, нихто надъ нымы не заплаче:
И плакать никому, и плакать не велять.

ВЕЧИРЪ.

Чы згадуешъ, дивчынонько моя,
Якъ згадую безъ тебе я
Той вечиръ тыхый надъ водою,
Якъ сумовалы мы зъ тобою,
Що Богъ намъ доленькы не давъ?....
Въ садочку соловей спивавъ,
За гай спускалось сонце ясне,
Плескалась рыбка на води....
„Отъ, скоро й Божый день погасне“,—
Сказала ты тоди—
И загадалась й зажурылась,
Головкою на рученьку схылылась,—
И на рукавця изъ очей
Сльоза тыхенько покотылась....

Бажавъ я бачыть свитъ, людей,—
Та й бачывъ свитъ, зъ людьмы спизнався;
А все туды не разъ душею рвався,
Де соловей въ садку спивавъ,
Въ той вечиръ тыхый надъ водою,—
Де сумовалы мы зъ тобою,
Що Богъ намъ доленькы не давъ...
Неначе тамъ я щастя поховавъ!

Не плачъ, поэтъ!

Не плачъ, поэтъ! хочъ якъ тамъ трудно, тяжко буде,
Не плачъ, не треба слизъ твоихъ;
Плаксывыхъ душъ теперъ нигде не люблять люде,
И лышенько чуже—имъ смихъ.
Всимъ веселійше жыть, колы кругомъ сміються,
Бо горя скризь доволи йе,
И черезъ золото, онъ кажуть, сльозы ллються,—
На що-жъ ще горенько твое?
Не плачъ, поэтъ! жалійсь про все соби самому,
Несы въ могыльный свій скытокъ;
„Винъ,—скажуть,—горенькомъ не докучавъ никому,
Йому хвала, йому винокъ!“

NOCTURNO.

На неби ничъ и всюды ничъ чорніе,
И мисяць десь въ далекимъ неби спыть...
Чого-жъ квылыть душа и серце мліе?
И ничъ мовчыть, и все кругомъ мовчыть.
Не знае ничъ, що діялось учора,
Не видае, якіи бачыть сны
Померкшый день Содома и Гомора...
Засны-жъ и ты, перо мое, засны!

Байкы.

1.

Горлыця й горобець.

Воркувала Горлыця у садку,
У куточку тыхенькому, на бузку;
Жалкувала сызокрыла, що вона
Не счулася, якъ мынула и весна,
Не вглядила, якъ одцвився и садокъ,
И черешни, и вышенькы, и бузокъ;
Сумувала, що прыйдеться въ-осены
Десь шукаты ще иншои стороны.
Пидлабузнывсь до Горлыци Горобець,
Наче справди запорозькый молодець:
„Ой послухай, голубонько, не журысь;
Ты на мене, молодчыка, подывысь!
Чы йе въ свити де такіи молодци,
Якъ мы, славни та весели горобци?
На все вдатни—до любощивъ, до писень,—
Цвиринькаемъ, жартуючы, увесь день!
Ты не бійся, голубонько, що зима
Посыплеться билымъ снигомъ... то дарма!
Насъ съ тобою тее лыхо не зляка:
Перебудемъ пидъ стрихою въ козака.
А якъ гляне ясне сонце на весну—
Забудемо тую зиму нависну.
Поростають тіи биліи снигы,
Покрыються травыцею вси лугы,
Розивьеться калынонька и садокъ,
Росцвитуться и вышенькы, и бузокъ;
Заспивають уси пташкы, якъ въ раю,
Прывитатымуть голубоньку мою;

А ты, серце-голубонько, не журысь
Та до мéне молодчыка прыхылысь"...
—„Бодай тоби, Горобчыку, не брехать,
А Горлыцямъ твоихъ брехень не чувать.
Не до-пари голубоньци Горобець,
Хочъ якый винъ прехорошый молодець:
Треба мени, сызокрылій, голубка,
Якъ хорошій дивчыноньци козака".—
Де не взявся сызокрылый голубокъ—
Якъ ухопыть Горобчыка за чубокъ,
Помнявъ його, понивечывъ, якъ хотивъ,
Оскубъ його, молодчыка, та й пустывъ:
„Оце тоби, Горобчыку,—такъ не вчысь,
До чужои голубонькы не тулысь!"
Якъ дремене Горобчычокъ у садокъ,—
Болыть його головонька и чубокъ.
Регочуться проклятіи горобци:
„Оттакъ наши добувать молодци!"
Засоромывсь осміяный Горобець
Та й покынувъ риднесенькый табунець,
Полетивъ винъ свитъ-за-очи у садкы
Видшептувать головоньку и бокы.

Я выгадавъ, лежачы на печи,
Для васъ сюю баечку, панычи!
Ой не будьте, паныченькы-молодци,
И вы таки, якъ оттіи горобци;
Прыгортайтесь, козаченькы, до дивчатъ—
Хиба мало йе хорошыхъ бровенятъ?
Дивчынонька, якъ квиточка,—зъ нею рай,—
А чужои молодыци не займай,
Бо налетыть часомъ сывый голубокъ—
Болитыме головонька и чубокъ!

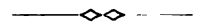
Основа. 1861 р., № 4.

2.

Хмара.

Надъ селамы, надъ нывамы,
Лугамы та долынамы
Велыка хмара йшла.
Ни жыта, ни пшеныченькы,
Ніякои травыченькы
Дощемъ не полыла.
Видъ степу видъ шырокого
До моря до глыбокого
За витромъ потяглась.
Надъ моремъ гуркотаючы,
Ввесь день не оддыхаючы,
Дощемъ вона лылась.
Диждала ничкы темнои—
И до горы зеленои
Прысунулась спочыть.
Бачъ,—каже,—го́ро мылая,
Дощу не пожалила я,
Нехай теперъ шумыть!"
—„Шкода́—гора озвалася:—
Сього не сподивалася
Одъ тебе, сестро, я!
Надъ селамы, надъ нывамы,
Надъ тыхымы долынамы—
Тамъ славонька твоя!
На кожную стеблыночку
Пошлешъ одну росыночку—
И вику додасы,—
А морю шыроченному,
Глыбокому, сыленному,
Воды не наддасы!"

Гора сказала правдоньку;
А я вамъ дамъ порадоньку—
Якъ жыты до-пуття:
Кохайте щыро правдоньку—
И дасть вамъ Богъ одрадоньку
Щаслывого жыття.



3.

Хазяинъ та Шкапа.

Хазяинъ сіявъ овесець,—
Була у його нывка невелыка.
Отъ, бачыть Шкапа та й базика:
„И на якый се винъ кинець
Овесъ у поли розсыпае?
Мабуть и самъ гараздъ не знае...
А я чувала, та й не разъ,
Якъ про людей гукають всюды,
Що люде розумниши насъ...
Кый чортивъ-батько—брешуть люде!
Якый тутъ розумъ—землю рыть
Та розкыдать пашню безъ дила?
Неначе никуды подить!...
Стрыжчати-бъ давъ, то й я-бъ пойила:
А хочъ индыкамъ, хочъ качкамъ;
Усе-бъ було выднище намъ,
Що робыть винъ хочъ трохы гарно
И що пашни не тратыть марно...
Або нехай-бы й заховавъ,—
Сказалы-бъ, що скупенькый ставъ...
А то—що зробыть—все дурныця,
Вже ажъ не хочеться дывыться!"—

Мынуло лито; писля жнывъ
Овесъ Хазяинъ змолотывъ
И шкапу ту, що вередуе,
Винъ и шануе, и годуе.

. . .

Такъ иншый зъ-дуру неборакъ
Надъ Божымъ диломъ вередуе:
„И се не такъ, и те не такъ:
Чого се сонце дуже гріе,
Або не видтиль витеръ віе“...
Головонька його дурна
Того й не зна,
Що Богъ насъ лучче розуміе.

Нижынъ, 1853 р.

4.

Лысыця и Ховрахъ.

Куды се ты, кумасенько, бижышъ?
Даешъ неначе зъ-ляку драла,—
Гука Ховрахъ,—ни на́-що не глядышъ,
Мене-бъ-то й не пизнала?“
—„Охъ, голубе!“ Лысыця застогнала:
„Бодай бы вже й не жыть,
Якъ оттаке терпить!“—
—„Що-жъ тамъ таке? Яка прычына?“
Ховрахъ допытуе куму.
А та йому:
„Напасть мени! Лыха годына!
Якъ кумови свому,
Скажу тоби усе, по-дружби...
Оце я, бачъ, була на служби,—
Наставылы мене суддею до курей;
Я ихъ кохала, якъ дитей;

Всьому порядокъ подавала;
И не дойимъ, и не досплю;
Усе, було, тружусь, роблю—
Ажъ съ тила спала.
Вси добристь бачылы мою,
Бо вси жылы, мовъ у раю.
—Ни зъ ко́го, по сей день, не брала я й пирьинкы.
А що-жъ за те куми твоій?
Зъ-очей прогналы!!... Боже мій!
За що, про що, и за якіи вчынкы?
Отъ, справди, свитъ теперъ якый
Брыдкый!...
А все се лыхо брехни діють.
Якъ здумаю—печинкы тліють!
На мене хтось-то набрехавъ
(Бодай бы той добра не знавъ!),
Що я хабарыкы лупыла...
А щобъ я, куме, хлибъ такъ йила,
Колы хочъ шагъ зъ кого взяла,
Колы хочъ разъ душею покрывыла!
Скажы, чы я-жъ колы така була,
Щобъ сіи капосты робыла?"—
—„А що-жъ, кумасенько моя,"—
Ховрахъ мовляе такъ лысыци:—
„Бувъ грихъ,—частенько бачывъ я
У тебе пирьячко на пыци"...

Бува у служби чоловикъ,—
Все стогне, каже: жыты важко!
Неначе дожывае викъ,
Або останній рубъ насправжкы;
И виру ймешъ йому пидъ-часъ,
Бо знаешъ, або й чувъ не разъ,
Що жинку винъ узявъ безъ вина,

И самъ сердега сыротына.
А потимъ бачышъ—той биднякъ,—
Хто його зна колы и якъ—
Земли накупыть, хазяйнуе;
А дали такъ соби пануе,
Що на!... У судъ не йты брехать;
А якъ утерпить, не сказать,
Якъ той Ховрахъ мовлявъ Лысыци,
Що выдко пирьячко на пыци?

5.

Вовкъ та Мышеня.

На поли Вовкъ овечку взявъ,
Потягъ сердешную въ диброву—
Не на розмову,—
А щобъ иззисты: винъ бажавъ
Мнясця свиженького давненько.
Отъ, взявъ овечку, обидравъ,
Якъ знавъ,
Та й заходывся хорошенько
Мнясце пидъ дубомъ умынать,—
Ажъ на зубахъ кисткы хрущать.
Йивъ Вовчыкъ, йивъ, ажъ утомывся;
Гаразденько удовольнывся,
А все-такы всього не зживъ:
„Нехай вже, каже, другымъ разомъ.“
Мнясце травыцею прыкрывъ,
А самъ спочынуть лигъ тымъ-часомъ.
Неначе панъ якый—лежыть...
А мышенятко пидъ вербою
Почуло, що мнясце пахтыть,

Та й крадеться по-мижъ травою
(Яке мале, а вже хытрыть!)...
Отъ, помалесеньку пидкралось,
Взяло мнясця та у дупло й эховалось.
Угледивъ Вовкъ,—дарма що спавъ,
И на ввесь гай гукать зачавъ:
„Ой ненечко! рятуйте! поможите!
Ловите злодія, держите!
Добро мое покравъ!“

Я въ одному сели по ярмарку гулявъ,
Та й бачывъ дыво:
Якыйсь тамъ становый хвынтывъ списыво
Биля чумацькыхъ хуръ.
Чого винъ тамъ ныкавъ—уси на вусъ моталы...
Отъ, якось у його тарани вьязку вкралы,
А винъ гукае: „проби! калавуръ!“

1853 р.

6.

Орачи и Муха.

У поли Орачи на ярыну оралы
И Муха тамъ була,
И хочъ ій, непрохану, ганялы,
Одначе крадькома и йила, и пыла,
Бо звыкла змалечку кохаться у чужому.
Надъ-вечиръ Орачи верталыся до-дому,
И Муха тамъ на рози у вола.
Зустривсь Комаръ на лузи край села
Та й каже, сміючысь: „добры-вечиръ, сестрычко!
А ты вже тутъ чого, моя перепелычко?
Кума, чы родычка кому?“
А та йому:

„Бовъ! бовъ! раденькый, що дурненькый;
Хочъ довгый нисъ; та розумъ коротенькый,
Бо комари не сіють и не жнуть...
Ты роздывысь: у поли мы оралы,
Раненько почалы, ввесь день не оддыхалы,
Теперъ до-дому часъ, зъ вечерею насъ ждуть."

Мы й мижъ людьмы чымало знаемъ
Брехлывыхъ прыхвостнивъ такыхъ;
Вертяться скризь, щобъ бачылы и ихъ:
И мы, мовъ, тутъ, турбуемось и дбаемъ!

6.

Вовкъ та Ягня.

На свити вже давно ведеться,
Що нижчый передъ выщымъ гнеться,
А бильшый меньшого кусае та ще й бье,—
Затымъ що сыла йе...
Прымиръ не довго-бъ показаты,—
Та—цуръ йому!—на що чипать...
А щобъ кинци якъ-небудь поховать,
Я хочу байку розсказаты.

У-литку, саме середъ дня,
Пустуючы, дурне Ягня
Само забылося до ричкы—
Напытыся водычкы.
Отъ, чы пыло, чы ни,—глядыть—
Ажъ суне Вовкъ—такый страшенный
Та здоровенный!
Та такъ прямисинько й бижыть
До бидного Ягняты.

Та й кр...

(...

Ягняти никулы тикаты;
Стоить, сердешне, та дрижыть...
А Вовкъ, неначе комысаръ, крычыть
(Винъ, щобъ прысикаться, знайшовъ прычыну):
„На що се ты, собачый сыну,
Тутъ каламутышъ берегъ мій
Та квапышъ нисъ поганый свій
У чыстую осюю воду?
Та я тоби за сюю шкоду—
Ты знаешъ—що зроблю?...
Якъ муху задавлю!“
—„Ни, паночку“... Ягня йому мовляе:
„Водыци я не сколотывъ,
Бо ще й не пывъ;
А хочъ-бы й пывъ, то шкоды въ тимъ немае,
Бо я стою зовсимъ не тамъ,
Де треба пыты вамъ,
Та ще й вода одъ васъ сюды збигае.“—
„Такъ се-бъ то я брешу?“—тутъ Вовкъ йому гукнувъ.
„Чы бачъ! ще и базикать стало...
Такого ще поганьця не бувало!...
Здаеться, ты й позаторикъ тутъ бувъ
Та капосты мени робывъ?... Тривай-же!
Ты думаешъ, що я забувъ?“
—„Помылуйте!“—йому Ягнятко каже:
„На свити я ще й году не прожывъ.“
„Такъ братъ твій бувъ...“—„Нема бративъ.“—
„Такъ, може, батько,
Колы не дядько,
Або-жъ хто-небудь зъ вашыхъ бувъ...
Хиба не знаю я, не чувъ,
Що вы уси мене-бъ иззилы,
Якъ-бы вловылы?
Собаки й вивчари твои,
Уси вы—ворогы мои:

Одъ васъ мени життя немае...
Ще мало я терпивъ?“
—„Такъ чымъ же *я* вамъ досадывъ?“
Ягнятко, плачучы, пытае.
—„Цыть, капостне! лыбонь не знае...
Ще й огрызаеться, щеня!
Що ты за птыця?! ты—Ягня!
Якъ смило ты мене пытаты?
Вовкъ, може, йисты захотивъ!...
Не вамъ про тее, дурнямъ, знаты!“
И—Вовкъ Ягнятко задавывъ...
На що йому про тее знаты,
Що може плаче бидна маты,
Та побываеться, якъ рыбонька объ лидъ:
Винъ Вовкъ, винъ панъ,—йому не слидъ...

1855 р.

Пылыпъ Семеновычъ Морачевськый.

Морачевськый Пылыпъ Семеновычъ, уродывся 14 лыстопада 1806 р., въ Черныгивщыни; скинчывшы Харькивськый универсытетъ, бувъ инспекторомъ въ Лицеи князя Безбородка у Нижыни, напысавъ поэму: „До чумака" та инши поэзіи; йому належыть прекрасный на мову украинську перекладъ (доси не надрукованый) евангелія. Умеръ, здаеться 1879 р.

—◇◇—

Зъ поэмы „До Чумака".

Украино, Украино,
Наше сонце ясне!
Чы йе въ свити що видъ тебе
Мылише и краще?
Стрепенеться бидне серце,
Якъ тилько згадаю...
Полынувъ бы я до тебе,
Да крылець не маю!
Тамъ на гори, на высокій
Пидъ гаемъ зеленымъ
Стоить хата батькивськая
Зъ садочкомъ вышневымъ.

Ие и поле кругъ хатыны,
И лугъ надъ Десною,
На що-жъ мы тутъ лита тратымъ,
Въ чужыни, зъ журбою!
Докы стриху соломьяну
Витру розвиваты,
Докы грюкать въ виконыци
Батькивськои хаты?
Пусте, ниме подвирьячко,
Рундукъ зацвивъ мохомъ,
Килля зъ тыну розибралы
Сусиды потроху;
Садъ вышневый, гай зеленый—
Де вы?... пенькы всюды!
Безъ хазяина худоба
Плаче,—кажуть люде...
Видсуну я кватырочку—
У виконце гляну:
По-пидъ гаемъ зелененькымъ
Шляхъ иде въ Украйну.
Любо мени на чужыни
На той шляхъ глядиты,
Якъ на свою жинку-любку,
Якъ на квиты-диты.
Летять пташкы зъ того краю—
Може й зъ Украины?
По-пидъ хмарамы чорніють,
Ледве-ледве выдни...
Пташка божа по всимъ свити
Литае по воли:
Схоче—здійметься пидъ небо,
Схоче—сяде въ поли;
Чомъ же, чомъ на божимъ свити
Я не маю воли?
Моя воля зъ витромъ въ поли

Десь шукае доли.
О, колы-бъ я мавъ ту волю,
Що пташка... Давно вже
Полетивъ бы въ Украину...
Та ба! стій, небоже!

Украино, Украино!
Ажъ серце заграе,
Якъ мени що на чужыни
Тебе нагадае...
Онъ, вона, лебедя била!
(Серденько трепече!)
Тамъ весело сонце сяе,
Днипръ хвылямы плеще,—
Днипръ шырокый, Днипръ глыбокый,
Якъ у давни поры,
Що носывъ човны козацьки
На Чорнее море.
Я—на берези, дывлюся—
Чы не рай то бачу?
Туды рукы простягаю,
Якъ дытына плачу!
О, на що насъ ридна маты
Пускаешъ видъ себе,
Колы наше щастя й доля
Тилько що край тебе?...—
Булы часы, смутни часы,
Якъ ты вся палала
И слизамы—своихъ дитокъ
Раны обмывала.
Булы часы—тяжки часы—
Бодай не верталысь!
Якъ поля твои и степы
Кровью залывалысь,
Якъ зъ кинця въ кинець ирвалы

Тебе зліи люде....
Тилько-жъ то було давно вже—
Бильшъ, мабуть, не буде...
—Чого-жъ ты така смутная?
Туга серце сушыть,
Безталанну головоньку
Недоленька крушыть!
Що-жъ тоби зъ тыхъ дáвнихъ часивъ,
Що пройшлы, мовъ лава,—
Що осталось, ридна маты?...
„Сыну! добра слава!“

Олександеръ Яковлевычъ Конисьный.

Конисьный Олександеръ Яковлевычъ, уродывся 6 серпня 1836 р. у с. Переходовци Нижынського повиту, почавъ пысать 1858 р.; окримъ поэзій, напысавъ чымало романивъ, повистей, оповидань, науковыхъ, публицыстычныхъ и критычныхъ росправъ; йому належыть повнійша біографія Шевченка украинською и російською мовамы.

Проповидь на гори.

Высока скеля. Биля неи
Народу тыскъ. Изъ Іудеи,
Зъ Йерусалыма, зъ Галылеи
Прыйшлы старіи и мали
Послухать нового Равви.

Генъ на шпылю стоить Мессія.
Винъ наче вична та краса:

Вродлывый, гарный сынъ Маріи,
Прывитенъ, наче небеса.
По билому, якъ снигъ, хытони
Роскишни кучери лежать;
Проминнямъ правды и любовы
Пророчи очи ажъ горять,
А на чоли його высокимъ
Печать велыкого ума,
Неначе сяевомъ шырокымъ
Лягла тамъ истына сама.

Скризь на гори у нигъ Мессіи
Лунае гоминъ навкругы...
На мори такъ лунають хвыли,
Бьючысь объ скели въ берегы;
Днипро старый оттакъ шумуе,
Черезъ порогы плывучы,—
Реве и стогне винъ, хвылюе,
У море сльозы несучы.
Лунае гоминъ: „Воля-доля
Колысь свитыла, якъ зоря,
Теперъ у насъ ярмо неволи
Й жорстокисть Ирода царя".

У гору руку звивъ Мессія,—
Давъ знакъ, що хоче говорыть:
Замовкло все, мовъ онимило,
Духъ прытаило и мовчыть...
Вси ждуть: отъ-отъ спасенне слово
Промовыть до людей Равви
Сподиване, бажане, нове
Те слово правды и любви.

И винъ отверзъ уста святіи,
И зъ ныхъ, немовъ зъ ключа вода,

Лылася сриблом и бренила
Наука истыны свята:

„Блаженъ, хто гордощивъ не мае,
Въ кого духъ крывды не сыдыть;
Хто въ скрыняхъ золота не дбае,
Хто на громаду звыкъ робыть;
Хто брата темного навчае,
У хату вбогу вносыть свитъ,
И завше духомъ нищъ бувае:
Тому на неби царство ввикъ!"

„Блаженъ, хто щырымы словамы
Чужу оплакуе биду,
И брату добрымы диламы
Розважыть тугу и нужду.
Блаженъ! До нього въ дни турботы,
Въ часы, колы душа болыть,
Въ годыну суму, слизъ, скорботы
Видъ Бога радисть загостыть.

„Блаженъ, хто серцемъ незлобывый,
Хто прыязно жыве зъ людьмы;
Блажени кротки, несварлыви—
Ти будуть дидычи земли..."

„Блаженъ, хто истыны святои
Жадае, алче, мовъ йиды,
Мовъ подорожній въ литню спеку
Жада крынычнои воды,—
Сытна для його буде страва,
Погоже чыстее пыття:
Добро земли, народня слава,
Громадське вильнее жыття."

„Блаженъ, хто мылостывъ бувае,
Хто неимущому дае,
Голодныхъ кормыть, напувае,
Одежу вбогымъ роздае;
Хто йде провидаты въ неволи
Яремныхъ узныкивъ въ тюрми,
Хто вдовамъ, сыротамъ въ недоли
И безпомошнымъ въ чужыни
У помичъ стане, братомъ буде,—
Такого двиръ бида мыне,
Выны його Господь забуде,
Грыхивъ його не помьяне.

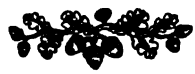
„Блаженъ, хто заздросты не знае
И серце чыстее въ груди
Безъ плямы носыть и плекае
Завитъ святый: „не осуды!"
Хто не завыдуе никому
И помсты въ серци не таить,
Хто ворогу не зычыть злого,—
На неби Бога той уздрыть.

„Блаженъ, хто сіе у народи
Зерно найкраще на земли,
Зерно любви, братерства, згоды
Въ громади, въ хати и въ семьи.
Уси, що щедрою рукою
Плекають згоду мижъ людьмы,
Ти въ царстви Бога назовуться
Його коханымы дитьмы.

„Блаженъ, хто правду возвищае,
Кого за правду катъ гнобыть,
Въ чужыну жыты проганяе—
Той въ царстви Бога буде жыть.

„Блаженъ, хто за Мою науку,
За правды, истыны слова
Терпитыме тяжкую муку
И встоить, наче ся скала!

„Блажени вы, колы наруга
Ганебне слово, поклипъ, глумъ
Вамъ завдадуть велыку тугу,
Тяжкый навіють въ душу сумъ...
Та вы на тее не вважайте,
И въ тяжки, лютіи часы
Радійте, весело вповайте,
Що мзда васъ жде на небесы!“



Моє бажання.

Не обскурантъ я, що не плачу
За тымъ, чого нема,
Що вже мынуло и мына...
Я Украины долю бачу
Не въ бунчукахъ, не въ булави,
Не у гетьманській голови;
Не въ скарбахъ, схованыхъ у скрыни,
Не въ запорожській Украини,
Не въ тимъ, щобъ, выбывшись на волю,
Зъ Ляхамы знову воювать,
Та кровъ славянську пролывать
И заливаты трупомъ поле,—
Я даромъ слизъ не пролываю:
Славянъ усихъ въ одній семьи
Побачыть хочеться мени...
Ось, бачте,—я чого бажаю.

Татай.

Дывлюсь: схылывшысь надъ сохою,
Працюе ратай на роли;
Працюе мовчкы, хочъ порою
Нудьга, злыгавшыся зъ журбою,
Мыгае въ його на чоли.

Въ ярми скорботъ, нужды, неволи
Важке винъ тягне „жытіе“,
И, затаившы въ серци боли,
Не нарикаючы на долю,
Оре винъ поле—не свое...

Не прызывайте всуе Бога.

Не прызывайте всуе Бога,
Не прызывайте вы Хрыста,
Не оскверняйте вы святого
Жывотворящого хреста!
Хрыстосъ учывъ народъ любыты,
И за народъ Хрыстосъ страждавъ;
А вы грабуете освиту
И те, що Богъ народу давъ.
Хрыстосъ носывъ винець терновый,
Святую кровъ свою пролывъ,
Своею смертію святою
Народъ зъ неволи искупывъ;
А вы—народъ рабомъ зробылы,
Бративъ за гроши продалы,
Народъ у терніяхъ водылы,
И питъ, и кровъ його пылы.
Не хрыстіяне вы—Іуды!
Цилуете вы хрестъ святый,
А хрестъ народови на груды
Що-дня кладете вы тяжкый.
Вы гиршъ Іуды! Той вдавывся,—
Вы тымы гришмы жывете,
Що меньшый братъ для васъ трудывся,
И брату жыть не даете!
Не прызывайте жъ всуе Бога,
Не прызывайте вы Хрыста,
Не оскверняйте вы святого
Жывотворящого хреста!

Сыротына.

Не той сыротына,
Кого ридъ не знае,
У кого хатыны
Й худоби немае;

Не той сыротына,
Хто ходыть въ десятци,
У кого свытына
Вся—латка на латци...

Абы була въ його
Голова та рукы,
Любовъ до народу,
Воли и наукы,—

Винъ не сыротына,
Винъ родычивъ мае,
Винъ краю дытына,
И край його знае.

СЕЛИ.

Втомывся день—вже й сонце сило;
Мыръ Божый хоче одпочыть;
На-двори вже повечорило;
Вже череда въ село бижыть;
Повагомъ, тыхо йде отара,
За нею зъ пугою пастухъ;
Устала курява, мовъ хмара;
На двори варъ займае духъ...
Жинкы покынулы кудели,
Идуть овечокъ одлучать,—
Хапаються, щобъ на вечери
Дитокъ своихъ нагодувать...
Возы навьючени копамы
Вже крутороги везуть;
Слидомъ зъ блыскучымы серпамы
Женци зъ обжынкамы идуть,
Въ винкахъ дивчата молодіи,—
У хлопцивъ на брыляхъ квиткы,—
Брыли соломьяни, новіи
Неначе золотомъ блыщать;
На неби зиркы такъ и сяють—
Здається: честный трудъ селянъ
И зиронькы святи вытають,
Спивають янголы: „Мыръ вамъ!“
И самъ Господь благословляе
Трудящый людъ въ ночи спочыть...
Старый, якъ лунь, дидусь стричае
Своихъ женцивъ ажъ у воритъ.
Уже женци вечерять силы;
А мисяць дывыться на ихъ
И усмихаеться....

ы ходи

...и,

...гъ вкрыла.

...въ хысткимъ човни
...не лякае:
...смилыво винъ неводъ
Зъ човна закыдае...

...ъ—ущухнувъ буйный витеръ,
И затыхло море;
И рыбалка сывоусый
Човномъ хвыли оре,

Та на беригъ човенъ повный
Рыбы вытягае.
„Гей! по рыбу! Нуте швыдче!“
На куринь гукае.

1896.

Сподиванья.

Въ души пеклы гарячи мукы,
На серце скорби наляглы,
И мы, до Бога звившы рукы,
Недолю та людей клялы;

Мы сподивалысь: сонце зійде,
День тьму розгоныть нависну,
Настане свитъ и правда прыйде,
Всимъ прыведе красу-весну...

Мы сподивалысь, ждалы, ждалы,
Ждемо й теперъ... весны нема,
А передъ намы и за намы
Холодна, темная зима!...

До старои моеи ненькы.

Завтра рано, моя мамо,
До тебе у хату
Прыйдуть диты и унукы
Святомъ повытаты.

И почнешъ ты своихъ кревныхъ
Щыро циловаты,
Велыкому и малому
Крашанкы даваты;

И зостанеться йедына
Крашанка на столи,
Та безъ сливъ тоби промовыть:
„Сынъ твій у неволи!“

У неволи, мижъ чужымы,
У чужому краю,
Сумуючы, самотою
Свято зустричае.

Дарма, мамо! Дарма, нене!
Не печалься дуже!
У неволи злу недолю
Пережыты мушу.

Пережывшы разъ неволю,
Не впіймають вдруге;
Перебулы прыгодоньку,
Перебудемъ тугу!...

Не печалься, моя нене,
У груды не быйся,
Сподивайся на кращее,
До кинця крепыся.

Нехай гынуть твои диты,-
Вже ростуть унукы;
Якъ выростуть—роскуються
Невольныкамъ рукы.

УМКА.

На скели высокій сыжу одынокый.
Кругъ море сыніе безкрае та хвыли...
Про тебе згадаю, моя чорноока!
Лягла ты, спочыла у тыхій могыли!...

Зорею ясною, пышною, святою
Не довго для мене ты въ свити зорила,
Не довго втишався я щастямъ зъ тобою,
Не довго яснее проминня свитыло...

Зайшло мое сонце, скотылася зоря;
Я зновъ одынокымъ на скели сыжу:
На сыне, безкрае, на вольнее море—
Невольныкъ-засланець, журлыво гляжу!

Я-бъ кынувсь на хвыли, нехай-бы втопылы,
Такъ въ серци палае ще инша любовъ:
Любовъ до родыны—святои Вкраины...
На Вкраину може вернуся я зновъ!

Въ дары прынесу я коханому краю
Не злото, не гроши,—писню голосну,
Ту писню старую про волю новую,
Про ривныстъ, братерство,—тоди я и вмру...

Зъ скорбныхъ писень.

Биля моря въ Крыму.

I.

Не грае безкрае, а тыхо шумыть;
Мовъ свичкы на неби, ти зоркы горять;
За хвылею хвыля цилуе гранытъ;
Гонки кыпарысы байдужіи сплять;
Лышъ кедры зъ Лывану въ далекій чужыни
Журлыву, скорботну розмову знялы
Про край незабутній, про любу родыну....
Я бачывъ, що зъ жалю тремтилы воны....

II.

Одна одынока березка стоить,
На гору Ай-Петри журлыво глядыть;
Ни велетни кедры—сусиды ними,
Ни мирты пахучи не ваблять іи,
Фонтаны про неи не мають вагы.
А генъ на Ай-Петри биліють снигы;
Туды іи думы, туды іи очи
Пыльнують видъ ранку до темнои ночи;
Вона спомынае далеки гаи,
Де сестры зростають на ридній земли.
Колы-бъ іи воля, колы-бъ іи сыла,—
Зъ роскишного парку туды-бъ полетила.

III.

Дримае море; витеръ спыть;
Сувори горы сномъ повыти;
Нимуе пышный кедръ; мовчыть
И лавръ, немовъ журбою бытый;

И тьмяно, сумно кругъ мéне;
Осиння хмура ничъ пануе;
Лыстокъ нигде не шолохне;
Въ густимъ тумани все нимуе....
Оттакъ густа неволи мла
Своею тяжкою рукою
Мене покрыла, сповыла,
Немовъ сповывачемъ, нудьгою.

IV.

Усе, що щедрою рукою
У чарку доля налыла,
Я выпывъ, друже мій, зъ тобою,
До крапли выпывъ все, до дна...
Теперъ самотній я зъ нудьгою—
Старый, пидтоптаный сыжу,
И мовчкы, зъ тяжкою журбою,
Въ порожню чарочку гляжу,
Та згадую мынули лита
Свого злыденного жыття:
Колы-бъ одынъ хочъ проминь свита
Въ жыттю своимъ побачывъ я...

1896.

Петро Кузьменко.

Кузьменко Петро, діяконъ зъ Конотопського повиту, уродився 1831 р., почавъ писать 1859 р.; окримъ лирычныхъ поэзій, напысавъ оповидання „Не такъ ждалося, да такъ склалося"; померъ у другій половыни 60-хъ рокивъ.

РЫ ДОРОГЫ.

Въ чыстимъ поли на роздолли
Витеръ завывае;
Сыдыть козакъ на роспутти
Та думку гадае.

Тры дорогы простяглыся
На шырокимъ поли;
А въ козака думка така:
Йты шукаты доли.

Тры дорогы... Котру выбрать?
Де щастя, де горе?
Козакъ въ поли—якъ той човныкъ
Безъ весельця въ мори.

Доле, доле! якъ бы то знать,
Де тебе шукаты!
Свитъ шырокый, люде мовчать,—
А шляхивъ багато!

Въ чыстимъ поли на раздолли
Буйный витеръ вiе;
У долыни за байракомъ
Вороння чорнiе.

Лежыть козакъ у долыни,—
Одпочывъ, не плаче;
А вороння клюе, щыпле
Лыченько козаче.

Щаслыва хата.

Веселая хата,
Де жинка спивае;
Щаслывая доля,
Хто диточокъ мае.

Вертается батько
Зъ роботы втомывшысь—
Въ його хати галасъ...
Слуха, прыхылывшысь.

Дитвора сокоче,
Дитвора клекоче;
А маты раденька
Дитвори маленькій,—

Въ викно выглядае,
Писенькы спивае...
И праця не тяжка
Й робота не важка,

Кому така доля!
Трапылась якъ-небудь
Годынка досужна—
Якъ ій проводять

Весело та дружно!
Посядуть блызенько
Та ведуть тыхенько
Розумную мову:

Якъ у свити жыты,
Колы ростуть диты,
Якъ трудомъ дилытысь,
Якъ по викъ любытысь,—

Та й до праци знову!...
А лучыться часомъ—
Батько засумуе,—
До хаты скорійше:

Тамъ диткы обнимуть,
Жинка поцилуе,—
Душа стрепенеться,
Серце усмихнеться.

Степанъ Васылевычъ Руданськый.

Руданськый Степанъ Васылевычъ, поповычъ, уродывся на Подиллю, скинчывъ Медычно-Хирургичну Акад. въ Петербурзи, ликарювавъ у Ялти, де и вмеръ 1873 р.; почавъ писать 1860 р.; окримъ оригинальныхъ лирычныхъ поэзій и исторычныхъ поэмъ, написавъ перекладъ „Иліады", „Слова о полку Игоревимъ"; творы його 1897 р. выдано у Львови въ 4-хъ томахъ.

ПСАЛОМЪ 136.

Зъ-пидъ неба ридного въ неволю
Надъ Вавылонськи берегы
Насъ завелы зъ Йерусалыму
Тяжкіи наши ворогы.

Тымпаны, гусли и цымбалы
На вербахъ высилы чужыхъ;
Мы гирко плакалы, рыдалы—
Не було мылосты у ныхъ.

Воны на сльозы не вважалы,
Воны казалы безъ жалю:

„Визьмите гусли и цымбалы,
Заграйте писню намъ свою!“

Та якъ намъ граты, якъ спиваты
Про славу нашыхъ першыхъ днивъ?
Ни... не дамо мы свои писни
На смихъ заклятыхъ ворогивъ!

Разбыйтесь, гусли дорогіи,
Порвиться, струны, вси у-разъ,
Якъ я рукою на чужыни
Доткнуся тилько-но до васъ!...

Изсохны ты, рука лукава,
Якъ тіи струны колыхнешъ,
Закаменій ты, мій языку,
Якъ ридну писню-но почнешъ!...

А Ты, Кому мы такъ служылы,
Твои коханіи сыны,
Поглянь, поглянь на насъ изъ неба
И день нещасный спомьяны!

Ты спомьяны, якъ ворогъ тяжкый
Невынни души побывавъ!
Якъ руйнувавъ Твою святыню
И надъ руинамы крычавъ:

„Копайте стины 'Русалыма,
Нивечте Бога и людей,
Ведить въ неволю молодята
И рижте старцивъ и дитей!“

Щаслывый будь, хто вамъ видплатыть,
Хто й ваши диты розповье,
И зо смихомъ, безъ серця й жалю
Объ першый каминь розибье!

Гей, быкы.

Та гей, быкы! Чого-жъ вы сталы?
Чы поле страшно заросло?
Чы лемиша иржа пойила?
Чы затупылось чересло?
Впередъ, быкы!—бадылля зсохло,
Сами валяться будякы,
А чересло, лемишъ новіи...
Чого-жъ вы сталы? Гей, быкы!...

Та гей, быкы! Ломить бадылля,
Ломить його, валить на прахъ:
Нехай не буде того зилля
На нашыхъ батькивськыхъ поляхъ!
А чересло мое изъ-лива,
Лемишъ изъ правои рукы
Зитнуть и коринь того зилля,—
Чого-жъ вы стали?—Гей, быкы!

Та гей, быкы! Зъоремо поле,
Посіемъ ярее зерно;
А спаде дощыкъ незабаромъ,—
Зъ земли пробудыться воно.

Пробудыться и на свитъ гляне,
И, якъ дивочіи винкы,
Зазеленіють наши нывы,—
Чого-жъ вы сталы? Гей, быкы!

Та гей, быкы! Зерно поспіе,
Обилле золотомъ поля,
И, потече изнову медомъ
И молокомъ свята земля;
И все мыне, що гирко було,
Настануть дывніи рокы,—
Чого-жъ вы сталы, мои диты?
Пора настала!—Гей, быкы!

Наука.

Дочекався я
Свого святенька:
Выряжала въ свитъ
Мене матинка;
Выряжала въ свитъ
Маты ридная
И промовыла
Мени, бидная:
„Нехай сыну мій,
Мы працюемо;
Нехай цилый викъ
Мы горюемо;
Нехай сохну я,
Тато горбыться,—
Ты на свитъ поглянь,
Що тамъ робыться.
Та не вси-жъ, якъ мы,
Въ земли рыються,—
Може йе таки,
Що и мыються;
Та не вси-жъ, якъ мы,
Дымомъ куряться,
Може йе таки,
Що й не журяться.
Колы найдешъ ихъ,
Мылый сыночку,
Ты склоны себе,
Якъ былыночку;
Ты склоны себе,
Якъ былыночку,

Пробудыться и на свитъ гляне,
И, якъ дивочiи винкы,
Зазеленiють наши нывы,—
Чого-жъ вы сталы? Гей, быкы!

Та гей, быкы! Зерно г
Обилле золотомъ пс
И, потече изнову я,—
И молокомъ ср ъ
И все мыне. ыться.
Настанутъ гь панъ
Чого-жъ покирного
Пора прыйме тебе,
Якъ добирного.
И въ годыночку—
На драбыночку,
И пидешъ тоди,
Мылый сыночку,
И зъ панамы самъ
Поривняешся,
Въ срибли-золоти
Закупаешся;
Въ срибли-золоти
Закупаешся,
Зъ полемъ батькивськимъ
Розпрощаешся!"

Але сталося
Друге святонько:
Выряжавъ у свитъ
Мене батенько.
Выряжавъ мене,
Путь показувавъ,
Говорывъ мени
И прыказувавъ:

„Выдышъ, сыну мій,
Якъ працюемо,
Выдышъ, сыну мій,
Якъ горюемо,—
Кожный на свити
На то родыться...
Не дывысь на свитъ,
Що тамъ робыться!
Ты на пчилъ поглянь:
Йе робучіи,
Але й трутни йе
Немынучіи.
Такъ и на свити:
Одни рыються,
Други пóтомъ ихъ
Тилько мыються.
Будь же проклятый,
Мылый сыночку,
Якъ пигнешъ такимъ
Свою спыночку,
Якъ пигнешъ такимъ
Свою спыночку,
Якъ простелешся
На рядныночку!
И чоло тоби
Нехай зморщыться
И хребетъ тоби
Нехай зкорчыться,—
Ты тикай видъ ныхъ,
Якъ видъ гадыны,
Ты не жды видъ ныхъ
Перекладыны.
Ты не жды видъ ныхъ
Перекладыны,—
Ты у свитъ иды

Просте

[illegible]
[illegible]
[illegible] сыночку,
[illegible] —
И былыночку:
Тоди зъ свитомъ ты
Поривняешся,
Въ добри—розуми
Закупаешся;
Въ добри—розуми
Закупаешся,
Зъ полемъ батькивськымъ
Прывитаешся!"

До дуба.

Нехай гнеться лоза,
Куды витеръ погне,—
Не обходыть вона
Ни тебе, ни мене.

Може й важенько ій,
Може й спына болыть,
Але буря іи
Зъ коринця не звалыть.

На болоти росте
И слабая сама—
Вона гнеться соби,
Бо въ ній сылы нема;

Вона гнеться соби
И такъ викъ прожые,
И безъ славы въ багни,
Якъ трава, зогные.

Якъ трава-осока
Зогные у багни,
И хиба лышъ комаръ
Заспивае по ній...

Нехай гнеться лоза,
А ты, дубе, крипысь,—
Ты росты та росты,
Не хылысь, не крывысь!

Ты глыбоко у глыбъ
Твердый коринь пусты,
Гилля въ гору розкынь,
Та росты, та росты!

И до пекла достань,
И у пекло заглянь,
И до хмары достань,
И у небо заглянь,

И ввесь свитъ обдывысь,
И усе роспизнай,
И що доброго йе,—
Ты у себе впывай.

И у сыли, въ добри,
Якъ скала, затвердій,
И якъ Богъ свитовый
На сторожи ты стій.

И пташкы свитови
Защебечуть тоби;
И спивакъ видпочне,
Заспивае тоби...

А якъ буря лыха
Тебе зъ мисця зибье,
Або хмара-гора
Тебе громомъ убье,—

Свитъ почуе ту смерть,
И повитря здрижыть,
И лисы загудуть,
И земля задвыжыть,

И пташкы прылетять,
Спогадають тебе,—
И спивакъ перейде,
Не забуде тебе.

1859.

Тьяныця.

Не кыдай мене,
Моя чарочко!
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе, брыдкую,
Улюбытыся!

Не безъ жинкы я,
Не безъ хаты я,—
Все у мене йе,
Разпроклятая!
Хлиба до-сыта,
Пара волыкивъ,
Сынивъ четверо,
Якъ соколыкивъ!

Моя хатонька—
Срибна чарочка;
Моя жиночка—
Мыла пташечка;
Та тяжки мои
Боли бильныи,
Бо не маю я
Воли вильнои.

Запряжу волы,—
Потомъ мыюся;
Розпряжу волы,—
На бикъ хылюся;

Повалюсь на бикъ,
Не здримаюся,
Зновъ на панщыну
Пидіймаюся!...

Видроблю чуже,—
„Жинко, душечко!
Прыголубъ мене,
Щебетушечко!"
А вона у плачъ,
Розголосыться,
На свое жене,
Бо й те просыться!

И змордуешся,
Закропляешся,
А вона у плачъ:
„Запываешся!"
Ой, я пью теперъ,
Моя любая,—
Не кыдай мене,
Чарко грубая!

Не кыдай мене,
Моя чарочко,
Не жены мене,
Ты шынкарочко!
Не жены мене,
Дай упытыся,
Въ тебе, брыдкую,
Улюбытыся!

Сны.

Стоить сосна одынока
На голій вершыни,
И пидъ снигомъ, на пивночи,
Сныться сыротыни
Все полудень ясный, теплый,
Долына глыбока
Та джерела жывучіи,
Та пальма высока.

1861.

Пісня.

Повій, витре, на Вкраину,
Де покынувъ я дивчыну,
Де покынувъ чорни очи...
Повій, витре, зъ полуночи.

Межъ ярамы тамъ долына,
Тамъ биленькая хатына;
Въ тій хатыни голубонька,—
Голубонька—дивчынонька...

Повій, витре, до схидъ сонця,
До схидъ сонця, край виконця;
Край виконця постиль била,
Постиль била, дивка мыла.

Нахылыся нышкомъ-тышкомъ
Надъ румьянымъ билымъ лычкомъ;
Надъ тымъ лычкомъ нахылыся,
Чы спыть мыла,—подывыся.

Якъ спыть мыла, не збудылась,—
Згадай того, съ кымъ любылась;
Съ кымъ любылась и кохалась
И кохаты прысягалась.

Якъ забьеться ій серденько,
Якъ дивча зитхне тяженько,
Якъ заплачуть чорни очи,—
Вертай, витре, къ полуночи!

А якъ мене позабула
И другого прыгорнула,
Ты розвійся край долыны—
Не вертайся зъ Украины...

Витеръ віе, витеръ віе;
Серце тужыть, серце мліе.
Витеръ віе, не вертае;
Серце зъ жалю розпукае.

1856.

Ты не моя.

Ты не моя, дивчыно дорогая,
И не мени краса твоя:
Вищуе думонька смутная,
Що ты, дивчыно, не моя!

* * *

Ты не моя! За лычко гарне
Справляе хтось колодія...
Мои-жъ лита проходять марно,
Бо ты, дивчыно, не моя!

* * *

Ты не моя! И бровы чорни
Мылуе иншый, а не я,
И иншый хтось тебе прыгорне,
А ты, дивчыно, не моя!..

* * *

Ты не моя;—но що-жъ я маю?
Чымъ похвалюся тоби й я?
Хиба лышъ тымъ, що тя кохаю....
Но ты, дивчыно, не моя!

1854 р.

Тисня.

Голе, голе мое поле!
Де-жъ вы, ясни квитонькы?
Позгасалы, поспадалы,
Якъ на неби зиронькы.
И стебло пересхло,
Якъ былына полягло.

* * *

Диты, диты,—мои квиты!
Якъ погляну я на васъ,
Серце мліе, каменіе,
Що цвилы вы тилько разъ!
Разъ рослы, разъ цвилы,
И безъ доли опалы.

* * *

Не для дилка свого пчилка
Васъ изсала, якъ дытя,—
То жарою, якъ марою,
Перервало вамъ жыття.
Ни росы, ни сльозы
Не спадало для красы.

* * *

И дивчына, якъ калына,
Васъ не рвала на косу,—
Васъ зирвалы, розирвалы
Витры буйни безъ часу,
И безъ литъ на весь свитъ
Розпустылы вьялый цвитъ!

* * *

Доле, доле, моя доле!
Верны-жъ мои квитонькы,
Верны диты, мои квиты,
Верны-жъ мои зиронькы.
Але ба!—не сивба!
Не мыне моя журба.

Студентъ.

Въ славнимъ мисти Петербурзи,
Недалеко видъ Невы,
Изъ болота выглядае
Хата биднои вдовы.

Стара хата зо вдовою
Разомъ викъ свій виджыла,
Почорнила, похылылась,
И въ болото увійшла.

Увійшла по сами викна...
Въ ганку сходы до синей;
Въ синяхъ на бикъ похылылысь
Двое скрывляныхъ дверей...

И на-право—старій баби
Смерть пидпысуе патентъ,
А на-ливо—безъ копійкы
Бьеться зъ нуждою студентъ.

Зима люта. Витеръ свыще;
Снигъ по викнахъ брязкотыть.
Морозъ душу обіймае,
Морозъ тило каменыть.

А у хати на постели
У сурдуци и плащу
Сыдыть студентъ медыцыны
Другый мисяць безъ борщу.

И[ж]ывитъ,—якъ гробъ, запався,
Облизае голова...
И остання догорае
Його свичка лойова.

И сыдыть винъ, поглядае
На похылену стину:
Пидъ стиною лежыть черепъ,
Нема й крышкы тютюну.

И стина кругомъ чорніе...
Тилько лазять павукы,
Тилько сумно выглядають
Изъ шкалубынъ прусакы....

ПИВОМОВКЫ.

1.

Чы голосна церква?

Ставъ у церкви батько зъ сыномъ—
Церкву вже кинчалы:
Засклепылы, побилылы,
Олтаръ прыбывалы.—
„Слава Богу“,—батько каже,—
„Спромоглыся люде;
Лышъ то не знать, якъ то вона:
Чы голосна буде?
Постій хиба, каже, сыну,
Передъ образамы,
А я пиду, та для пробы
Свысну за вратамы“.
Пишовъ, свыснувъ разивъ килька,
Назадъ повертае.
„А що, сыну, голосная?“—
Хлопчыну пытае.
—Голосная!—хлопець каже,—
Такъ и бье луною.
„А ну-жъ“,—каже,—„пиды свысны,
А я тутъ постою“.
—Осе але,—хлопець каже,—
Малы що сказаты!
А чы-жъ то я якый дурень,
Щобъ въ церкви свыстаты?!...

2.

* * *

Ходыть пипъ коло крамныци
Та й чогось шукае;
Ажъ до нього такый хытрый
Жыдокъ пидбигае.
„Будьте добри, добродію!
Трошкы зачекайте:
Змолытвуйте мени ножыкъ,
Й мення йому дайте!“
А пипъ, довго не думавшы,
Казавъ ножыкъ даты,
Зламавъ його та и каже:
„Куцымъ будешъ зваты!...“

3.

* * *

Въ страшно-судную недилю
Ксьондзъ казання говорывъ;
Ставъ за Божый судъ казаты,
Та й на-грихъ пересолывъ.
Слухавъ, слухавъ бидный мазуръ,
Дали тяженько зитхнувъ,
Подывывся на „Езуса“
Й головою похытнувъ.
„Колы такъ,—промовывъ,—„Езу“,
Ты судыты насъ будешъ,
То будь певный—середъ раю
Самъ, якъ палець, зажывешъ!..“

4.

Чумакъ зъ мазныцею.

Чы въ Кыиви, чы въ Полтави,
Чы въ самій столыци
Зъ мазныцею мужыкъ ходыть
По-межы крамныци.
А въ крамныци—куды глянь:
Срибромъ, злотомъ сяе;
А йому то и байдуже,—
Винъ дьогтю пытае.
Въ найбогатишій крамныци
Два купци сыдило;
И туды мужыкъ заходыть
Зъ мазныцею смило.
„Добры-день вамъ, добри люде!“
Та й почавъ пытаты:
„Чы нема у васъ прынаймни
Де дьогтю продаты?“
—„Нѣту, нѣту!“—купци кажуть,
Та й шельмы сміються:
„Здѣсь не дьоготь, тольки дурни
Одни продаются“.
„Що-жъ, нивроку“,—чумакъ каже,—
„Добре торгувалось,
Що-й-но два васъ такыхъ гарныхъ
На продажъ зисталось“.

Васыль Степановычъ Кулыкъ.

Кулыкъ Васыль Степановычъ, уродывся въ 30-хъ рр. въ Полтавщыни, учывся въ Харькивському университети; почавъ пысать 1851 р. (у „Основи"), пысавъ лирычни поэзіи; померъ 1872 р. въ Полтави.

ТЕТЯГА.

Безъ свыты и босый, и хлиба нема,
И люде те бачуть, та кажуть: дарма!
Здырщыкы послидню корову цинують,
Хатына безверха—сусиды глузують.
У хыжу заглянешъ—у засикахъ пусто,
И заросла ныва свырипою густо.
И самъ я дывуюсь, що звився ни-на-що...
А змолоду бувъ же и я не ледащо!
Колысь и для мене игралы музыкы,
Топталы дивчата не разъ черевыкы;
Не разъ чорнобрыви сльозы утыралы,
Якъ мене въ дорогу сестры споряжалы;
Колысь поважалы и мене сусиды,
Якъ справлявъ бенкеты, родыны й обиды;

Колысь и видъ мене ишлы паровыци,
Степомъ розлягалось: „Ой не ходы, Грыцю“...
И мени колысь-то догожала доля...
Та все пишло марно... Його свята воля!
Ой кыну я лыхомъ объ землю сырую,
Помьяну на сей разъ доленьку лыхую,—
Потягну степамы, а косу на плечи...
Прощай, родынонько, й веселіи речи!
Гей, браття-нетягы, ударымо въ косы—
За намы-панамы нихто не голосыть!

Питання.

Козаче-чумаче!
Йдешъ у дорогу—
Послухай же, сыну,
Дида старого:
Покиль ще жывый я,
Покиль помирать,
Про родычивъ де-що
Хотивъ роспытать.
Якъ зъ силлю итымешъ
На той Берыславъ,—
Зъ Хортыци-сестрыци
Щобъ вистку прыславъ.
Якъ станешъ блызенько
Сухого ярка,
Помьяны тамъ душу
Дидуся-Сирка.
Якъ „собъ“ повертаты
Черезъ Чортомлыкъ,
Прыслухайсь, чы чуты
Тамъ братчыкивъ крыкъ! *)

*) *Сухый ярокъ,* по дорози одъ Берыслава на Перекопъ; тамъ, кажуть стари люде, Сирко бывся зъ Татарвою. *Чортомлыкъ*—рукавъ Днипра; тече въ Днипро, коло порогивъ, зъ велыкою сылою и гомономъ: „то гомонять Запорозци“,—кажуть побережане.

Якъ будешъ мынаты
Самарську паланку,
Прывитай видъ мене
Старую панянку.
Спытай, якъ дойидешъ,
У батька-Днипра:
Чого наша мова
И слава вмира?
Чы то-жъ стара маты
Замовкла навикъ,
Чы то-жъ народыла
Нимыхъ та каликъ?
Чы то-жъ видцуралысь
Видъ неи сыны,
Чы то-жъ насміялысь
Надъ нею воны?

1861 р.

Въ мене серце до любовы...

Въ мене серце до любовы,
Биле лычко, чорни бровы.
Що робыла,—маты знала,—
Въ скрыняхъ скарбу прынадбала.
И вышневый йе садочокъ,
Зъ шистю крыламы млыночокъ,
Хата била, гай у полю,—
Не жалкую я на долю.
Вмію голосно спиваты,
Тугу въ серци розважаты;
Коло мене хлопци граютъ...
Та нема, нема никого
Надъ козака молодого:
Винъ на скарбы не зважае,
Винъ за те мене кохае,
Що у мене чорни бровы,
Въ мене серце до любовы.

Павло Платоновычъ Чубинсьный.

Чубинськый Павло Платоновычъ (псевд. Павлусь), сынъ дидыча, уродывся 15 сичня 1839 р. въ м. Барышполи, Полт. губ., скинчывъ Петербурвськый университетъ, почавъ пысать 1861 р. (въ „Основи"); выдавъ збирныкъ лирычныхъ поэзій „Сопилка Павлуся" (1871 р.) и килька томивъ этнографичныхъ матеріаливъ „Труды этн.-статист. экспедиціи въ юго-западный край"; умеръ 14 сичня 1884 р. въ Кыиви.

До моеи Катруси.

Ще не багато литъ прожывъ,
А вже сывіе чорный волосъ;
Ще не диждавъ своихъ я жнывъ,
А вже жовтіе колосъ...
Я въ свити щыро працювавъ,
Я сіявъ те, що Богъ пославъ.

Багато гиркыхъ слизъ пролывъ,
И горя я дизнавъ чымало;
Людей и правду я любывъ,—
За те мене и зневажалы,
И молоди лита свои
Я скоротавъ на чужыни.

Теперъ зъ тобою спочываю,
Теперъ прыйшла моя весна,—
Я мовъ по смерты ожываю,
И ты, якъ зиронька ясна,
Мени прысвичуешъ,—зъ тобою,
Я вже не знаюся зъ журбою!

Свиты-жъ мени, покы я бачу,
Покы до праци ще берусь,—
Я марне сылы не потрачу
И жнывъ своихъ такы диждусь,—
Зберу, що сіявъ, и веселый
Пиду на вичную оселю!...

Сонъ невольныка.

За день утомылы и праця, й нудьга,—
Заснувъ я, и сныться мени,
Що нибы й до мене доходыть черга,
Дають буцимъ волю мени...

И отъ я на воли, у ридній семьи,
Цилуе матуся и плаче:
„Скорійше гадала, що буду въ земли,
Нижъ тебе, мій сыну, побачу!“

До серденька горне и батько старый,—
Зрадивъ, голубъ сызый, и каже:
„Тебе вже оплакалы, сыночку мій,
Утыхо йедына ты наша.“

И любо, и мыло у ридній семьи,
Веселая ридна хатына;
Радію во сни я, и легко мени,
И плачу, мовъ тая дытына.

Прокынувсь! „Охъ лыхо! Я все ще въ тюрми;
Кайданы брязчать нависніи;
Болыть мое серце, и тяжко мени,
И сльозы не ллються дрибніи“...

Минулося.

Защебетавъ соловейко
Въ садочку на вышни;
Ходыть дивка по садочку—
Слуха його писни.

И слухае, и радіе,
И сама спивае;
Весело ій дивоваты,
Бо воленьку мае:

Вильна слухать соловейка,
До зиръ прыдывлятысь,
Кого серце забажае—
Съ тымъ и покохатысь.

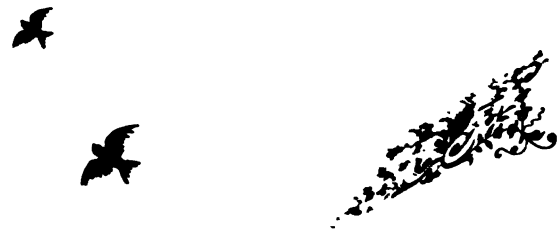
Закувала зозуленька
На верби зеленій;
Выйшла зъ хаты молодыця
Смутна, не весела.

„Закуй мени, зозуленько,
Чы довго ще жыты?
Чы довго ще на симъ свити
Вьянуты, тужыты?“

Накувала зозуленька
Литъ дуже багато;
Заплакала молодыця—
Смутна пійшла въ хату...

Выйшла вона и за того,
Съ кымъ колысь кохалысь,
Съ кымъ слухала соловейка,
До зиръ прыдывлялысь...

А тепера не до зирокъ,
Не до соловейка...
Плаче, слуха, якъ на верби
Куе зозуленька.



(Переспівъ).

Дивчыну козакъ полюбывъ,—
Вона-жъ полюбыла другого;
А иншую сей заручывъ,
И иншая выйшла за його.

Дивчыноньку горе бере,
Що мылый іи одружився;
За першого замижъ иде,
Хто въ хату зъ сватамы впросився.

Пишла по-мижъ люде та висть,
Козакъ молодый іи чуе,—
Його серденятко болыть,
И тяжко винъ, бидный, сумуе.

Стари и нови си писни,—
Не знаю, якъ людямъ здаеться!
А я, якъ почую про ихъ,—
Кругъ серця, мовъ гадына вьеться.

Мыкола Андреевычъ Вербицькый.

Вербицькый Мыкола Андреевычъ (псевд. Мыколайчыкъ-Билокопытый), бувъ учытелемъ въ Чернигови, Орли та Рязани, почавъ пысать у 50-тыхъ рр. лирычни поэзіи.

ДО ДОМУ.

Далекая дориженька
Гадюкою вьеться...
Знову серце ожывае,
И знову сміеться.
Ой округы хуртовына
Плаче, завывае,
А на души ясне сонце
Мени знову сяе.
Зъ далекого, чужого краю
До-дому знову завытаю,
И маты ридну—Украину
Побачу знову; одъ себе
Не прожене мене.... Тебе
Побачу знову, мій ты раю,
Мій батько ридный—степъ безъ краю!

И на тебе, Днипро-дидусь,
Погляну знову; подывлюсь
На ти роскоши, ти долыны,
Де тилько мріють домовыны
Дитей козачыхъ,—ти могылы,
Де сплять народни наши сылы
И—наче слова правды ждуть...
Нема його!—Лита идуть,
Проходять марно.... Украино!
Моя нене мыла!
Дасы мени серце нове
И новую сылу,
Щобъ зъ братамы за ту правду
Одностайне статы,
Бративъ моихъ, меньшыхъ бидныхъ
Розуму навчаты;
Щобъ изъ нымы наше давне
Лыхо одбуваты;
Щобъ изъ нымы щырымъ серцемъ
Господа благаты....
И розійдеться та хмара,
И биля виконця
Мы у своій ридній хати
Дождемося сонця.

Веснянка.

Иде весна, иде красна,—
Земля ожывае....
Ждемо, ждемо доли-воли—
Немае, немае!
Тече ричка шырокая
Скризь по-пидъ горою:—
Ой поплывла наша доля
У плынь за водою!
Повій, повій, буйный витре,
На часъ, на годыну!
Ой, верны намъ нашу долю
Зновъ на Украину!
Ой не віе буйный витеръ,
Ледве подыхае...
Знову доли выглядаемъ,
А доли немае.
„Браты мои, товарыши,
Орлы молодіи!
Осидлаймо, браты мои,
Кони вороніи,
Та пойидьмо на тихъ коняхъ
По шырокимъ полю,
Здоганяты, перейматы
Козацькую долю!
Запытаймо долю-волю,
Де вона блукае?
Попрохаймо—нехай до насъ
Въ гости завытае.

И на тебе, Днипро-дидусь,
Погляну знову; подывлюсь
На ти роскоши, ти долыны,
Де тилько мріють домовыны
Дитей козачыхъ,—ти могыл
Де сплять народни наши
И—наче слова правды
Нема його!—Лита
Проходять марно
Моя
Дасы мени
И
Щобъ
F
Бо я—дочка Украины,
И не забуваю
Свою матиръ: щырымъ серцемъ
Ии поважаю;
А ты, серце-козаченьку,
Хочъ ты й любый, й мылый,
Забувъ есы свою матиръ,
Орле сызокрылый!
Маты плаче—въ тебе-жъ серце
Не стогне, не бьеться,
И до неи щырымъ словомъ
Воно не озветься.
Не поможешъ, не порадышъ
Ты матиръ старую,—
Ты не любышъ, не шануешъ
Правдоньку святую.
Геть-же, геть-же, козаченьку,
Геть, мое кохання!
Шкода, серце!—марне буде
Твое залыцяння".

Володымыръ Шашкевычъ.

...евычъ Володымыръ, поповычъ (сынъ Маркіяна), род. 1839 р. ...ичыни, скинчывъ Львивськый университетъ; лирычни поэзіи його ...руковалыся въ „Основи“ (1861 р.), „Русальци“ (1866 р.) та въ инш.; ум. 4 лютого 1885 р.

ЩЕ ЧУЖОГО МЫ БАЖАЕМЪ.

Середъ поля шырокого
Дубець выростае;
Ой тымъ полемъ на воронимъ
Молодець гуляе.

Віють витры, віють буйни,
Ажъ дубъ похылывся;
Скажы, скажы, козаченьку,
Куды ты пустывся?

Чы ты йидешъ въ Туреччыну
Хрыстьянъ вызволяты,
Чы ты йидешъ на Вкраину
Воли добуваты?

Не пиду я въ Туреччыну
А ни на Вкраину;
Видъ могылы до могылы
Соколомъ полыну.

———

Полыну я, полыну я—
До могылъ прыляжу,
Батькамъ нашымъ всю тяженьку
Недолю розскажу.

Розскажу я наше горе,
Наше лыхолиття,—
Теперъ, скажу, сердешніи,
Поблагословите!

Благословить! погуляемъ
У чыстому поли:
Не чужои мы шукаемъ,
А своеи доли!

Не чужого мы бажаемъ,
А свойого права:
Де полягла, тамъ воскресне
Наша руська слава!

Осипъ Федьковычъ.

Федьковычъ Осипъ род. 8 серпня 1834 р. на Буковыни; першый збирныкъ його поэтычныхъ творивъ выдано у Львови 1862 р.; померъ въ Чернивцяхъ (на Буковыни) 1887 р.; творы його выдано 1875 р. въ Кыиви.

БРАТЪ ТА СЕСТРА.

Не зозуля въ лиси затужыла,
Не пташына въ тузи голосыла,—
То сестрычка лыстъ пысала,
На чужыну посылала,
Та й до брата слизно промовляла:

„Брате мылый, брате-соколоньку,
Ты покынувъ сестру сыротоньку,
А я ходю—поклыкаю,
Якъ зозуля въ темнимъ гаю:
Ой верныся зъ далекого краю!“

Не пиду я
А н[illegible] [illegible] мои-руто!
[illegible] тебе вернуты
[illegible] темнесеньки,
[illegible] быстресеньки,
[illegible] степы ривни-ривнесеньки?"—

„Гаемъ—маемъ, лебедемъ—Дунаемъ,
А степамы—швыдкымъ горностаемъ,
А на мое подвиренько
Пады швыдкымъ соколонькомъ,
А голубомъ на мое серденько!"

—„Ой летивъ я симъ день та й годыну,
Прылетивъ я до сестры въ гостыну,
Прылетивъ я та й гукаю,
А сестрычкы не выдаю:
Ой мабуть я вже сестры не маю!"

—„Сестро жъ моя, леліенько била!
Скажы мени, де ты ся подила?"—
„Въ гаю, брате, въ гаю, въ гаю
Та у ями пробуваю,
Все про тебе розмовоньку маю".

Воскресны, Бояне!

Воскресны, Бояне, пресвитлый спиваче!
Та де-жъ ты такъ довго кочуешъ?
Давно вже по тоби Славянщына плаче,
А ты насъ, Бояне, не чуешъ?

Воскресны, воскресны, вже лито надходыть,
Вже зоря намъ ясна свитае,
Лышъ сонце на неби безъ тебе не сходыть,
Бо сонце на тебе чекае.

Воскресны, Бояне, воскресны: чы чуешъ,
Якъ пташка гаямы голосыть,
А ты десь въ могыли, у темній ночуешъ,
Не чуешъ, зозуля тя просыть?

Воскресны, воскресны въ щаслыву годыну,
Воскресны, Бояне, нашъ друже,
Прыбудь изъ могылы у нашу гостыну,
Нехай такъ пташына не тужыть,

Най пташка не тужыть, зозуля не куе,
Най такъ соловіи не плачуть,
Най руськая земля Бояна учуе,
Най руськи сыны й'го забачуть!

* * *

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
У сыне море сонце ясне тоне,
И свое свитло, нибы кровъ, червоне
По всій краини доокола сіе;
А тамъ зозульку въ гаю десь чуваты,
А тамъ дзвиночокъ ставъ селомъ куваты,
Тамъ въ бори витеръ лыствомъ шелевіе:
Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
Онъ молодъ жовняръ лягъ си на мурави,
Лычко студене, шаты' му кровави,—
Розстриленъ ныни. Бо самый не вміе,—
Камратя яму темну' му вкопалы,
И на спочынокъ, бидного, въ ню склалы;
Уже не скаже, якъ звинокъ запіе:
Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
Пидъ плотомъ сила удовыця-маты,
До себе тулыть бидне сыротяты
И плаче ревне, серденько ій мліе,—
Ба вже не плаче, вже и не голосыть,
Склонына го́ловъ, бильше не пидносыть,
Зорныци плачуть, а звинокъ німіе.
Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

Пречыста Диво, радуйся, Маріе!
Тамъ онде блудыть сплакана дытына,
Безъ тата, мамы, бидна сыротына,
Ничо' не йило, душечка' му мліе,—
И хоче въ хату, бидна, навернуты,—
Господарь псамы травыть його, чуты:
Верескло, спало, кровъ ся зъ нижкы лые...
Пречыста Диво, радуйся, Маріе!...

ТЕЗЕРТЫРЪ.

Рій сивъ же винъ пры столыку, пры свитли, думавъ,—
Пысаннячко дрибнесеньке, а винъ 'го чытавъ.
Пысаннячко дрибнесеньке, лысточокъ—якъ снигъ,
Склонывъ же винъ головоньку къ столови на ригъ.
„Ой, ненечка старенькая ми пыше въ одно,
Що тамъ зима тяженькая, а ій студено;
Нема, нема ій кому врубаты дривець,
Бо ій сынокъ—оденъ въ дому—цисарськый стрилець".
И схопывся, якъ полуминь; полетивъ, якъ птахъ,
А витеръ 'му не йде въ догинъ, бо годи 'му такъ;
Бо винъ летыть до матонькы старои домивъ,
Дровець ій врубатонькы, 'бы хату нагривъ.

Васыль Мова.

Мова Васыль (псевд. В. Лыманськый) почавъ пысать зъ 60 р.; окримъ поэзій, пысавъ повисти, драмы и наукови розвидкы; умеръ 1891 р.

ТРЫ ДЕРЕВЫНЫ.

Зимою у-купци на краи долыны
Стоять на узлисси ажъ тры деревыны.
И перва въ тій купци—высока сосна,
Що саме у зиму зелена й рясна.
Про литечко ясне сосныни байдуже—
Тогди вона жовта, сумна и недужа.
И друга въ тій купци стоить деревына—
Гнучка та высока тополя-раина.
Ій лыстячко витромъ холоднымъ обдуто,
И витонькы голи у крыгу окуто,
И думка одна ій не сходыть зъ ума:—
Колы то мынеться лыхая зима?
Колы то весняне жывуче тепло
Увильныть видъ крыгы ій виты й стебло,

Та щедро одягне у лыстя рясне,
Зелене та нижне, хороше, ясне?
Колы то въ роскошахъ красою засяе;
Уклонамы витра зъ тепломъ прывитае,
Тонкымъ верховиттямъ у неби заграе,
И писля незгоды, страждання и сну
Вона засоромыть красою сосну?...
И третя въ тій купци стоить деревына—
Розложыста, била, ярка березына.
Та голіи виты у крыгу закути,
Даремно у-ростичъ теперъ розипнути,
И гордого шуму видъ неи нема—
Замкнула уста ій лыхая зима!
И жалибно стогне и бьеться вона:
Колы то настане весела весна,
Изъ проминемъ яснымъ, зъ жывущымъ тепломъ,
Й одягне ій виты тремтючымъ лыстомъ,
И гордо вона ихъ по витру розносыть,
И шумомъ сердытымъ лисы оголосыть,
И гордую пыху соснины нарушыть,
И гоминъ сосновый забье и заглушыть.
. . . . . .
Але ще далеко жывуща весна—
И гордо пануе зелена сосна,
И сумно куняе тополя-раина,
И рветься та стогне ярка березына...

1874.

Сыдиръ Воробкевычъ.

Воробкевычъ Сыдиръ (псевд. Даныло Млака) род. 5 мая 1836 р. въ Чернивцяхъ. скинчывъ университетъ у Львови; почавъ литературну дiяльнисть 1863 р.; пыше эпични и лирични творы, исторычни поэмы, повисти и оповидання; на Буковыни видомый композиторъ.

РИДНА МОВА.

Мова ридна, слово ридне!
Хто васъ забуває,
Той у грудяхъ не серденько,
Но лышъ каминь мае.
Якъ ту мову можъ' забуты,
Котрою учыла
Насъ всихъ ненька говорыты,
Ненька наша мыла?!

* * *

Якъ ту мову можъ' забуты—
То-жъ звукамы тымы
Вы до Бога мольбы слалы
Ще дитьмы малымы!...

У тій мови вы спивалы,
Пры гри розмовлялы,
У тій мови вамъ мынувшисть
Нашу видкрывалы.

* * *

Ой тому плекайте, диты,
Ридненькую мову,
И учиться говорыты
Своимъ риднымъ словомъ!
Мова ридна, слово ридне,—
Хто васъ забувае,
Той у грудяхъ не серденько,
Но лышъ каминь мае!

На чужыни.

Буковыно моя мыла,
Мій солодкый краю!
Якъ за тебе, сыротыно,
Нышкомъ погадаю,
То заплачу жалибненько
На чужій сторонци,
Бо тутъ вьяну и всыхаю,
Якъ лыстокъ по сонци.

Ридне слово тутъ не чую,
Пустка тутъ усюды,
Тутъ не наши щыри руськи,
Но чужіи люде.
Тутъ ни друга, ни родыны,
Ни риднои хаты,—
Тяжко, Боже, на чужыни,
Викъ свій викуваты...

Якъ-бы крыльця соколовы
Мавъ я, сыротына,
Полетивъ-бы, де зелена,
Люба Буковына,
Де Прутъ, Черемшъ, де Быстрыця,
Де горы Карпаты...
Въ Буковыни мыло жыты,
Мыло й умыраты...

ВЕЧИРЪ.

Сонце вже сховалось
За высоки горы;
Тыхо все дримае:
Лугъ, диброва, боры;
Дзвиночокъ тамъ чуты;
Мисяць небомъ сяе;
Въ лисочку маленькый
Соловій спивае.

* * *

Витрець протягае;
Поточокъ шепоче;
Яскраво сіяють
Зори середъ ночи;
Смерека заснула,
Береза дримае;
Вивчаръ на сопилци
Сумно выгравае.

* * *

Свитъ—якъ церква Божа!
Мырно, тыхо всюды...
Видъ роботы-труду
Спочывають люде.
А мисяць, якъ сторожъ,
На свитъ поглядае,
Тишыться, сердешный,
Що все спочывае.

Володымыръ Степановычъ Александровъ.

Александровъ Володымыръ Степановычъ, поповычъ, уродывся 1825 р. въ слоб. Бугаивци,Изюмського повиту, скинчывъ Петербурзську медычну академію, бувъ дивизіоннымъ лекаремъ; писавъ чымало пирычныхъ виршивъ, переклады зъ Святого Пысьма („Тыхомовни спивы на святи мотивы"), драмы, опереты: „За Немань иду" и „Ой не ходы, Грыцю"; умеръ 1893 р.

Притча Христова про сіяча.

„Се изыде сѣяй, да сѣетъ". Мѳ. XIII, 3-9.

Рось выйшовъ, щобъ сіяты, сіячъ у поле и сіявъ...
И витеръ зерно йому всюды розвіявъ:
Багато упало його край дорогы,
То тамъ и попало прохожымъ пидъ ногы;
И хыжая птыця зъ степивъ налитала,
До-долу спускалась и зерна клювала.

Немало зерна въ камъяныстую землю лягло
И, доброго корня не давшы, зійшло;
А сонце о-пивдни його прыпалыло,
Гарячымъ проминнямъ його прысушыло,
И бидне пожовкло... Пожовкло й завьяло:
Земли пидъ кориннямъ було йому мало.

А де-яки зерна то витеръ вхопывъ и понисъ
Въ бурьянъ нависный, що й несіяный рисъ;
И тамъ-бы то ихъ мовъ гараздъ положывъ,
Та скоро бурьянъ ихъ зовсимъ заглушывъ.
Даремно тамъ дощъ пробигавъ полосою,
И зори кропылы тамъ землю росою:
Ти зерна лежать, мовъ росты не пора...
Немае видъ ихъ и не буде добра!

Которіи-жъ зерна та въ добрую землю ляглы,
То ти урожай шистьдесятъ або й сто прынеслы.
Такъ, добра земля, якъ пора настае
Не тилько що йисты, ще й прыбыль дае;
Іи мовъ и сонце щадыть и не сушыть до-суха...
Всякъ, маючы уха, щобъ слухать, хай слуха!

Українська мелодія.

Чисте небо ясно сяе,
Поле все якъ ярь зелене...
Здраствуй, степе—ридный батьку!
Здраствуй, Украино-нене!
Обіймы мене, мій степе,
Обгорны мене навколо:
Я стою посередъ тебе,
Опустывшы сумно чоло.
Ой повій, повій ты, витре,
Видъ Днипра, видъ Запорожжя,
Та розвій мій жаль и тугу
По степу, на бездорожжя.
Любый степе! Ты не знаешъ,
Скилько смраду и болота
Въ нашимъ свити, де повсюды
Тилько фальшъ, пыха, бидота!
Тамъ я втратывъ виру въ правду,
Умъ скаличывъ, въ тугу вдався,
И теперъ зъ розбытымъ серцемъ
Въ тебе, степе мій, подався!
Тяжко дыхать, въ грудяхъ тисно,
Мовъ тамъ жаръ лежыть и тліе,—
Хай видъ тебе, ридный степе,
Прохолодою повіе!
Хай повіе тыхый холодъ
На мои гарячи раны;
Хай думкы мои остудыть,
Хай у мысляхъ тыша стане,—

Щобъ я змигъ той свитъ забуты,
Де пропало добродійство,
Де гнучка потрибна спына
Та умиле лыцемирство;
А, накланявшысь у волю,
И самому паномъ статы,
Та сховавшы власный соромъ
Иншыхъ въ-четверо згынаты,—
Щобъ все те я змигъ забуты,
Щобъ видстало все видъ мене...
Степе ридный, ридный батьку!
Украино, ридна нене!...

Переспивы.

1.

Розбыте серце.

(Зъ нимецького).

Я бачывъ, якъ витеръ березку зломывъ:
Коринння порушывъ, гилля покрушывъ,
А лыстя не вьяло и свиже було,
Ажъ покы за гору вже сонце зайшло.

Я бачывъ—якъ серну пидстрелывъ стрилець:
Звалылася, бидна,—прыйшовъ ій кинець;
Боротыся зъ смертю було ій не въ-мичъ,
Одначе боролась, покы зайшла ничъ!

Я бачывъ, метелыкъ пораненый мливъ:
Крыльце перебыте на сонци винъ гривъ;
Ще трошкы пожыты на думци було,
И може пожывъ-бы, та сонце зайшло.

На свити у кожного сонце свое...
Любенько жыветься, якъ сонечко йе;
А згасне те сонце—и жыты шкода:
На свити безъ сонця усе пропада.

Зо мною розсталась дружына моя:
Зостався на свити безъ сонечка я,
Одначе на себе якъ смерть ни зову,
А зъ серцемъ розбытымъ жыву та й жыву...

2.

Кедръ.

Въ холодній та дыкій пивничній пустыни,
Де бурямъ и впыну нема,
Тамъ кедръ одынокый на горній вершыни,
Обсыпаный снигомъ дрима.
И бачыть у сни винъ далеку краину,
Де сонечко сходыть святе:
Сумна й одынока на цилу долыну
Тамъ пышная пальма росте.

3.

Спиванка.

Ты несысь, мій спивъ, зъ мольбою
Въ небо долитай;
Потай, легкою ходою
Выйды, мыла, въ гай!
У гаю шумыть невпынно
Лыстя въ пизній часъ;—
Тамъ нихто, моя дружыно,
Не почуе насъ!
Слухай, якъ гремыть, стыхае
Писня соловья,—
То винъ мылу выклыкае,
Молыть, якъ и я.
Въ писни тій любовъ палае
И мольба сумна,
И на душу навивае
Рій думокъ вона.
Не впыняй-же ты любовы,
Серцю волю дай,
И на тыхую розмову
Выйды, мыла, въ гай!

Корныло Устыяновычъ.

Устыяновычъ Корныло урод. р. 1839 у Волкови, біля Львова, учився въ Виденській академіи художествъ та Виденському университети; почавъ пысаты р. 1867; окримъ лирыкы, пысавъ поэмы исторычни (мижъ ными найкраща—„Ярополкъ“); Корныло Устыяновычъ пысавъ и прозою—повистки, фейлетоны та ин.

Импровизація.

(Омельянови Партыцькому).

Ходылы мы разомъ до школы,
Потимъ мы дружылы зъ тобою,
И—кождый на иншому поли—
Трудылысь для Руси розвою.
Багато вже праци за намы,
И наша сівба зеленіе,
И витеръ колыше нывамы,—
Ще хвылька—и зерно доспіе.
Та мы того бачыть не будемъ,
Не будемъ збираты колосся!
Пора-бъ видпочыты вже грудямъ,—
Вже й снигъ намъ порошыть волосся.
И ляжемъ мы, брате, въ могылу,
Й не жалько намъ буде спочыты,

Лышъ жаль намъ сю Русь нашу мылу,
Жаль ныву, якъ море, лышыты:
Встае якась буря, и громы
Ревуть свои страшніи писни...
Хто-жъ вдарыть въ завитніи дзвоны?
Хто тучи розгоныть зловистни?
Ни, брате, ище не лягаймо,
Удармо у дзвоны: „вставайте!
Гримъ вдарывъ, занялось... вставаймо!
Не дайте Русь нашу, не дайте!"
А якъ отся буря просуне,
Якъ знову заблысне погода,—
Тоди вже кладимся до труны
Безпечни свободы народа.

* * *

Минулися лита мои,
Лита молодіи;
Иде старисть тыхесенько
Морозыть надіи.

Остыгае кровъ юнацька,
Думка умирае,
Тилько серце ще трипочесь—
Любытысь бажае.

Шкода труду! Хто пидъ зиму
Зацвите квиткамы,
Тому дружба на весиллю—
Морозъ изъ снигамы.

Усе мае свою пору,—
Опизнывсь, панычу!...
Вже дивчына—домовына
Тебе къ соби клыче.

Мыхайло Петровычъ Старицьный.

Старицькый Мыхайло Петровычъ, дидычъ, урод. 1840 р. у с. Клищынцяхъ, въ Полтавщыни, учывся въ Кыивському университети; почавъ пысать въ кинци 60-тыхъ рр.; окримъ лирычныхъ поэзій, напысавъ багато драматычныхъ творивъ, оповидань, повистей и романивъ; основатель першои украинськои трупы.

Поклыкъ до бративъ Славянъ.

Чы довго ще крывди и гвалту тлумыты
Святе наше право розвóю?
Невже не однои мы матери диты,
Невже—не браты мижъ собою?

* * *

За вищо-жъ зневага? Для чого не мыли
Братамъ наши щыри жадання?
Кого мы чипалы, кому мы вчынылы
Чы крывду, чы зле руйнування?—

* * *

Мы тилько боролысь за власную хату,
За-те, що намъ дорого й ныни;
Бажаемо мы и теперъ небагато—
Ридного розвою родыни!

* * *

Щобъ дума славутня и мова спивуча
Шырилы й пышалысь въ народи!
Мы всихъ прыгорнулы-бъ до серця охоче,—
Якъ-бы намъ хочъ трохы свободы!

* * *

Чому не ймешъ виры ты, брате Москалю!
Невже ты лякаешся зрады?
Зъ тобою недоли насъ кревне зйедналы,—
Не буде мижъ намы розрады.

* * *

Зъ тобою давно мы працюемъ на поли
Розросту наукы й освиты,
Зъ тобою давно мы шукаемо воли—
Іи намъ зъ тобою дилыты.

* * *

А ты, брате Ляше,—невже пакъ до суду
Мижъ насъ буде нéладъ невдячный?
Ой, скынь бо зъ очей ты сю давню полуду,
Та праведно глянь, необачный:

* * *

Мы тилько за наше лягалы кисткамы,
Колы намъ чынылыся шкоды;
Николы не гралыся мы кайданамы,
Чужои не гнулы свободы!

* * *

Хай Чехъ оповида,—чы мы не стоялы
За волю братерню горою?
Та зъ Жыжкою-жъ вкупи диды наши дбалы
Й здобулы козацького строю!—

* * *

Хай Сербынъ розскаже, чы мы не браталысь
Оружно зъ нымъ въ щасти и въ гори?
За виру, за волю чы-жъ мы не рубалысь
На горахъ, на поли, на мори?

* * *

Спытайсь у Словака—и той не згадае
Одъ насъ колы-небудь образы:
Злобы не було въ нашимъ серци й немае—
Мы хтилы-бъ загоиты вразы!

* * *

До згоды-жъ, до гурту, до-купы, Славяне!
Забудьмо днедавніи свары,
Вґаймуймо, братове, розладдя погане:
Встають бо на заходи хмары!...

* * *

Спизнаймося самы, вважаймо на брата—
Тоди насъ нихто не здолае;
Тоди не дамо мы Нимоти урваты
Ни цяты славянського краю!

* * *

Подаймо-жъ мы рукы на вичне кохання
И крыкнимъ на бенкети згоды:
„Мы цилому свиту бажаемъ братання,
Порады, освиты й свободы!"

НЫВА.

Гей ты, ныво,—твого гону
Одъ Карпату ажъ до Дону!
Та шырока жъ, якъ погляну,
Геть укрылась кылымамы,
Огорнулася лугамы,
Простяглася до Лыману.

Що жъ то, ныво, лыхомъ збыта,
Потомъ, кровію полыта,
Заподіялось съ тобою?
Не красуешся стогамы,
Не пышаешся скыртамы,
А глушышся лободою!

„Охъ вы, жалибныкы диты,
Та не вамъ-бы й говорыты,
Колы самы марно спалы!
Де жъ булы вы? Чужи рукы
Завдавалы мени мукы,
Репъяхамы засивалы".

„Колысь добре я родыла:
Выростала зъ мене сыла

Ворогамъ на страхъ и горе!
А теперъ я геть дычаю
И не бачу тому й краю,
Бо нихто мене не оре!“

—Правда, ныво! За сльозамы
Не рушалы мы зъ раламы...
Гайда-жъ въ поле! Гыне ныва!
Додамо до праци рукы:
Хочъ не мы, то може внукы
Дочекають того жныва!

До молоди.

На васъ, завзятци—юнакы,
Борци за щастя Украины,
Кладу найкращіи думкы,
Мои сподиванкы йедыни:

* * *

Въ васъ молода ще грае кровъ,
У васъ въ думкахъ немае бруду,
Палае въ серци ще любовъ
До обездоленого люду....

* * *

Не занехайте-жъ вы іи,
Не розгубить по свити всуе,
Нехай вона вашъ духъ гартуе
У честній, славній боротьби!

* * *

Бо стоголовый людськый катъ
Лютуе—дужчае що-дныны...
Неможна тратыть и хвылыны,
Покы ще стогне темный братъ:

* * *

Покы жывый,—мерщій несить
Слипому свитыво просвиты,
И въ серце, смертію повыте,
Жыву надію закропить!

* * *

Вшануйте ридну його ричъ,
Назвить безъ хытрощы своею
И розжените надъ землею
Вы непрозору, глупу ничъ...

* * *

Най катъ жене, а вы любить
Свою окрадену родыну,—
Й за нею сылы до загыну
И навить душу положить!

Вечиръ.

Вечиръ. Тыхо, ясно...
Зирочка зоріе...
Изъ садочка красно
Пахощамы віе;
Стелються сутини,
Туманы лягають;
Кетягы съ калыны
Въ викна зазырають;
Щось гуде струною
На бузку блызенько;
Въ лузи за вербою
Тьохнувъ соловейко;
Писня одгукнулась
Зъ темрявого гаю...
Серце стрепенулось,
Змучене до краю:
Зновъ зрына жадання
Тыхои розмовы,
Щырого братання,
Вирнои любовы!

А ОЗЕРИ.

Якъ пышно тутъ! Покынувъ я весло,—
Нехай плыве нашъ човенъ за водою....
Мовъ занялось вогняною стягою
На заходи розтопленее скло.

* * *

А ни дыхне... Генъ-генъ туманъ густый
Вже огорта намиткою дибровы;
Зъ чола твого мовъ хвыли ти шовкови
Розсыпалысь пидъ проминь золотый...

* * *

Не ворушысь! Твій образъ у води,
Мовъ намальованый, хорошый, якъ те небо,
Гойдаеться и знажуе до себе
У глыбинь ту, въ безкраины блиди!

* * *

О, дивчыно! Кохаю и люблю!
Спыныть себе не маю бильше сылы,—
Хочъ—прыгорны, хочъ—у прозори хвыли
Я кынусь тутъ и лыхо потоплю!

1869 р.

ВЫКЛЫКЪ.

Ничъ яка, Господы! Мисячна, зоряна:
Ясно, хочъ голкы збирай...
Выйды, коханая, працею зморена,
Хочъ на хвылыночку въ гай!

* * *

Сядемъ у-купи мы тутъ пидъ калыною—
И надъ панамы я панъ...
Глянь, моя рыбонько,—срибною хвылею
Стелеться полемъ туманъ.

* * *

Гай чаривный, нибы проминемъ всыпаный,
Чы загадався, чы спыть?
Онъ, на струнків та высокій осычыни
Лыстя пестлыво тремтыть;

* * *

Небо незмиряне всыпано зорямы—
Що то за Божа краса!
Перламы—зорямы тежъ пидъ тополямы
Грае перлыста роса.

* * *

Та не лякайся-но, що свои ниженькы
Вмочышъ въ холодну росу;
Я тебе, вирная, ажъ до хатыноньки
Самъ на рукахъ однесу.

* *
*

Ты не лякайсь, що замерзнешъ, лебедонько,—
Тепло—ни витру, ни хмаръ...
Я прыгорну тебе до свого серденька,—
А воно-жъ пáлке, якъ жаръ.

* *
*

Ты не лякайсь, абы тутъ та пидслухалы
Тыху розмову твою:
Ничка поклала всихъ, сономъ окутала—
А ни шелесне въ гаю!

* *
*

Сплять ворогы твои, знужени працею,
Насъ не сполоха ихъ смихъ...
Чы-жъ намъ, окрывдженымъ долею клятою,
Й хвыля кохання—за грихъ?

1870 р.

Сльоза.

Чы памьятаешъ, якъ зъ тобою
Прощавсь я пизньою добою?
Вечирня зиронька зійшла
Въ безодни сыній надъ горою,
По-надъ дибровою нимою
Якась пташына проплывла...
На сходи десь чорнила хмара...
А ты, блида, якъ та прымара,
Стояла зъ смуткомъ на чоли,
Ламала рученькы свои
Въ нимій скорботи—и розвагы
Тоби подать не мавъ я звагы...
Майнула хвыля, часъ наставъ,
И мовъ огонь якыйсь зайнявъ
Въ твоихъ очахъ ненатли мукы:
Свои знеможеніи рукы
Кругомъ мене ты обвела
И тяжко, тяжко зарыдала...
Моя ты зоре! Чы ты знала
Якъ та сльоза мене пекла?
Мынулы рокы; сывый волосъ
Морозыть голову, а я
Усе блукаю по гаяхъ
Та чую твій надбытый голосъ,
И доси рвійне й гарячé
Твоя сльоза мене пече!

1887.

Передъ труною.

Яка манисинька лежышъ ты у труни,
Моя зорыночко досвитня, яснозóра!
На заходи блыснула ты мени
На жаль тяжкый, на невымовне горе!
Якъ квитонька, пидризана серпомъ,
Ты полягла зарання въ домовыни...
Ты свитови несла новый псаломъ,
Хотила стать проты його гордыни;
Але та гáдына—могуща и жыва...
И ось, твои схрестылысь рукы били,
Заквитчана барвинкомъ голова,
А зъ-пидъ винка, шовкови, темни хвыли
Розсыпалысь на пóдушци кругомъ;
Мижъ ныхъ чоло, мовъ мраморомъ, билíе,
Склепылыся очыци тыхымъ сномъ;
Отемрылы ихъ пышни довги вíи,
И тинь одъ ныхъ стрилкамы полягла,—
Якась-то думонька таемна пидвела,
Мовъ зъ пóдыву, твои тоненьки бровы...
Про що вона? Скажы мени, промовы!
Чы не сподíялась такого ты кинця?
Чы жаль жыття—тернового винця,

Якый тоби диставсь одъ злои доли?
Чы й тамъ нема ни щастя, а ни воли,
За що боролася, сердешна, на земли?
Подай хочъ словонько йедыне ты мени,
Розважъ нудьгу остатньои надіи!
Але мовчать твои уста блидіи,
Смертельная байдужисть на выду...
А я стою, знеможеный одъ горя,
Мовъ каминь той середъ нимого моря,
И видъ тебе очей не одведу!

Дочка Јефая.

Колы доля велыть полягты за свій край
Въ несподивану ранню могылу,
Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
Моя смерть дасть одвагу и сылу!

* * *

Въ нетремтячій руци поведы мене самъ
До тіи катовóи сокыры...
И безъ жалю, безъ слизъ похылюся я тамъ,
Зъ серцемъ, повнымъ надіи та виры,

* * *

Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
И розправыть натружени груды,
Що на рúдній земли просвитлúша питьмá,
Правды сонце засяе повсюды,—

* * *

И на вильныхъ поляхъ въ свою землю ратай
Кыне зерна добирного жыта,
И красуня дочка той збере урожай,
Не даючы напастныку мыта...

* * *

Васъ, дибровы, гаи, у одежи рясній
Не побачу я въ щасну годыну;
Але кревный мій людъ въ своій згадци ясній
Спомьяне и мою домовыну...

* * *

Задавы-жъ, батьку мій, ты сльозу на очахъ,—
За край ридный прыймы мою плату:
Подывысь, я сама, знеповажывшы страхъ,
Смило йду, зъ яснымъ окомъ, на страту!

1882 р.

На проводы другу.

Чы доведеться, мылый друже,
Зъ тобою здыбатысь, чы ни?
Чы серце стомлене, недуже
Поляже въ иншій сторони?
Въ тяжку хвылыну розставання,
Здавалось,—весело пылы
Й шырококрыли сподивання
Тоби на прóводы неслы;
Але въ ричахъ тремтивъ нашъ голосъ,
Схылявся коженъ надъ столомъ,
Немовъ тяжкый, достыглый колосъ,
Пидбытый въ корини серпомъ...
Такъ горе нышкомъ пидкрадалось;
Хтось писню весело завивъ,
Але-жъ и въ писни тій, здавалось,
Лунавъ, мовъ зъ похорону, спивъ...
И часъ наставъ; мы обнялыся:
„Прощай, апостоле, прощай!"
Ты сполотнивъ—и полылыся
У тебе сльозы невзначай...
„Прощай ненáдовго!—Надія
Насъ ошукала, брате мій...
И доси всюды гвалтъ шаліе
Въ напасти лютій та слипій...

Колы-жъ мы стринемось съ тобою,
Скажы, мій друже, ты мени?
Колы, ощáжени злобóю,
Воскреснемъ въ ридній чужыни?

1876.

Потайни ученыкы.

„Всяка вина простится, вина-же противу Духа свята не простится во вѣки". Ев. отъ Луки.

Мы тамъ булы... Його розпьяли,
А мы дывылысь оддали,
Та обережливо мовчалы,
И въ глубыни души ховалы
Свои незважени жали.

До насъ прысикалысь словамы:
„Повынно, й вы тіи-жъ рукы—
Адже-жъ булы Його друззямы?"
Мы видцуралыся зъ клятьбамы,—
И пивень крыкнувъ здалекы.

Воны замучылы Мессію...
Усе простывъ Винъ ворогамъ;
Винъ душогубу, лыходію
Въ раю зустритысь давъ надію...
Та чы простывъ же Винъ друззямъ?

1883.

На новый рикъ.

Мынае рикъ... нудный, окрытый млою,
Безъ радощивъ, безъ ясныхъ навить днивъ...
Мовъ каганець, засвиченый безъ лою,—
Винъ не горивъ, а тилько-но чадивъ
И чадомъ тымъ давывъ намъ серце кволе,
Знесылювавъ сподиванкамъ крыло...
Не счулыся, якъ ридне наше поле
Морозъ скувавъ и снигомъ занесло...
Але дарма!... Пиднимемъ чаркы вгору,
Щобъ пережыть сю безпросвитню пору!

Мынае рикъ... ступинь зновъ до могылы,
И постаривсь на рикъ ще знову свитъ!
Пидбылысь мы, дасть-Бигъ булои сылы,—
Розгублена въ дорози зныклыхъ литъ;
Про те, хочъ нашъ прыпавъ морозомъ волосъ,
Хочъ тугою й прыгничене чоло,
А все-жъ покы тремтыть у грудяхъ голосъ,
Мы крыкнемо, якъ въ давни дни було:
„За розвытокъ народнього утвору,
За слово-те—пиднимемъ чаркы вгору!"

Мы чесно йшлы, любылы щыро брата,
Кохалыся въ добри його души,
И вирылы, що прыйдуть колысь свята—
Прогляне свитъ у сій нимій глуши...
Що жъ?—хочъ думкамъ не сталося простору,
Але за ныхъ пиднимемъ чаркы вгору!

Мынае рикъ... и въ темряви безодни
Несе людськыхъ багато слизъ и мукъ...
И ридшають все сіячи народни,
На трудъ тяжкый не выстачае рукъ,
И не рясне зибралося насъ ко́ло:
Одни ляглы въ труни нечасовій,
Други—за те, щобъ выще драты чо́ло,
За ласощи, велыкопанськый гній—
Запродалы свою святую виру...

Але знайшлысь и кути зъ крыци груды,
Зъ якыхъ бида кресала лышъ вогонь:
Воны неслы безъ ляку свитло всюды
И въ боротьби не сталы осторонь...
Роскыдани по нетряхъ несходымыхъ,
На чужыни, въ тяжкій самотыни—
Воны болять лышъ за бративъ родымыхъ,
Воны скорблять по ридній сторони
И думкамы вытають насъ въ сю пору...
Пиднимемъ же за ныхъ чаркы мы вгору!
1877.

* * *

Темно. Лисъ. Якись прымары...
Ни тропы, а ни шляху...
Крыють небо збыти хмары,
Ничъ отемрюють лыху...
Витеръ вые псомъ голоднымъ,
Мряка риже по выду,
И пидъ тымъ дощемъ холоднымъ
Я до цвынтаря бреду...
Розикралы всю поклажу,
Окримъ серця й головы,
И теперъ на путь сю вражу—
Порожнисиньки саквы!
А булы воны зъ-зараня
Вщерть заповнени, якъ тра—
Й наукового надбання,
И душевного добра,
И кыпьячыхъ сылъ безъ миры,
И хорошыхъ красныхъ мрій,
И святои въ правду виры,
И нехыбленыхъ надій,
Що шляхóмъ отымъ шырокымъ
Рушыть дружество рясне́
И щаслывымъ, свитлымъ окомъ
Стрине сонечко ясне́.
А шляху усе немае,—
Теминь, пуща, лисъ кругомъ...
И докирлыво кывае
Со́сна стрипанымъ чоломъ...

ОЭТУ.

Якъ ничъ, насовуеться туча
И млою небо покрыва,
Грюкоче гримъ, а буря злюча
Дубы зъ кориннямъ вырыва,
Здіймае, гоныть хвыли-горы
На почорнилимъ, лютимъ мори,
Реве и стогне, и рыда,
И човна бидного гойда
По-надъ безоднею хысткою...
Пловець, погынешъ въ боротьби!
Куды й боротыся тоби
Зъ тіею сылою слипою?—
Не одного борця вона
Уже порынула до-дна!

* * *

Пидъ заверюху и негоду,
Середъ буяння въ свити зла,
Чы не питы въ свою господу,
Чы не зложыты й намъ весла?—
Замкнуты серденько видъ мыру
Й наладнуваты свою лиру
Для власныхъ мукъ, для власныхъ слизъ,
Для потайныхъ лыше погризъ,—
Бо тамъ на шарварку людському,
Де братъ на брата точыть нижъ,
Де повселюдно йде рабижъ,—
Тамъ не чутно буде никому,
Середъ гармыдеру й турботъ,
Моихъ писéнь, моихъ скорботъ!

* * *

Ни, трычи ни! Хай краще струны
Порве мій стогинъ нависный!
Колы кругомъ въ дочасни труны
Борцивъ лягае гуртъ тисный,
Колы юнацька сыла вьяне,
А тамъ сміеться щось погане,—
Не про кохання, не про рай,
Спивачу, голосно спивай!

. . . . . .

* * *

Не бійся вражои наругы:
Зъ святымъ вогнемъ иды туды,
Де панування скруты, тугы
Та виковичньои биды...
Спивай, рыдай и будь готовый
Замисть лаврового—терновый
Винець узяты на чоло...
Нехай роздавыть тебе зло,—
Але що смерть?—Хвылынна страта,
А дали слава голосна...
Той умираты лыше зна,
Хто зна любыты свого брата—
И за таку тилько любовъ,
Спивець, ты жыты будешъ зновъ!

1882.

Петро Ивановычъ Нищынськый.

Нищынськый Петро Ивановычъ, сынъ дяка, урод. 1832 р. въ с. Неменци Лыповецького пов., въ Кыивщыни, учывся спершу въ Кыивській семинаріи, а писля скинчывъ (1856 р.) университетъ въ Афынахъ; бувъ учытелемъ грецькои мовы въ рижныхъ середнихъ школахъ въ Росыи въ протязи 25 литъ; переклавъ зъ грецькои мовы на украинську „Антигону" Софокла, „Одиссею" и 12 писень „Иліады" Гомера. Зъ музыкальныхъ композицій йому належать: „Вечорныци" и репродукція народныхъ думъ „Козакъ Софронъ" и „Байда"; умеръ 1896 р.

Фрагменты.

I.

Йесть на свити пребагато усякого дыва,
Та дывнійшого немае, якъ душа мыслыва:
Ревуть звири, шумлять воды, буйный витеръ дуе,
А надъ нымы надъ усимы чоловикъ царствуе.
Колы звиръ де йому вадыть—капканъ наставляе,
А по морю, то й зимою, якъ литомъ шмыгае.

Якъ же часомъ розреветься не въ пору буйненькый,
Винъ на тее не вважае—соби веселенькый.
Витеръ гне, ламае вербы, а йому й байдуже:
Сыдыть соби та спивае: „ой не шумы, луже",
И сырую матиръ землю що-рикъ розрывае,
Або плугомъ, або раломъ,—все жнытво збирае.

II.

* * *

Розумнійшый мижъ тварямы Бога
И вдатный до всього й на все чоловикъ;
Та ба!—винъ сьогодни спишыть килько мога
До чести, а завтра въ багни весь понякъ!...
Сьогодни винъ виры и царства пыльнуе,
И мудри законы на ныхъ выдае;
А завтра, никчемный, геть все поруйнуе,
Збагныть, занехае, потопче, побье!
Но злого такого якъ Богъ, такъ и люде
Цураються завше, и гыне винъ самъ;
Такому немае, не було й не буде
Добра ніякого ни *тутъ*, а ни *тамъ!*...

III.

* * *

Неможна намъ вику людського,—якъ йесть винъ
Щаслывый, чы може зъ бидою спизнався,—
Ни дуже хвалыты, ни ганыты дуже;
Фортуна, бачъ, зрадныця, всяку людыну
То вверхъ разъ пидійме, то зновъ пидламае.
Що-жъ посли складеться и якъ воно буде,
Того одгадаты нихто не зуміе...

IV.

* * *

Щаслыви тилько тіи зъ насъ,
Котри всю жызнь биды не зналы;
Но горе тымъ, чій димъ хочъ разъ
Нещастямъ богы покаралы.
И якъ то кажуть, що бида
Одна николы не прыходыть,
Такъ тамъ бида одъ прадида
Биду до правнукивъ прыводыть,—
Такъ само, якъ на мори валъ,
Пивничнымъ буйнымъ витромъ спхнутый,
До самыхъ до полуднихъ скалъ
Сердыто гоныть хвыли здути...

V.

* * *

Збирайтесь до купы мерщій, громадяне,
Багати и бидни, стари и мали;
Збирайтесь, лыкуйте, бо вже не завьяне
Лавровый виночокъ на вашимъ чоли...
Мынулося горе й велыкая слава
Покрыла нашъ городъ, покрыла и насъ;
Й сю славу *Побида*, богыня ласкава,
По всьому геть свиту розносыть въ сей часъ.
Збериться-жъ, Ѳывяне, хутенько—пыльненько,
Ходимъ на всю ночку молыться у храмъ;
И тамъ уси разомъ, обнявшысь гарненько,
Хвалебну затягнемо писню богамъ!...

Олена Пчілка (псевдонімъ)

[illegible]

[illegible]

[illegible] зелененькі
Через ясний виръ
Заспівали дівчиноньки
Де козаке на дворі
Здоровъ молодій, чорнобровый!
Чи мене пізнаєшъ?
Якъ же иншою звинчався
То ще-жъ не стриваєшъ!...
Те не [illegible] головоньку.
Не хороше пройшла.
Була-бъ довга та розмова...
[illegible] же мала
Уже стоитъ [illegible]
Твой кінь вороненькій.

Треба хутко знаходыты
Розмови кинець...
Одйизжаешъ ты, козаче,
У непевну путь,—
Доведеться тоби може
И рукы згорнуть!
То-жъ колышня твоя мыла
Прощатысь прыйшла,
Та гостынця на прощання
Тоби прынесла:
Памьятаешъ мережану
Хустыну мою?
На весилля готувала,—
Сього не втаю....
Не здалася хустыночка
На весилля намъ;
Але-жъ,—тоби готувала,
Тоби и виддамъ!
Нехай здасться хустыночка
Не на те, щобъ гныть,—
А для славы козацькои,
Сидельце укрыть.

. . . . . .

Колы-жъ будешъ незрадлывымъ,—
Хай доля спріяе,
Нехай щастя ся хустына
Тоби прывертае!
Повертайсь тоди изъ військомъ
Въ годыну щаслыву,—
Хай росчеше твоя жинка
Конькови грыву!...
Колы-жъ въ дилови святому
Зрадышъ, козаченьку,—
Хай, вертаючысь, натрапышъ
На злу дориженьку.

Хай тоди у чыстимъ поли
Марно ты загынешъ
И хустыною моею
Рукы соби вкрыешъ!
Памьятай же тее слово,
Що тутъ говорыла,
Якъ прыходыла прощатысь
Незвинчана мыла!"

По тій мови пишла зъ двору.
Тыхо биля хаты,
Тилько чутно, якъ голосыть
Жинка у кимнати...

Волынськи спогады.

Волынь незабутня, краино славутня,
У пышній краси ты красуешъ;
Здавенъ твою бачу украинську вдачу,
Здавенъ мою душу чаруешъ!

Я ридную мову, ту любу розмову,
Въ краяхъ твоихъ всюды вчуваю;
Те слово жывуще, вики невмыруще,—
Я скризь въ тоби серцемъ вытаю.

И зъ словомъ жаданымъ та зъ людомъ коханымъ
Йеднаешъ ты въ серцю моему
Ти спогады ясни про мыли та красни
Куточкы въ обшыри твоему.

Йесть инши мижъ нымы, зразочкамы тымы,
Що душу мою прыкувалы,
Що мылую вроду, знаему подобу,
Зъ жыттямъ твоимъ писню зйедналы.

Я иншу мистыну, якъ любу годыну,
У думци николы не страчу,
Въ бездушнимъ простори, у мертвимъ околи—
Жыве свое серце тамъ бачу:

У блысканню ричкы, въ ясній невелычкій,
Облыччя ввыжаються явни,
У гомони гаю, въ зеленимъ розмаю
Розмовы вчуваються давни....

Въ затышнимъ куточку, немовъ въ сповыточку,
Заснулы годыноньки мыли,
На камени сиримъ, здавенъ обвитрилимъ,
Мовъ рокы прыковани цили.

СОНЕТЪ.

Минула молодисть!... мовъ писня прошумила!...
У думахъ смутно я схыляюся чоломъ,
Я чую смерть, неначе віе вже крыломъ
И заглядае въ очи іи постать била.

Се ты, нирванно, вичная, сумна, немыла?...
Безсылый чую жахъ передъ твоимъ лыцемъ.
Пожды! не поспишай зъ смертельнымъ тымъ винцемъ,
Нехай моя до-долу ще не пада сыла!

Нехай на любу Украину надывлюсь,
Мій поглядъ проминемъ святымъ палае,
Нехай зъ братамы ще я словомъ подилюсь,
Хай писня тая ще по свиту погуляе.

Нирванна десь туманомъ повылась;
Изъ мого серця писня знову полылась.

Иванъ Манжура.

Манжура Иванъ уродывся 1851 р. въ Харькови, учывся въ Ветырынарному институти, почавъ пысать въ 70 р.р.; 1889 р. выдано його „Степови думы та спивы“ въ Петербурзи; працювавъ по этнографіи; умеръ 1893 р. въ Катерынослави.

Ренегатъ.

Баллада.

Розигрався Дунай
Та гука на нашъ край,
Ажъ луна у Днипровому гырли:
„Гей розибье, Днипро,
Турчынъ скоро шатро
На старимъ запорижському тырли:

* * *

Бо звеливъ падышахъ,—
Тилько паша въ степахъ,
На сыны твои вийсько збываты;
Поведе-жъ його самъ
Недовирокъ Гасанъ,
Що не разъ уже давсь тоби знаты.

* * *

Стережыся того
Ты походу його!
Цилувавъ винъ клейноды султанськи;
„Хочъ жывый не зверну,
А въ исламъ поверну
Я народъ,—каже винъ—поднипрянськый.
* * *
Розиславъ скризь лысты,
Щобъ до його несты
Уси малы иконы, кадыла,
Покы,—каже,—моя
Ще безъ зброи гуля
Несказанно-страшенная сыла.
* * *
А не то, ворогы,
Выбью всихъ до ногы,
У неволю и браты не буду;
Я изъ військомъ своимъ
Налетю, немовъ гримъ,—
Не забудете вы и до суду.
* * *
Такъ не дайся на смихъ,
На сынивъ бо твоихъ
Маю певну я, брате, надію,
Що не тилько себе,
Захыстять и мене,—
Я-жъ ничого собакамъ не вдію."
* * *
Скаламутнивъ старый,
Бо винъ знавъ, хто такый
Оттакъ нагло на хрестъ похвалявся:
Коло його винъ зрисъ,
Йому службу винъ нисъ,
Коло його й лыцарства навчався.
* * *

А якъ зрисъ винъ, носывъ
Пидъ Стамбулъ и Козливъ
Днипръ чайкы його утли й ватагу,
Давъ и славу йому
У Поднипри всьому,
И багатство, и честь, и повагу.

* * *

Йшла пайда козаку,—
Скоро ставъ на знаку
За лыцарство свое винъ въ громади;
Незабаромъ за тымъ
Козакы кошовымъ
Його выбралы честно на ради.

* * *

За для його-жъ була,
Якъ винъ мыслывъ, мала
Отта честь товарыська и шана;
Спокусывъ його грихъ:
Винъ израдывъ своихъ,
Передавсь у Стамбулъ до султана.

* * *

Тамъ винъ хрестъ потоптавъ,
Свій законъ поламавъ,
Недовиркомъ зробывсь, ренегатомъ;
И за скверну хулу
Заробывъ винъ хвалу,—
Ставъ султанови нибы-бъ то братомъ...

* * *

Ажъ ось чутка прыйшла,
Що орда уже йшла
Зъ Перекопу на ридну Вкраину;
Тутъ уже козакамъ,
Немовъ вильнымъ пташкамъ,
Не було суперечи й упыну.

* * *

Мовъ рои ти гулки,
Де и бралысь полкы,
Уставала за лавою лава...
Короговкы шумлять,
Наче мыру ясять:
„Пробудылась козацькая слава!“

* * *

Ось мынае Страсна,
Настыгае Чесна
Рокова Велыкодня субота;
Завтра-жъ той роковый
Йде Велыкдень святый,
А козацству нагальна робота.

* * *

И не йисть, и не спыть,
Пыльно варту держыть,
Та у стинахъ пробои латае;
Бо його, якъ вода,
Хыжа Крымська Орда
Изъ Турчыномъ кругомъ обіймае.

* * *

То и зрадныкъ Гасанъ
Свій розбывъ отамъ станъ,
Кругъ Кылыберды славного миста;
И вже зъ тыждень гуля,
Зъ церковъ бани валя,
Та не выбье ніякъ товарыства.

* * *

Винъ на завтра усимъ
Заказавъ се своимъ
Дочуватыся дзвона святого;
Якъ ударыть,—то йты,
Смерть на стины несты,
Не шкодыты й дытяты малого.

* * *

Мовчкы ждуть козакы...
Видъ лыхои рукы
Не мынуты сю ничъ имъ напасты;
И жадавъ зъ ныхъ усякъ—
И дукарь, и харпакъ—
Щобъ за виру изъ честію пасты.

* * *

Ось загувъ уже дзвинъ,
А за нымъ не одынъ—
Затрезвонылы, радисть вищують:
И „Хрыстосъ воскресе"
Буйный витеръ несе,
А хыжакы немовъ и не чують.

* * *

Що-жъ то сталося тамъ
Лютымъ ихъ ворогамъ?
Де ихъ пóхвалькы злiи на-викы?
Чомъ на стины не йдуть,
Наглу смерть не иесуть,
А збираються нибы на-втикы?

* * *

У роскишнимъ шатри
Та на львовимъ хутри
Недовирокъ лежыть, мовъ конае;
Склепывъ очи юнакъ,
Розпластавсь, якъ мертвякъ,
Та сыленно-сыленно зитхае.

* * *

То винъ тилько почувъ,
Якъ трезвинъ той загувъ,
Радисть певну хрещеного свита,—
Спогадалось йому
Все те, вирывъ чому
Винъ колысь-то у давнiи лита.

* * *

Йому мріють церквы,
Лопотять корогвы,
Празныкову винъ чуе скризь мову;
И сыленно тоска
Йому груды стыска:
Вже не вернеться те йому знову.

* *
*

Ось винъ тыхо пидвивсь,
На схидъ сонця схылывсь
Та рыдае такъ тяжко безъ гласу;
Навкругы ажъ гуде,
Орда хыжа та жде,
Колы дасть на грабижку винъ ясу.

* *
*

Винъ же гирко рыда
Та поклоны склада,—
Напуты його, Маты Пречыста!...
А тамъ выйшовъ, гукнувъ
Та й назадъ повернувъ
Видъ Кылыберды славного миста.

У М А.

Колы надъ нывою моею
Ударыть гримъ та надъ землею
Стовпы наставыть выхоръ пылу,
Та зридка блыскавка змарнилу
Осяе землю де-не-де
И дощъ сыленный упаде,—

Радію я: бо зновъ прогляне
Веселе сонечко, и встане
Умыта божою росою,
Сповыта новою красою
Стомленна нывонька моя,
И чую мыръ на серци я.

Колы-жъ вона, улыта потомъ
Моимъ трудовымъ та клопотомъ
Безсоннымъ скохана, марніе,
А по-надъ нею тяжко ные
Злыденна хмара зла мошкы
Та скризь гуляють ховряшкы,—

Турбуюсь я: бо вже не ждаты
Мени видъ неи благодаты...
Даремна праця и надія!
На серци-жъ сумъ лыхее діе:
Воно холоне, омлива...
И никне, никне голова.

Чесная.

Мовъ былынонька въ поли зивьяла,
Сыротыною ты изросла;
Тебе лышенько рано спиткало
И недоля лыха повыла.

Не зазнала ты зъ-малку порады,
А ни ласкы видъ гордыхъ людей,
И ни жоденъ тебе изъ громады
Не спасавъ видъ лукавыхъ речей.

Изросла ты, навчалась роботы,
Та роботы нихто не дававъ;
Не журыся, небого! Чого ты?
За красу-бъ тебе всякъ пойеднавъ...

Такъ сама ты того все цуралась,
Проклынаючы долю гирку;
Тоби чесно прожыты бажалось,
Та судылось не те на вику.

Несподивано ты „проступыла"
(Проступа васъ багато такыхъ!),
И громада тебе осудыла,
Пидняла, мовъ ледащо, на смихъ.

И регочеться, пальцямы тыче,
Головою на тебе кыва,
А до себе нихто не поклыче,
Не спытае: „а чымъ ты жыва?

„Чы ты ласкою маешъ угритый
„Пидъ негоду спокійный кутокъ?
„Чы ты йила слизьмы неполытый
„А хочъ разъ того хлиба шматокъ?“

Замовчите жъ, вы пышніи, сыти,
Гордовытіи, власни земли,
Бо йесть божая правда на свити,
Та розсудыть и васъ, и іи.

Леліи.

(С. С. П—ій).

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошни леліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втиху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ
На ныхъ якъ погляне, нудьга у-разъ тане
И пругъ на чоли вже не-знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни,
Мыръ въ серце людське подають,
А люде не знають и гадкы не мають,
Якъ сльозы въ-ночи воны ллють.
Чого-жъ то имъ шкода? Адже-жъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ йе...
Нелюба имъ шана у гордого пана,—
Имъ краще убоге свое.
Имъ краще у бидній краини ихъ ридній
За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и выхоръ летючый,
Що ихъ опалялы колысь.
Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе леліи мои:

Здається, й на воли, у шани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясненькый, твій смихъ веселенькый
Та щырая ласка твоя
Усихъ насъ йеднають, усихъ насъ вытають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай-бо—нивроку!)
Та й скажешъ: „жыття тоби рай";
А все-жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавшы веселый свій край.

По весни.

Не спивай по весни,
Соловейко, мени,
Сыдячы у бузку на тычыни,
Про щаслывіи дни,
Що мовъ наче въ-висни
За-для мене мынулыся ныни.
Не багато щось ихъ,
Днивъ щаслывыхъ оттыхъ
На своему вику я зазнаю,
И загра гиркый смихъ
На устахъ вразъ моихъ,
Якъ колы я ти дни изгадаю.

БУРЛАКА.

Бреде бурлакъ степомъ рано,
На опашци свыта;
Його шапка стара, драна
На бакырь избыта.

Бреде бурлакъ, поспишае
Въ заброды до моря,
Та спивае—степъ лунае,
Нема йому й горя.

„На що мени, каже, доля
Готова изъ неба?
Все добуде своя воля,
Чого мени треба.

„На що мени те багацство,
Червинци, дукаты?
Вмie славнее бурлацство
Безъ ныхъ пануваты.

На що мени и оселя,
Дружынонька мыла?
Прывита мене и скеля,
Порадыть могыла.

Ой скажы ты, стародавня
Козацькая нене,
Кому жыты ще такъ славно
У свити за мене?“

Витрець тыхо росу ранню
Съ травыци здымае,
Бурлаковому жъ пытанню
Видмовы немае.

Покрови.

Покривонько!
Ми мени голивоньку
Отсе въ-осены,
Хочъ драною хустыною,
Зъ хорошою дытыною
Хочъ изъ стороны!

Щобъ свекорко, якъ батенько,
Свекривонька, якъ матинка,
До мене булы;
Щобъ диверкы та зовыци,
Мовъ братикы та сестрыци,
Мене прыйнялы;

Щобъ дилечко поробыла,
Чужій семьи догодыла,
Всимъ мыла була;
Не лаяна та не быта,
Найидена та укрыта
Спатонькы лягла!

Цезарь Олександровычъ Билыловськый.

ськый Цезарь Олександровычъ уродився 1859 р. въ с. въ Полтавщыни, скинчывъ Лейпцигськый университетъ; иого переклады зъ Шиллера та Боденштедта; перекладавъ на ..ову нимецьку поэзіи Шевченка; выдавъ два томы альманаха „Складка" (1896 и 1897 рр.).

ЪЪ АЛЬПИВЪ.

Ой тамъ мое серце, не тутъ на горахъ...
Ой тамъ, на Вкраини въ безкраихъ степахъ...
Въ степахъ на могылахъ вподобало жыть,
Де здавна покоиться, тыхо лежыть
Батькивъ моихъ слава и лыцаривъ прахъ.

Ой тамъ мое серце на нывахъ, поляхъ...
Ой тамъ мое серце въ густенькыхъ садкахъ,
Де пташка щебече у-день и въ-ночи,
Спивае дичына, по воду йдучы,
У плахти червчатій, головка въ квиткахъ.

Ой тамъ мое серце, де Божый мовъ рай,
Стоить надъ Днипромъ зеленесенькый гай;
А блызько край гаю та коло Днипра
Высоко могыла. Вона озыра
Свій ридный, коханый, занедбаный край.

Дайте-бо жыть.

Въ чарахъ кохання мое дивування
Хочу я вильно, якъ пташка, прожыть:
Вильне обрання и вильне кохання,
Серденьку воля, якъ хоче любыть!..
Шкода й розмовы: святои любовы
Сылою въ серце неможна вложыть.
Покы шовкови чорнитымуть бровы,—
Дайте-бо жыть мени, дайте-бо жыть!

Иванъ Франко.

Франко Иванъ, сынъ селянына, уродывся 1856 р. въ слободи Нащевычахъ Дрогобычського повиту, въ Галычыни, скинчывъ Львивськый университетъ; почавъ пысать зъ 1873 р. Окримъ поэзій, напысавъ багато повистей, романивъ, публицистычныхъ, науковыхъ и крытычныхъ праць, чымало переклавъ зъ европейськыхъ класыкивъ; жыве у Львови; 1894-1897 р.р. выдававъ мисячныкъ: „Жытте и Слово"; редагуе мисячныкъ „Літературно-Науковый Вистныкъ".

* * *

Не выненъ я тому, що сумно спиваю,
Браты мои!
Що слово до слова не складно складаю,—
Простить мени!
Не радисть ихъ родыть, не втиха ихъ плодыть,
Не гра пуста,
А въ хвыляхъ недоли, задумы тяжкои
Сами уста
Ихъ шепчуть, безсоный робитныкъ заклятый
Склада ихъ—сумъ:
Моя-бо й народня неволя, то—маты
Тыхъ скорбныхъ думъ.

* * *

Догарають полина въ печи,
Попеліе червоная грань...
У задуми сыджу я въ-ночи
И думокъ сную чорную ткань.

И колы-жъ-то той жаръ догорыть,
Що ятрыться у серци мени?
И чы скоро то горе згасыть
Въ моимъ мозку думкы огняни?

Охъ, печуть и бушують воны!
Грызе душу й морозыть нуда!
Кровь кыпыть и нутро все въ огни,—
Вколо-жъ муръ и неволя блида.

Я боротысь за правду готовъ,
Радъ за волю пролыть свою кровъ,
Та зъ собою самымъ у війни
Не простояты довго мени.

* * *

Безкраи, чорни и сумни
За ночамы мынають ночи,
И безутишному мени
Схидъ сонця сныться. Бачуть очи
Кризь муръ тюремный, якъ лютуе
Завзята боротьба въ прыроди.
Ще темный Ариманъ пануе,
Розпершысь гордо тамъ на сходи.
Та въ царстви своимъ чуе винъ
Таемну дрожъ. Ось легкокрыли,
Мовъ стрилы до понурыхъ стинъ,
Летять видъ сходу свитла хвыли.
Лютуе Ариманъ, гасыть
Ненавысне проминня враже,—
Та хвыля свитла все бижыть,
Хочъ що винъ робыть, що винъ каже.
Хытався тронъ його твердый,
И чуесь Чорному цареви,
Якъ Ормуздъ ясный, молодый
Вже вырынае зъ хвыль рожевыхъ.

* * *

Не забудь, не забудь
Юныхъ днивъ, днивъ весны,—
Путь жыття, темну путь
Проясняють воны.

Злотыхъ снивъ, тыхыхъ втихъ,
Щырыхъ слизъ и любвы,
Чыстыхъ по́рывивъ всихъ,
Не встыдайсь, не губы.

Бо мынуть—дали трудъ
Въ самоти и глуши,
Мозоли наростуть
На рукахъ и души.

Лышъ хто любыть, терпыть,
Въ кимъ кровъ жыво кыпыть,
Въ кимъ надія ще—ликъ,
Кого бій ще маныть,
Людське горе смутыть,
А добро веселыть,—
Той цилый чоловикъ.

То-жъ якъ всю жыття путь
Чоловикомъ цилымъ
Не прыйдесь тоби буть,—
Будь хочъ хвылечку нымъ.

А въ поганіи дни,
Болотяніи дни,
Якъ надія пройде
И погасне чутте,

Якъ зъ велыкыхъ доригъ
Любвы бою за всихъ
На вузьки та крути
Ты зійдешъ манивци,—

Зсушыть серце жура,
Зколють ногы терны,—
О, тоди май жыття
Вдячно ты спомьяны!

О, тоди ясни сны
Ожывлять твою путь...
Юныхъ днивъ, днивъ весны
Не забудь, не забудь!

Трывыдъ.

Холодна ничъ. Спокійно, важко, звильна
На мисто снигъ важкый падé й падé;
Зъ густои тьмы журба якась могыльна
Выхылюе лыце свое блиде.

Лямпы́ горять. Колеса свитляніи
Довкóла ихъ стиснылысь, меркотыть
Кровавый блыскъ. Неначе сонни мріи,
Фіякры мыгають и гынуть въ мыть.

На тротоарахъ ще прохожыхъ сыла:
Цилиндры, щубы, модни бóа дамъ
И драни лахы—рижнобарвна хвыля
Плыве, гуде, спыраесь тутъ и тамъ.

И я въ юрби сумный и одынокый
Плыву безвладно, щобъ видъ власныхъ думъ
Втикты,—та невидступный и глыбокый
У серци все несесь зо мною сумъ.

И наче той, що тоне и въ знесылли
Шукае гылькы, корня, стебельця,—
Такъ я мижъ лыць тыхъ въ пестрій люду хвыли
Шукаю щыро—дружнього лыця.

И вразъ я здеревивъ и стрепенувся,
Щось горло стысло, въ грудяхъ сперло духъ...
Втикать бажавъ, та не поворухнувся,
Мовъ оглушывъ мене важкый обухъ.

То не обухъ! То йшла передо мною
Высока постать, проста та струнка.
Оглянулась, хытнула головою,
Моргнула на прохожого панка.

Оглянулась ще разъ. Велыки очи,
Глыбоки, темни, мовъ та чорна ничъ,
Зустрилысь зъ мóимы й въ бездонній ночи
Пропалы... Двое ихъ спишыло причъ.

А я стоявъ, мовъ стовпъ. Юрба юрбою
Мене тручала, штовхала разъ-в-разъ,
Та я не чувъ ни холоду, ни болю,
Мовъ проминь свидомóсты въ мизку згасъ.

„Вона!“—изъ устъ одно те слово прысло,
Та въ нимъ була магична миць страшна;
Мовъ каминь млыновый, за шыю тысло
Мене одно словечко се: „Вона!“

„Вона“,—ся гарна квитка „сонъ царíвны“,
Якои рóзцвитомъ втишався я,
Якои запахъ бувъ такый чаривный,
Що й доси пьяна нымъ душа моя!

„Вона“,—якíй я все бажавъ виддаты,
Весь скарбъ души, вси думы, вси чуття,
Якои слидъ я радъ бувъ цилуваты,
Въ якíй вбачавъ красу и циль буття!

Та, що мене одниськымъ слóвомъ свóимъ
Могла героемъ, геніемъ зробыть,
Обдарувать надíею й спокоемъ,
Заставыть все найвысшее любыть,—

Та, що въ руци видъ раю ключъ держала,—
Вона його закынула въ багно
И чаривного слова не сказала...
Чы хочъ въ души грызе іи воно?

Не словомъ—рухомъ, поглядомъ холоднымъ
Мене зипхнула въ темный ривъ безъ дна.
Лечу!... валюсь!... Та тамъ, внызу, въ безодни
Хто се пропащый, стоптаный?... Вона!

Стій, прывыде! Скажы, яка неволя
Тебе зипхнула зъ радисныхъ вершынъ?
Хто смивъ красу й пышноту сього поля
Втоптать въ болото и зъ якыхъ прычынъ?

Чы голодъ, холодъ и сыритства сльозы,
Чы та жага, що серце рве й скребе,
Що хылыть волю, мовъ та буря лозы,
На сей торгъ гáньбы выпхнула тебе?

Постій, постій! Я вмію се видчуты.
Моя любовъ не згасла ще, горыть,
Зуміе райськый ключъ зо дна добуты,
Зуміе рай запертый одчыныть!...

Не чуе! Щезла зъ нымъ у питьмы ночи,
Лышъ выдъ іи прошыбъ мене, якъ нижъ.
О, щобъ булы мои ослиплы очи,
Було-бъ въ души яснійшъ и спокійнійшъ!...

1892. Видень.

Фантастычни думы, фантастычни мріи.

Якъ бы знавъ я чары, що спыняють хмары,
Що два серця можуть известы до пары,
Що ламають пута, де душа закута,
Що въ пожыву нымы зминыться й отрута,—
То тебе-бы, мыла, обдала ихъ сыла,
Вси въ твоимъ-бы серци искры погасыла,
Вси думкы й бажання за однымъ ударомъ,
Лышъ одна любовъ-бы выбухла пожаромъ,
Обняла-бъ достоту всю твою истоту,
Мысли-бъ вси пожерла, всю твою турботу.
Тилько мій тамъ образъ и ясніе, й гріе—
Фантастычни думы! фантастычни мріи!

Якъ-бы я бувъ лыцарь и мавъ пáнцыръ добрый,
И надъ всихъ бувъ сыльный, и надъ всихъ хоробрый,
Я-бы съ перемогы—ворогы пидъ ногы,
Що мени до тебе не дають дорогы!
Я-бъ добувсь до тебе черезъ муры й стины,
Я побывъ-бы смокы, розметавъ руины,
Я-бъ здобувъ вси скарбы, що ихъ крые море,
И до нигъ твоихъ-бы положывъ, о зоре!
Де-бъ тебе не скрыто, я-бъ зламавъ вериі...
Фантастычни думы! фантастычни мріи!

Якъ-бы я не дурень, що лышъ въ думкахъ кысне,
Що спива и плаче, якъ биль серце тысне,
Що будуще бачыть людське и народне,
А въ сучаснимъ блудыть, якъ дытя голодне;
Що изъ неба ловыть зори золотіи,
Але до дивчыны прыступыть не вміе;
Идеалы бачыть геть десь за горамы,
А жывее щастя зъ рукъ пустывъ безъ тямы;
А-жъ теперъ, запизно, плаче та дуріе—
Фантастычни думы, фантастычни мріи!

ВЪ-НОЧИ.

Мисяцю-князю!
Ничкою темною
Тыхо плывешъ ты
Стежкой таемною.
Нижно хлюпочеться
Вóздушне море,
Такъ въ нимъ и хочеться
Змыть зъ серця горе.

Мисяцю-князю,
Ты, чаривныченьку!
Смутокъ на твóйому
Ясному лыченьку.
Изъ небозвизднои
Стежкы погиднои
Важко глядить тоби
Въ море бездоннее,
Въ людскосты биднои
Горе безсоннее.

* * *

Червона калыно, чого въ лузи гнешся?
Чого въ лузи гнешся?
Чы свитла не любышъ, до сонця не пнешся?
До сонця не пнешся?

Чы жаль тоби цвиту на радощи свиту?
На радощи свиту?
Чы бури боишся, чы грому зъ блакиту?
Чы грому зъ блакиту?

Не жаль мени цвиту, не страшно и грому,
Не страшно и грому;
И свитло люблю я, купаюся въ йому,
Купаюся въ йому.

Та въ гору не гнуся, бо сылы не маю,
Бо сылы не маю;
Червони ягидкы до-долу схыляю,
До-долу схыляю.

Я въ гору не гнуся, я дубамъ не пара,
Я дубамъ не пара;
Та ты мене, дубе, отинывъ, якъ хмара,
Отинывъ, якъ хмара.

1895 р.

* * *

Якъ почуешъ въ-ночи край свойого викна,
Що щось плаче и хлыпае важко,
Не тревожся зовсимъ, не збавляй соби сна,
Не дывыся .въ той бикъ, моя пташко!
Се не йесть сырота, що безъ мамы блука,
Не голодный жебракъ, моя зирко,
Се розпука моя, невтишыма тоска,
Се любовъ моя плаче такъ гирко.

1895.

* * *

Писне, моя ты пидстрелена пташко,
Мусышъ замовкнуть и ты.
Годи рыдаты и плакаты тяжко,
Часъ намъ зо сцены зійты.

Годи вглублятысь у рану зъ отрутою,
Годи благать о любовъ;
Съ кождою строфою, съ кождою нутою
Капае зъ серденька кровъ.

Съ кождою строфою, съ кождою нутою
Слабшае видгоминъ твій....
Писне, напоена горемъ-отрутою,
Часъ тоби вже на спокій...

1896 р.

ТСЕ ТАЯ СТЕЖЕЧКА...

Отсе тая стежечка,
Де дивчына йшла,
Що зъ мойого сердечка
Щастя унесла.
Ось туды пишла вона
Та гуляючы,
Зъ иншымъ своимъ любчыкомъ
Розмовляючы.
За іи слидамы я,
Мовъ безумный, бигъ,
Цилувавъ зъ сльозамы я
Пылъ изъ іи нигъ.
Наче потопаючый
Стебелыночку,
Зиръ мій выдъ ловывъ іи
На хвылыночку.
Отсе тая стежечка
Извывается,
А у мене сердечко
Розрывается:
Все, що найдорожчее,
Найулюблене,
Чымъ душа жыва була,—
Тутъ загублене.
Чымъ душа жыва була,
Чымъ пышалася...
Отсе-жъ тая стежечка,—
Щобъ запалася!

* * *

Не мынай съ погордою
И не смійсь, дытя!
Може въ тимъ осміянимъ
Суть твого жыття;

Може въ тимъ зневаженимъ
Твого щастя карбъ;
Може въ тимъ погордженимъ
Йе любовы скарбъ;

Може смихъ твій нынишный,
Срибный та дзвинкый,
Стане въ твоій памьяти
За докиръ гиркый.

ЕСНЯНКЫ.

I.

Розвывайся, лозо, борзо,
Зелена диброво!
Ожывае помертвила
Прырода на-ново.
Ожывае, розрывае
Пута зимовіи,
Обновляесь въ свижи сылы
Й свижіи надіи.

Зеленійся, ридне поле,
Украинська ныво!
Пидіймыся, колосыся,
Достыгай щаслыво!
И щобъ всяке добре симья
Ты во викъ плекало,
И щобъ свиту добра служба
Зъ твого плоду стала!

II.

Весняніи писни,
Весняніи сны,
Чомъ такъ безутишни,
Безвидрадни вы?

Чы для васъ немае
Зелени въ лисахъ,
Чы для васъ не сяе
Сонце въ небесахъ?

Чы для васъ весела
Квитка не цвите,
Що лышъ вбоги села,
Людськый биль зрыте?

Охъ, жыви дибровы,
Любый сонця свитъ,
Лышъ жытя, любовы
Въ людськыхъ душахъ нитъ!

Втишно птыця лыне,
Гоминъ, спивы, крыкъ...
Тилько бидный гыне
Зъ голоду мужыкъ.

Квиты середъ поля
Доломъ и горовъ,
Тилько тьма й неволя
Ссе народну кровъ.

Краще-бъ то для моды
Заспиваты, бачъ,
Про красу прыроды,
Нижъ про людськый плачъ.

Але не для моды
Се спиваю я,
То й сумна выходыть
Писенька моя.

* * *

Нехай и такъ, що згыну я
Забутый десь пидъ тыномъ,
Що вси мои думкы, дила
Слиду не лышать, мовъ та мгла
На неби сынимъ!

Нехай и такъ! Я радо йду
На чесне, праве дило!
За нього радо въ го́ри вмру
И ажъ до гробу додержу
Свій прапоръ цило!..

Борысъ Дмытровычъ Гринченко.

Гринченко Борысъ Дмытровычъ (псевд. Васыль Чайченко, Иванъ Перекотыполе), уродывся 27 лыстопаду 1863 р. на х. Вильховый-Яръ, Харькивського повиту, вчывся въ Харьк. Реальн. школи, бувъ 10 рокивъ народнымъ учителемъ въ Харькивщыни та въ Катерынославщыни; перши творы його появляються 1881 р.; окримъ поэзій, напысавъ чымало оповидань, романивъ, килька драматычныхъ творивъ.

ТАЛИМА.

1.

Могутный баша на галеру вступывъ,—
Надходыть кривавее дило.
Изъ Дыкого Поля, зъ шырокыхъ степивъ
Зновъ хыжее птаство злетило:
По Чорному морю гуляють чайкы,—
На мисто турецьке плывуть козакы.

2.

Дать добрую одсичъ баша имъ хотивъ—
Зъ имъ вийсько й гримучи гарматы—

Хай джавры невирни пророчыхъ сынивъ
Не сміють изновъ турбоваты!
Одъ пышныхъ галеръ вже хвылюе вода,
Роскишный харемъ свій баша покыда.

3.

Въ хареми вродлывыхъ винъ кынувъ жинокъ—
Квиткы зъ опивденного краю—
И квитку найкращу съ тыхъ пышныхъ квитóкъ,
Вродлыву, мовъ гурія зъ раю,
Галиму покынувъ, мылишу за всихъ,
Жыття його щастя, утиху зъ утихъ.

4.

Зъ далекого краю ін винъ узявъ,
Съ тіи жъ степовои краины,
За пышную вроду надъ всихъ покохавъ
Дочку карооку Вкраины;
Роскошамы, щастямъ ін винъ повывъ,
Не згадуе більшъ вона ридныхъ степивъ.

5.

Въ хареми Галима зосталась. Вона
Съ походу башу выглядае,
Безъ мылого—трошкы неначе сумна
У пышнимъ садку похожае.
Тамъ бьють водограи, тамъ пахнуть квиткы,
Про щастя й кохання спивають пташкы.

6.

И день такъ, и другый, и третій мына—
Докучыло ій дожыдання!
Четвертый—и чуе съ садочку вона
Звытяжськее зъ бою вертання.

За листямъ сховавшись, вона єдного
Очима шукае кохання свого.

7.

Ось йиде коханый, конемъ выграва—
А що жъ то везуть коло його?
На ратыщи мертва стремыть голова,
Здобутокъ одъ бою страшного.
Отаманъ козацькый колысь ій мавъ,
И въ його баша ій самъ одрубавъ.

8.

Звытяжства ознаку, здобутка того,
На славу пророчои сылы,
Велыть винъ поставыть край двору свого,
Щобъ люде уси зрозумилы,
Що вміе винъ тяжко карать ворогивъ.
И въ двиръ переможець-баша уступывъ.

9.

Галима жъ дывылась... И очи ій
Такъ страшно, такъ дыко глядилы,
Немовъ-бы останни хвылыны свои
У тій голови воны вздрилы.
Пизнала, пизнала безщасна въ ту мыть,
Чыя голова тамъ ганебно стремыть!

10.

Пизнала того, за кымъ сльозы лылысь,
Кого въ риднимъ краи кохала,
Пизнала ти очи, уста, що колысь
Такъ палко вона цилувала!
Погасли ти очи, склепылысь уста,
И кровъ на чоли запеклася густа.

11.

Пизнала уже, и теперъ вона зна,
Кого на роскóши зминяла,
И все, що забула, згадала вона:
И ридну краину згадала,
И виру Хрыстову, и батька свого...
И серце вмистыть не здолало всього.

12.

Скрыкъ дыкый, страшный розитнувсь и затыхъ,
И збиглысь на скрыкъ изъ свитлыци—
Знайшлы воны скоро въ трояндахъ густыхъ,
Галиму знайшлы слугивныци.
Въ садку, де спивалы про щастя пташкы,
Надъ мертвою тыхо схылялысь квиткы.

Вона спива...

Вона спива—и серця порывання
У згукы ти вона перелыва,
Горять огнемъ безмирного кохання
Іи писень пекучіи слова.

Вона спива—и очи молодіи
Яснишъ одъ зорь засялы изъ-пидъ вій...
О, скилько въ ихъ незломнои надіи,
О, скилько въ ихъ на щастя любыхъ мрій!

Нехай спива, нехай ти спивы ллються,
Хай очи ти и сяють, и сміються,
И хай огонь кохання въ ихъ горыть!

Нехай спива! У-друге вже такая
Не зацвите весна ій золотая,
Яка цвите въ души іи въ сю мыть!

* * *

И молылася я, й сподивалася я,
Чы не гляне хочъ разъ любо доля моя.
И мыналы лита, дожыдала іи,
Та даремни булы сподивання мои.
Не диждалася я... И мынулы лита—
Въ серци пустка нима, я теперъ вже не та!
На роботи тяжкій звикувала жыття—
Воно марно пишло, все пишло безъ пуття.
И недоля моя й доси давыть мене,
И та праця тяжка станъ недужый мій гне,
И вже слипнуть одъ слизъ очи кари мои,
А все доли нема—не диждалась іи!...
Ни родыны нема, ни дружыны нема,
Свитъ шырокый усимъ, а мени винъ—тюрма!

* * *

Хвыля за хвылею плеще й зникае,
Зникла—и слиду за нею немае...
На що зъявылась и втопла у мори—
Хто тее знае сказаты?
Те, що зникае въ безкраимъ простори,
Знову чы може вставаты?

Я—така хвыля въ сьому свитовому
Мори таемному, мори хысткому,—
На що зьявывсь и умерты я маю—
Хто тее може сказаты?
Мучусь, радію, клену и кохаю—
Все,—щобъ у ями сховаты.

О, дороги мои, ти, що такъ дуже
Васъ мое серце кохае недуже,
Такъ, якъ и я, вы, души моій мыли,
Втопнете въ мори хысткому.
Де-жъ мы зустринемся—зъ хвылею хвыли,—
Те невидомо никому.

* * *

Витеръ вые, плеще хвыля,
Човенъ хоче потопыть,—
Ты жъ керуй туды спокійно,
Де твоя мета горыть.

Сонце сяе, вабыть душу,
Усмихаючысь, земля,—
Ты жъ керуй туды спокійно,
Де горыть мета твоя.

А Д І И.

Поглянуло сонце зъ небесъ ласкавише,
Пивденнымъ повіяло витромъ
И выразно такъ у холоднимъ повитри
Запахло весною, весною, весною!...
Заплющую очи,
Не бачу ни билого снигу,
Ни голыхъ деревъ,
А чую неначе тыхесенько-тыхо
Шепоче вгори надо мною зеленее лыстя,
А я на шовковій травыци
Лежу й надо мною
Весели схыляються квиты,
И пахнуть, и въ вичи мени зазырають
И кажуть мени: „не журыся!
Стомыла поранене серце зима ся гнитюча,
Намучыла хворіи груды,—
Але те все зныкне: на тебе весна вже дыхнула!
Впывайся, втягай соби въ хворіи груды
Солодкіи пахощи наши
И будешъ здоровый та дужый,
И знову веселе жыття засміеться тоби".
Я знаю се добре
И я роскрываю уста свои, хочу дыхнуты,
И гостре холодне повитря
Пронызуе хворіи груды мени.
Я зъ болю росплющую очи,—
А снигъ навкругы ще й не думавъ рушаты,
И голи дерева, якъ мертви, стоять...
Ой ни! не диждусь я пахущыхъ квитокъ!..

РОЗА.

Мовчкы насунулы хмары
И заляглы округы,
И потемнилы видразу
Лукы, поля и лугы.

Трипалось лыстя, мовъ зъ ляку;
Гнулысь до-долу квиткы;
Ледве плескалася ричка;
Мовъ повмиралы пташкы.

Тыша страшна и нимая...
Ясно-блыскуча стрила
Небомъ счорнилымъ пробигла,
Хмару вогнемъ обвыла;

Мыть ще едына—й одразу
Вдарыло громомъ страшнымъ,
Наче хыталося небо
Й свитъ захытався изъ нымъ.

Лякомъ прыгничени, ждалы
Смерты поля та гаи...
Крапнула крапля и друга—
И полылысь течіи!

Довго съ похмурои хмары
Воды потопомъ лылысь,
Довго громы гуркотилы,
Блыскавкы въ хмарахъ вылысь;

Довго здавалось, що небо
Землю втопыть завзялось,
Покы ажъ хмара поблидла,
Высоко сонце знялось.

Зазеленилы, засялы
Лукы, поля и лугы;
Радисно хвыля моторна
Плеще въ свои берегы;

И голоснишъ, веселише
Защебеталы пташкы,
И запашнише запахлы,
Сяючы пышно, квиткы.

И до блакитного неба
Вся усмихнулась земля—
Рикы и горы зъ лисамы,
Лукы, степы и поля.

На поли.

Блыснулы вже косы, упалы покосы,
Рядкамы снопы полягалы;
Пидъ сонцемъ пекучымъ изъ лыхомъ гнитючымъ
У поли уси працювалы.

Ни писни, ни слова—затыхла розмова:
Вся сыла пишла на роботу;
Зъ облычча, якъ сльозы, течуть на покосы
Струмочкы гарячого поту.

Вже сонечко ныжче и вечиръ все блыжче—
Не роблють потомлени рукы:
Зійды, ничко, тыхо, сховай усе лыхо,
Вкрый груды, знеможени зъ мукы!

И ничъ наступае, плыве-выплывае
И сяе срибломъ мисяченько....
Вже край и роботи... Забувшы турботы,
Сплять батько, и доня, и ненька.

Зиркы-жъ середъ ночи, якъ Божіи очи,
Зъ высокого неба сіяють,
Тыхесенько-тыхо на людськее лыхо,
На стомленый людъ поглядають...

ХЛИБОРОБЪ.

Я убогый родывсь, и въ ти дни,
Якъ вмирать доведеться мени,
Тилько горе та стомлени рукы
Та ще серце, зотлилее зъ мукы,
Я зложу у дубовій труни.

Не велыке я поле зъоравъ,
Та за плугомъ николы не спавъ.
Що робывъ, те робывъ я до краю
И всю сылу, що мавъ я и маю,
На роботу невпынную клавъ.

На тимъ поли каминня було,
Поле все бурьяномъ заросло,
Зупынявся мій плугъ на тимъ поли,
Та не кыдавъ робыть я николы,
А гострывъ свій лемишъ, чересло.

У годыну, въ негоду я тамъ:
Безъ роботы погано рукамъ!
Нехай дощъ и кризь драну свытыну
Сиче згорблену працею спыну,
А спочынку соби я не дамъ!

Скилько поту свого я пролывъ,
Скилько сылы я тамъ положывъ!
Та дармá! бо поорана ныва
Намъ давала багатіи жныва:
Я недурно невтомно робывъ.

Таки жнива зазнавъ я не разъ,
А теперъ вже мынувся мій часъ,
Я вже чую: останнее лито
Бачу я золоте свое жыто,
Бачу, нывы шырокіи, васъ.

Мои диты зберуть урожай...
Усьому наступае свій край,
Винъ прыйшовъ и мени: въ домовыну
Я иду и навикы спочыну,—
Мои-жъ диты зберуть урожай!

Мои диты—дочкы и сыны,—
Уси вкупи зибравшысь, воны,
Якъ почнуть до обиду сидаты,
Будуть хлибъ, що прыдбавъ я, ламаты
И згадають мене у труни.

И за те, що працюючы змигъ
Згодуваты и выкохать ихъ,
То про мене въ ихъ згадка не згыне,—
Писля мене ще довги годыны
Мое дило не вмре середъ ихъ.

Такъ, я вбогый родывсь, та въ ти дни,
Якъ вмирать доведеться мени,
То не соромъ си стомлени рукы
И се серце, зотлилее зъ мукы,
Положыты въ дубовій труни!...

Смутни картыны.

Убогіи нывы, убогіи села,
Убогій, обшарпаный людъ,—
Смутніи картыны, смутни-невесели,
А иншыхъ не знайдешъ ты тутъ.

Не ставъ-бы дывытысь, схотивъ-бы забуты,
Такъ сылы забуты нема:
То ридніи села, то ридніи люде,
То наша Вкраина сама!...

Трыйде.

О, прыйде, запевне, той день,
Що мы видпочынемъ одъ мукъ
И скынемъ зализа важки
Зъ извьязаныхъ стомленыхъ рукъ!

О, прыйде, запевне, той день,
Що гнитъ, и неволя, и кровъ—
Все зныкне на-вики, й тоди
Подужа святая любовъ!

Безсылый не знатыме бильшъ
Одъ дужого въ часъ той наругъ,
Народови руку подасть:
Народъ—його братъ, його другъ.

О, прыйде винъ, прыйде той день,
И хвальный та радисный спивъ
Поллеться по свитови скризь
Изъ устъ у людей, у бративъ!

Про волю и щастя, й любовъ
Казатымуть дывни писни,
Вищуючы людськости ихъ
На довги, довишніи дни!...

До праци.

Праця йедына зъ недоли насъ вырве:
Нумо до праци, браты!
Годи лякатысь! на дило святее
Смило мы будемо йты.

Праця йедына намъ шляхъ уторуе,
Довгый той шляхъ и важкый,
Що ажъ до щастя и доли прямуе:
Нумо до праци мерщій!

Праця не згыне мижъ людьмы даремне;
Сонце засвитыть колысь,—
Дякою насъ тоди люде згадають:
Нумъ же до праци берысь!

Хочъ у недоли й нещасти звикуемъ,—
Долю онукамъ дамо!
Мы на роботу на свитъ народылысь,
Мы для борни жывемо!

Смилыво жъ, браття, до праци ставайте!
Часъ наступае—ходимъ!
Дяка и шана роботныкамъ щырымъ,
Соромъ недбалымъ усимъ!

Юлія Шнайдеръ (Уляна Кравченко).

Юлія Шнайдеръ (Уляна Кравченко), уродылася 1862 р. въ Мыколаеви, въ Галычыни, учылася въ Львивськiй учытельскiй семынарiи, выдала два томы поэзiй „Prima vera“ (1885 р.) та „На новий шлях“ (1891 р.).

На новый шляхъ.

Куды ты, сестро, смилый летъ звертаешъ?
На новый шляхъ? А чы се ты знаешъ,
Що тамъ тя холодъ самоты пройме?
Покынь новый, на втоптаный вернысь,
Забавъ и сплетень кормомъ лышъ кормысь,
А то тя свитъ ледачою назве!

Ледачою? и за що,—ты спытаешъ?
—За те, що духомъ свитъ весь обiймаешъ,
Що хто лышъ чоловикъ—для тебе братъ,
Що серце кращои всимъ багне доли,
Що бунту повне проты самоволи,
Що людськи раны вси його болять!

Покынь ты Божи, ясни идеалы,
Що въ твóимъ биднимъ серци запалалы,

Покынь для спильного добра твій трудъ!
А ни—то погорды́ сучасныхъ су́домъ,
Жый для идей, працюй кровавымъ тру́домъ,
Виддай усе, усе за ридный людъ.

Та якъ кримъ сливъ и слизъ ничого
Ты не несешъ йому,—то розчарованъ много
Узнаешъ ты й пропадешъ у борби,
И закымъ тило ляже ще въ могылу,
Душа утратыть одижъ снижно-билу
И виру чысту въ лютій боротьби.

Не слизъ потрибно, щобъ ставать до бою!
Не сльозы—сылу й жаръ возьмы за зброю!
Ту сылу, що любовъ у груды лле,
Ту миць, щобъ думы въ дило осущаты,
Той жаръ, щобъ зъ зломъ боротысь и прощаты
Все, чымъ тебе невира й злоба бье!

Той жаръ, щобъ вирыть въ правды свита й ждаты,
И йты на трудъ безъ славы и заплаты,
Якъ сонце й дощъ працюють по лугахъ,
Якъ росы ти на пупянкы дримучи
Падуть, щобъ цви́ты зъ ныхъ розвыть пахучи...
Якъ маешъ стилько сылъ,—
То йды на новый шляхъ!...

АГАННЯ.

I.

Суботній вечиръ. И хочъ óбигъ кровы
Морозъ спыняе, люто снигъ скрыпыть,—
Плыве народа гуртъ, жыття кыпыть,
По вулыцяхъ лунае смихъ, розмовы.

Зъ викóнъ выставы ллеться блыскъ чудовый:
Коронкы, квиты, шовкы—все блыщыть,
Прохожи коло шыбъ стають на мыть...
Ось гарна пани—та ажъ морщыть бровы,

Зитхае... На лыци журба вагання:
Шовкъ, чы коронкы? Що купыть на вбрання,
Щобъ королевою на балю буты?

Въ уяви бачыть баль и стать Артура,
Вытаеться, танцюе зъ нымъ мазура...
Стыскъ рукъ... и шептъ... любовы тыхи нуты.

II.

А ó-бикъ неи, зъ тымъ гуртомъ брудным
„Робочыхъ рукъ", що власне йдуть зъ выплаты,
Иде робитныця, журлыва маты,
Лыце пожовкле зъ поглядомъ сумнымъ.

И стала передъ крамыкомъ малымъ,
Перебира въ думкахъ, чого-бъ до хаты
Потрибно заразъ, щобъ дозимоваты:
„Пійты до краму, та не знать за чымъ".

И биль вагання грудь іи вьялыть.
У хати голодъ, зымно, диты голи,—
Якъ гришъ дрибный на все те роздилыть?

Довкола гамиръ, гукъ, жыття бурлыть,
А умъ іи въ блудному бьеться коли:
„Чого купыты,—дровъ, чы бараболи?"

* * *

Сонечко ричкамы золотымы ллеться.
На росыстимъ лузи череда пасеться.
Соловей у лозахъ тьохка, залываесь,
А тамъ у долыни въ свитли хрестъ купаесь.

Пидъ проминнямъ сонця зъ ричкы мряка встала,
А зъ грудей жалибна писня залунала.
Якъ та мряка бида щезне изъ долыны,
Такъ и тая писня залуна й загыне.

Ой не згыне писня, хочъ прогомонила,
Бо та писня въ серци болемъ накыпила.
Ой не згыне думка, якъ та квитка вьяне,—
Вже луна видъ неи мижъ людьмы зистане.

Ой не згыне писня у писень громади,—
Прыймуть ii люде й заховають ради.
А не прыймуть люде писеньку сумненьку,
Знайде вона видгукъ хочъ въ однимъ серденьку.

Андрій Бобенко (псевдонимъ).

Гарни сльозы.

Розходыться витеръ надъ моремъ
И хмарою сонечко крые,
Запинылось море шыроке
И страшно лютуе та вые...
Здіймаються чорніи горы,
Биліють ихъ гребни высоки...
Мижъ горамы ямы клекочуть,
Мовъ печи пекельни, глыбоки...
Надъ моремъ схылылысь понуро
Высоки та голіи скели;
Надъ нымы орлыця литае,
Шукае своеи осели:
—„Оттутъ—на сій скели высокій
Гниздо я соби збудовала,
Та вывела дитокъ маленькыхъ,
Ихъ розуму—правди навчала;
Рослы мои диты на воли
Рослы та до зросту не сталы:
Гниздо мое море розмыло,
Дитокъ моихъ хвыли забралы."
Литае орлыця та й плаче,
И сльозы на море пускае...
А море гуляе та вые
И лыха чужого не знае!

* * *

Не стою я пидъ лыпою
Въ вечери на двори,
Не слухаю, якъ зъ мисяцемъ
Балакають зори;

Не дывлюся, якъ сонечко
Въ-ранци вырынае
И хвылею золотою
Нывы полывае;

Не хожу я надъ ричкою
По темній диброви,
Не слухаю соловейка
И людськои мовы.

Мене лыхо прыгнитыло,
Мени сумно всюды:
Мене доля одцуралась,
Одцуралысь люде;

Мене мисяць не витае
И сонце не гріе,
Мое серце покынула
Вира и надія.

* * *

На пивночи, коло моря,
Де гуляе и говоре
Буйный витеръ на роздолли,
Зросла квиточка на поли
И красуеться въ тумани
На холодному майдани.

И я опынився оттутъ коло тебе,
Моя ты малесенька квитко!
Мене хуртовына видъ ридного неба
Загнала сюды; и не ридко
Я плачу за тебе та долю благаю,
Щобъ ты не замерзла на стужи...
Нехай надъ тобою и сонечко сяе,
И сохнуть кругъ тебе калюжи.

* * *

Запряженый кинь мій стоить у порога
И тупае въ землю ногою.
Прощай же, мій краю, бо мабуть не скоро
Побачуся знову зъ тобою!
Мени ты не ридный, а шкода и дуже,
Тебе мени, краю, покынуть!
Ты давъ мени долю и въ злую годыну
Не давъ одынокому згынуть.
Спасыби велыке тоби, краю мылый!
Того я по-викъ не забуду!
Покы надо мною свитытыме небо,
Про тебе я згадувать буду.
Теперъ уже осинь, а скоро за нею
Зима хыжымъ звиремъ завые
И снигомъ холоднымъ тебе на роспутти
Въ нетопленій хати покрые,
И ты засумуешъ, заснешъ на морози,
Вгорнувшысь у драну свытыну...
Прощай же! бо кинь мій не хоче стояты.
Нехай тебе Богъ не покыне!

Мусій Степановычъ

Кононенко.

Кононенко Мусій Степановычъ, сынъ селянына, род. 1864 р. въ с. Туровци Прылуцького повиту; окримъ поэзій („Нещасне кохання", „Лира", „Княгыня-Кобзарь", та инши), пыше повисти й оповидання.

Заповитъ Ярослава Мудрого.

I.

Умираючы князь Ярославъ
Заповитъ своимъ дитямъ покынувъ,
Щобъ Украина-Русь, край нашъ любый, святый
У рукахъ у сынивъ не загынувъ.
Въ заповити тому напысавъ Ярославъ
Коротеньке та мудрее слово:
„Вы любитеся, диткы мои,
„Та шануйте одынъ вы другого,
„Та щобъ згода мижъ вамы була,
„Васъ-бо ненька одна породыла,

„И тоди васъ нищо не злама,
„Й не здола́ васъ ворожая сыла.
„Колы-жъ буде незгода у васъ,
„То загынете вы, мои диты,
„Та загубыте й край дорогый,
„Буде лыхо винъ тяжке терпиты".

II.

Поховалы сыны свого князя-отця
Та й Вкраиною правыты сталы,
Але батькивъ святый заповитъ
Залышылы воны, занедбалы.
А Украина-Русь, наша маты свята,
Повылася у тугу та горе;
Росплылося по ній князювання нове,
Мовъ хвылясте несытее море:
Братъ на брата війною пишовъ,
Сполучывшысь съ чужою ордою,
И заплакала Русь, застогнала кругомъ,
Полылася недоля рикою...
Не орачъ тоди въ поли спивавъ,
А на нывахъ крукы закрычалы
Та крылату свою велычезну семью
На обидъ на кровавый склыкалы.
И злиталысь, якъ хмары, крукы
Та й довбалы козацькіи очи,
А вже решту сиромы-вовкы
Дойидалы у темнои ночи.

III.

Помынулы ти смутни часы,
За одминамы биглы одмины,—
Видминылось усе, тилько той заповитъ
Не зминывсь ажъ до нашои дныны.

Мы чытаемъ його, заучаемъ його,
Та нема и теперъ у насъ згоды,
И панують надъ намы давно
То одни, то другіи народы.
И втягнулись мы щыро въ ярмо,
Вже щырише неможна втягнутись:
Бо вже ридне, свое—намъ зробылось чуже,
До чужого-жъ мы сталы горнутысь.
И безпечно намъ—въ шкури чужій,
Мы забулы, що йесть у насъ маты,
Ще й безъ сорому кажемъ пидъ-часъ:
„Украини-Руси вже не встаты!“

* * *

Правда, люби мои патріоты-браты,
Украины-небогы сыночкы!
Правда, сестры байдужни мои,
Удовыци старенькои дочкы!
На що здався вамъ край дорогый,
За що вамъ свою неньку кохаты?
Вы зрослы, жывете, непотрибна теперъ
Вамъ убогая ридная маты!

Батурынськи руины.

Плыве о-пивночи надъ Соймомъ рикою
Замысленый мисяць высоко,
Блиде його чоло тугою, журбою
Пронызане дуже глыбоко;

Винъ кыдае поглядъ зъ высокого стану
На чорни, облупани стины:
Булы тіи стины будынкомъ гетьману,
А ныни—сумлыви руины;

Въ руинахъ чорніють, якъ марыща, очи,
Высокіи викна та двери,
За викнамы пугачъ пугука що-ночи,
Неначе на власній кватыри.

И страшно, и сумно ти згукы лунають,
Далеко ихъ чуты зъ будынку,
Въ Батурыни нымы малечу лякають,
Колы вередуе дытынка.

И мисяць засиявъ у стелю диряву,
Гороризьбу ставъ озыраты,
Послявъ и до грубы пасмыну яскряву
На выбытыхъ кахляхъ блыщаты.

Освичуе мисяць высоки руины.
А Соймъ шепотыть мижъ горамы:
„Гей, де вы? Вставайте, батькы Украины,
Сумуе будынокъ за вамы!“

Сирота.

Одынъ винъ зистався у хати,
Одынъ и на свити зиставсь,
Бо тата не ви́да, а зъ ненькою вчора
Хлопчына на-викъ розпрощавсь...

Умерла матуся; хатына сумуе
И пусткою дыше вона...
Теперъ лышъ у наймы сыритци
Лышылася стежка сумна.

И взявъ винъ на плечи торбыну,
Пошарпану шапочку взявъ,
Замкнувъ свою пустку-хатыну
И въ наймы зъ села почвалавъ.

За царыну выйшовъ и бачыть:
Стоять могылкы та хресты,
И хлопця-сыриточку вабыть
На те кладовыще зайты.

Иде винъ на свижу могылу,
Пошарпану шапку здійма,
А въ очахъ зрына якась думка
Глыбока, сумлыва, нима.

Нарешти нахмурылось чоло,
Зирвалось зитхання зъ грудей,
И буйніи сльозы на землю
Покапалы зъ тыхыхъ очей.

Схылылась на груды русява
Сумна, молода голова...
Пишовъ сыротына, а витеръ
Чупрыну його роздува...

И зныклы могылкы, сховалысь,
Не выдно вже навить хреста...
Шапчыну-жъ стареньку и доси
Несе у рукахъ сырота.

ЕЧИРЪ.

Сховалось сонце за горою,
Туманъ легенькый землю вкрывъ,
Шепоче витеръ зъ осокою;
Гайокъ зеленый потемнивъ;
Далеко спивы десь лунають;
На неби зирка мыготыть;
Отары зъ поля поспишають
У холодочокъ одпочыть;
Блакитне небо обгорнуло
Усю рослыну, всихъ людей;
Село въ садочкахъ потонуло;
Затьохкавъ писню соловей...
Моя Вкраино, мій ты раю,
Ты чаривныченько моя!
Я безъ кинця тебе кохаю,
Ще й бильшъ кохаты хочу я!
Хотивъ-бы я тебе рукамы
До серця щыро прыгорнуть,
У очи глянуты очамы
И вже на-викъ тоди заснуть.

ЕСНА.

Прыйшла весна, шумыть Десна
Та хвыли розганяе:
„Пора, пора, вставай видъ сна!“—
До дида промовляе.
Прокынувсь дидъ—Днипро старый,
Реве, гуде, клекоче,
Десна жартуе, гомоныть,
Радіе та регоче,
Та мицно горнеться до вустъ
Дидусенька старого,
Щобъ той вси сны ій розгадавъ,—
Ведуть воны до чого?
—„Я мучылась въ тяжкому сни,“—
Казаты почынае,—
—„Та дай пробуркатысь мени!“—
Днипро перебывае,
И, гнивно свій надувшы вусъ,
Трипоче головою
Та, позихаючы зи сну,
Несе й Десну зъ собою...
—„Яки тамъ сны? Теперъ кажы!“—
Ажъ литомъ Днипръ пытае....
Та въ спеку спыть, мовчыть Десна
И мовыть не здолае...
Лышень витрець шумыть по ній
И нибы тыхо каже:
—„Десна весною ожыва,
Весною сны розскаже!..“

СИНЬ.

Знову темною грядою
Ходять хмары зъ краю въ край,
Знову плынуть, наступають
И на села и на гай.

* * *

Облягае дощъ холодный
Зъ усихъ бокивъ и краивъ,—
Зграя зляканого птаства
Полетила изъ гаивъ.

* * *

Плынуть хмары, вырынае
Мовчазный ихъ чорный гуртъ
И, неначе ти ватагы,
Выплывають тамъ и тутъ.

* * *

Пожовтила вся рослына,
Обезсылила, злягла,
Скризь темнота, скризь негода,
Всюды темрява та мла.

Володымыръ Ивановычъ Самійленко.

Самійленко Володымыръ Ивановычъ, уродывся 1864 р. въ м. Сорочынцяхъ, Мыргородського повиту, учывся въ Кыивському университети, почавъ пысать 1886 р.; окримъ поэзій, напысавъ килька сатырычныхъ оповидань та драматычныхъ творивъ; изъ перекладивъ його видоми: „Иліада", та „Пекло"—Данта.

ГЕРОСТРАТЪ.

Монологъ у трьохъ сценахъ. Діеться въ Эфеси въ 336 роци до Р. Х. Дієва особа—Геростратъ.

I.

Якъ тыхо ничъ чудове покрывало
Розкынула надъ сонною землею!
Нигде ни гуку; все кругомъ поснуло,
И тилько зори высоко тремтять,
Розсыпавшысь по дывній рызи неба,
Та дывлються згоры на землю, наче
Очей тыхъ невсыпущыхъ миріады.
О зори-очи! я пры сянни вашимъ

змову.

Осинь.

е

Знову темною г ... проминямъ
Ходять хма ... высокости,
Знову плы ... ь одбывалась
И на се ... , выща думка...
... ени не одкрывалась,
О ... и вы дывывшысь таину ховалы...
О, хто-жъ, о що-жъ мени промовыть слово?
О, земле пышная, тебе пытаю!
О, небо, злотомъ затканый блакыте,
До тебе я звертаюся зъ пытаннямъ!
О, все створиння дывнее, безкрае!
Скажить мени, на вищо вы безсмертни,
На вищо вамъ кинця нема й почыну,
Вамъ, що души не маете, ни думкы;
А я, мижъ васъ розумная истота,
Я мушу вмерты, за хвылыну зныкнуть;
Я, що можу́ васъ розумомъ дознаты,
Котрый даю вамъ мення и названня
И розризняю въ васъ добро и зло,
Я мушу вмерты, и той самый часъ,
Що я дилю на рокы, дни й годыны,
Мене въ нищо поверне... Горе, горе!
Але жъ душа моя бажае жыты,
Але я хочу чуты й знать до вику,
Дывытысь на отсю красу створиння,
Втишатысь радостю правдывыхъ дилъ,
Болиты й мучытысь, неправду зрячы!
И все те довго, довго, виковично.

Та ни, дарма бажання; за хвылыну
Увирветься життя коротка нытка,
И за хвылыну вже мене не стане;
Нема очей, що бачыты хотилы,
Немае розуму, що знання прагнувъ,
Немае навить самого бажання.
Кинець. Нищо... Нищо, та й годи. Такъ.
Але якъ такъ, на що було родытысь?
На вищо се життя тоди здалося?
Колы не вичнисть, то не все одно
Хиба, що рикъ, що десять, що ничого?
О Мойра, Мойра! люта, невблагана!
Замисць безсмертя людямъ ты дала
Даремнее бажання, а надію
Лышыла тымъ, хто розумомъ дытына.
О, видберы-жъ одъ мене розумъ мій,
Дай вирыты тому, що буть не може:
Я безъ сіеи виры не можу
Щаслывымъ буты въ цимъ жытти злыденнимъ!

II.

На що здалось мени мое життя?
Хиба на те, щобъ дожыдаты смерты,
Та долю дякувать за кожный день,
Що зъ ряду довгого викивъ одвичныхъ
Вона мени зхотила видступыты.
Але на вищо сей никчемный жартъ?
Хиба не краще такъ сказаты доли:
Визьмы твій даръ никчемный: ось де винъ;
Не хочу я твоеи мылостыни.
Сказаты,—такъ сказаты змигъ-бы я,
Але де сыла, щобъ оте справдыты?
Хиба зробывъ-бы я не навпакы,

Колы-бъ прыйшовъ часъ стра́шного сконання,
Хиба-бъ я не сказавъ: „о, пидожды,
Моя ты смерте, дай ище пожыты
Хочъ рикъ одынъ, хочъ день, хоча хвылыну!"...
Ни, не тому жытя свого ришатысь,
Хто тилько вичностю задовольныться.
О, що-жъ робыты, щобъ и смерть саму
Перемогты и долю одурыты?
Невже немае способу такого?
Ни... кожный умира, и рядъ викивъ
Його безъ жалю забуттямъ покрые...
О, що кажу я? що кажу? Хиба-жъ
Усихъ покрыло забуття собою?
Хиба такыхъ на свити не було,
Що ихъ имья викы пережывае?
О, Ахилесе! Гекторе! Патрокле!
О, тини велетнивъ славетныхъ нашыхъ!
О, славніи творци поеты вмерли!
Немае васъ, а слава вашыхъ дилъ
Пережыва людськіи поколиння
И йменя ваши въ памьяти людей
Зистануться на викы незатерти,
А будуть завшъ поверхъ усихъ именъ.
Такъ масло чыстее въ води не тоне,
Хоча-бъ налывъ на його циле море:
Воно зплыве на верхъ такъ само чысте.
Такъ сонця ясного не скрыють хмары,
Нехай зберуться скризь на цилимъ неби.
Розійдуться воны,—и зновъ, якъ перше,
Воно засяе свитломъ променыстымъ.
О, велетни герои! васъ згадавшы,
Я душу смутную свою розважывъ.
Такъ, значыть, можна смерть перехытрыты,
И хочъ не жыты справди на земли,
Та все-жъ себе частыну тутъ покынуть

И, частку ту, имья, зробыть безсмертнымъ.
Нехай же прыкладъ вашыхъ славныхъ дилъ
Навчыть мене й мое имья прославыть,
Щобъ, пережывшы самого себе,
Зистався я на вики въ згадци люду.
О, я зроблю велыке щось таке,
Що буде бильше надъ дила героивъ,
И пиднесуть высоко вси вики
Надъ вси имéна имья Геростратa.

III.

Ни, не мени творыть дила славетни
И не мени прославыты себе...
Чы йесть нещастя бильше, якъ бажаты
Вчыныты щось велыке й не змогты
Найменьшого вчыныты дила навить?!
Недавно ще я думавъ, що зможу
Велыкымъ диломъ здывуваты землю,
И вже теперъ напевно я дознавсь,
Що не зможу я вдіяты ничого,
Що вдався я невдатный ни до чого,
Бувъ часъ—я думавъ, що військова слава
У бои зъ ворогомъ мене покрые.
И що-жъ?—У першій бійци зъ ворогамы
Я втикъ, перелякався смерты: такъ
Никчемный рабъ одъ батога тикае.
Я побоявся, що сконаю нагло,
Не вдіявшы велыкого замиру,
И невымовный жахъ понисъ мене
Видъ бою стрáшного геть-геть далеко,
И вже не скоро я опамьятався.
Я клявъ себе, я зъ себе глузувавъ,
Я самъ себе соромывся, та дила

Неможна вже було вернуты. Потимъ
Я думавъ ще поэзіи виддатысь;
Але зъ моеи першои поэмы
Уси сміялысь тилько: скоро й самъ
Побачывъ я, що я й на те не вдатный.
За все друге я навить и не брався:
Я знавъ кинець, ище й не почынавшы...
И отъ теперъ до першого страху
Передъ никчемностю й небуттямъ вичнымъ
Ще долучылася жадоба помсты.
Кому—не знаю: не богамъ Олымпа,
Бо имъ не вирю я; не другымъ людямъ,
Бо знаю я, що не повынни люде;—
Але жадоба невгамонна помсты
За власную никчемнисть, якъ огонь,
Пече мене и не дае спокою.
А першее жадання дилъ велыкыхъ
Не згасло тежъ и груды розпаляе...
О, що-жъ зроблю я? що зроблю теперъ
Я, що ничого не можу зробыты?
Чы я зтерплю, щобъ вичнисть тымъ досталась,
Хто навить и не думае про неи,
Хто, може, й се життя вважае довгымъ?
Ха! ха!... тымъ навить, хто не жывъ николы,
Достанеться хвала людська на-викы.
Безсмертни, бачъ! Кроніонъ! Гера! Фебъ!
И Артемида!—вси воны безсмертни,
Хочъ не булы зовсимъ, а Геростратъ,
Котрый не важыть ихъ усихъ ни за що,
Той—эфемерная истóта. Навить
Сей храмъ, сей свидокъ зáблуду льюдського,
Бездушная будова, що звелы
Таки жъ, якъ я, створиння эфемерни,
И той пережыве викивъ багато,
Стоятыме й тоди, колы мои

Кисткы потліють и имья погыне...
О, страшно якъ! мишается мій розумъ...
Невже ничого я?...
Знайшовъ! знайшовъ!
Не диломъ хвальнымъ я себе прославлю:
Нехай страшне, нечуване злочынство
Имья мое викамъ перенесе;
Нехай усякъ, здригнувшыся видъ жаху,
Страшне имья промовыть: Геростратъ!
Нехай диды, розсказуючы внукамъ
Про вчынокъ мій, имъ скажуть: се зробывъ
Безумець Геростратъ...
Але до дила!
Сей храмъ, що будувався стилько рокивъ,
На котрый стилько сылъ зложылы люде,
И часу стратылы, и скарбивъ всякыхъ,
Котрый стоить окрасою земли
И славою безсмертною богыни,
Сей пышный храмъ, сю святощъ для народивъ
Зруйную заразъ я въ одну годыну.
Вси сплять кругомъ. Нихто не перешкодыть.
Я заразъ же...
(Бижыть до храму и высикае огонь).
Огонь, ось хто поможе
Мени мое вчыныты дило. Ну-жъ,
Палы мерщій сю гордую будивлю;
Нехай вона скалкамы розлетыться
Й розсыплеться. Руиною страшною
Свое имья спасу я видъ руины.
(Пидпалюе храмъ).
Готове вже. Теперъ нихто не зможе
Мого страшного дила зупыныты.
Горыть! горыть! о, якъ загоготило!
Ха! ха! ха! ха! Безсмертна Артемидо,
Рятуй свій храмъ! Чого жъ ты не рятуешъ?

Адже безсмертна ты, адже могуча,
А Геростратъ—никчемнее створиння.
Ха! ха!... якъ легко я твою велычнисть
Никчемностю своею перемигъ!
Ага! шкварчыть! ха! ха! ха! ха! нехай,
Нехай ще краще розгорыться. Потимъ,
Колы тутъ камня цилого не стане,
Пиду я объявлю свое имья.
Ха! ха! ха! ха! чому ранишъ не знавъ я,
Що легко такъ безсмертнымъ можна статы?
Теперъ безсылый часъ мого имья
Не зможе зтерты зъ памьяты людськои,
И скризь, де знатымуть дила героивъ,
Згадають тежъ безумця Геростратa.

(У храми починаеться галасъ и бганына. Гасять огонь).

Що, гасыте? ни, пизно, пизно вже:
Не загасыты вамъ моеи славы!
Вона безсмертна! чуете?—безсмертна!!...

1888 р.

Людськисть.

Я вирю въ кращый часъ, але душа болыть:
Хотилось-бы теперъ, у сю славетну добу,
Душею пиднестысь, зрадиты хочъ на мыть,
Якъ не людей знайты, то хочъ людську подобу.
Героивъ часъ мынувъ,—що-жъ, будемо й безъ ныхъ!..
Але невже нема ни искоркы чесноты,
Невже кримъ пышныхъ фразъ та порывивъ дрибныхъ
Ничого вже нема въ найвыщои истоты?
Мы ради за прогресъ, и отъ зо всихъ краинъ
Мы на выста́вы йдемъ съ культурнистю своею.
Колы-жъ той буде часъ, що бильше, нижъ машынъ,
Мы выставымъ людей зъ высокою душею?
Чы блызько ти часы? А вже земля стара;
Вже пидтопталысь мы на довгій тій дорози.
Чому-жъ не бачымо тыхъ правды та добра,
Що такъ обрыдлы вже въ поэзіи й у прози?
Мы розумомъ мицни, нашъ розумъ давъ намъ ладъ;
Мы й непросвиченыхъ уміемъ просвищаты,—
И отъ, щобъ нашъ прогресъ не видступывъ назадъ,
Повынни мы держать набытіи гарматы.
О, розумъ, ось нашъ Богъ! Мы по стилькохъ викахъ
Такы знайшлы його й утишылы людыну,
Та ставшы мудрымы, мы кынулы на шляхъ
Найкращую души людськои половыну.
Немае серця въ насъ. Колысь кохалысь мы
Хочъ безъ теоріи, та щыро, серцемъ чыстымъ,
Теперъ миркуемо надъ свитомъ и людьмы,
И надъ машынамы, й надъ щастямъ особыстымъ.
Найкращи по́рывы, гарячи почуття
Розсиклы мы ножемъ холоднымъ миркування

И склалы мы соби розмирене жыття
Безъ глыбыны думокъ, безъ сылы порывання.
Немае творчосты, поэзія въ багни,
И филозофію теперъ мы осміялы.
А геній—на що винъ для рою комашни?—
Намъ будуть фабрыкы куваты идеалы.
И сумно за нашъ часъ, и шкода тыхъ викивъ,
Що нибы намъ далы велыкіи успихы,
И хочеться скоришъ, щобъ проминь заяснивъ,
Щобъ серцеви знайты хочъ небагато втихы.

Не вмре поэзія.

Не вмре поэзія, не згыне творчисть духа,
Покы жыве земля, покы на ій жывуть,
Покы прыроды гласъ людына серцемъ слуха,—
Клопоты крамарськи іи ще не забьють.

Не вмре поэзія, покы душа бажае
Зырнуты въ ти краи, де око не сягне,
И хоче зъ межъ вузькыхъ порватыся въ безкрае,
Щобъ зрозумиты все небесне и земне.

Не вмре поэзія, хочъ людськисть цила стане
Про йижу тилько дбать, про духъ забувшы свій:
Потреба выщого бажання въ серци встане
И выклыче въ души рои забутыхъ мрій.

И вични голосы творцивъ изъ-за могылы
Промовлють до людей, що серця позбулысь,
И наберуть воны видъ ихъ новои сылы,
И будуть серцемъ жыть, якъ и жылы колысь.

И покы на земли ще йе одна сльозына,—
Поэзія іи нащадкамъ передасть,
И покы мижъ людьмы ще втиха йе невынна,—
Поэзія въ іи ще радощивъ додасть.

А якъ що людськосты зла доля прысудыла
Диждатыся колысь жыття свого кинця,
То буде на земли останняя могыла—
Останнього спивця.

Гришныця.

Твій знивеченый выдъ, позападали очи,
Де обвелы свій слидъ прожыти гришно ночи,
И безсоромна ричъ, и нависна хода—
Все те гыдлывости въ мени не прокыда.
Я не жахаюся, мовъ гадыны якои,
Тебе, прыныжена, занедбана всима!
Нема въ моій души къ тоби зневагы злои
И сливъ докирлывыхъ на языку нема.
Мене велыкый жаль и дума обіймае
Про молоде жыття, що марно пропадае;
Оповида мени твій помарнилый выдъ,
Про те, якъ не зъ добра ты занедбала стыдъ;
Якъ горе—й не одно—твои дивочи лита
Спиткало, и його ты зтерпить не могла,
Бо молода була, не бачыла ще свита,
И ты шляхомъ гриха заплющывшысь пишла.
Недоля зла тебе въ страшну безодню пхнула.
Упала въ неи ты, упала и забула,
Чы йе видтиль назадъ надія вороття
До щастя першого, до чесного жыття.
И думку навить ты про те видъ себе гнала,
Шукала забуття, а думка мымохить
Зъ самого дна души марою вырынала,—
И довго не могла ты серцемъ зачорствить.
Але теперъ ты вже загынула на-вики,
И шкода такъ тебе, занедбана всима!
Росте въ моій души до тебе жаль велыкый,
А сливъ на языку докирлывыхъ нема.

1884 р.

Непевнисть.

Якъ-бы знаття, що треба жыть
И сподиватысь и бажаты,
То жывъ-бы такъ, щобъ кожну мыть
Для цили одніи виддаты,
Щобъ и хвылыны не згубыть,—
Якъ-бы знаття, що треба жыть!

* * *

Якъ бы знаття, що все дарма,
Що въ руху вичному створиння
Меты ніякои нема,—
На вищо радощи й болиння,
На вищо намъ и жызнь сама,—
Якъ-бы знаття, що все дарма!

1888 р.

Найдорожча перлына.

Бачывъ я усяки перлы
И коштовни самоцвиты,
Але йесть одна перлына,
Що зъ усихъ найкраща въ свити.

Купувать ii неможна,
Або нею торгуваты;
Ii часто мають бидни
И частише, нижъ багати.

Ту перлыну не дистаты
Ни съ печеръ земли, ни зъ моря:
Тилько той ii знаходе,
Хто чуткымъ родывсь до горя.

Одибрать ii не зможе
Ніяка злоба несыта.
Йесть вона—сльоза святая,
За нещасный людъ пролыта.

1886 р.

* * *

Ти въ дорогу выряжалы
Сестрыци, подругы й браты;
Всього найкращого бажалы,
Скоришъ вернутыся казалы
Зъ не дуже довгои пути.

—

И не було плачу й рыдання,
Колы сказалы: „ну,—пора!"
На вищо? швыдко часъ стриваннія,
Прыбуде знову ихъ кохання,
Зновъ буде—подруга й сестра.

—

Одынъ тамъ бувъ: у його груды
Плачемъ сповнялыся тяжкымъ,
И думавъ винъ: „вона прыбуде,
Але мени ничымъ не буде,
Якъ не була ранишъ ничымъ!"

—

Та винъ не плакавъ, хочъ блыщала
Сльоза не вдержана зъ-пидъ вій,
Бо... чымъ вона для його стала,
Вона зовсимъ того не знала,
А винъ не смивъ сказаты ій.

Весною.

Веселыться земля;
Зеленіють поля;
Розвылыся гаи и дибровы;

Соловейко въ садку
Тьохка писню дзвинку;
Одъ квитокъ духъ несеться чудовый.

А повитря легке
И проминня палке
Въ серци мріи роемъ пидіймають;

И мовъ сыла нова
У грудяхъ прыбува,
И въ души якись спивы лунають.

Все збудылось одъ сну,
Зустричае весну,
И роскишна прырода Вкраины

У велычній краси
Вабыть погляды вси,
Наче лычко вродпыве дивчыны.

1888 р.

На печи.

(Украинська патріотычна дума).

Хочъ пролежавъ я цилый свій викъ на печи,
Але завше я бувъ патріотомъ,—
За Вкраину мою, чы то въ день, чы въ ночи,
Мое серце сповнялось клопо́томъ.

Бо та пичъ—не чужа, украинська то пичъ,
И думкы надыха мени ридни;
То мій Лугъ дорогый, Запорожська то Сичъ,
Тилько въ формы прыбралась выгидни.

Наши предкы колысь за-для краю свого
Трудъ важкый пидіймалы на плечи,
Я жъ умію теперъ бороныты його
И служыты, не злазючы зъ печи.

Эволюція зна́чна зайшла видъ часивъ,
Якъ батькы боронылысь війною,—
Замисть куль и шабель у новыхъ діячивъ
Стало слово гаряче за зброю.

Може зброя така обороныть нашъ край,
Але й зъ нею прекепська робота:
Ще пидслухае слово якесь полицай
И въ холодну завдасть патріота.

Та мене почуття обовьязкивъ своихъ
Потягае служыты народу;
Щобъ на душу не впавъ мени зрадныцтва грихъ,
Я знайшовъ соби добру методу.

Такъ нехай же працюють словамы й перомъ
Ти, що мають дви шкуры въ запаси...

И, розважывшы такъ, я виддався цилкомъ
Праци тій, що йедыне на часи.

На таемныхъ думкахъ, та на мріяхъ палкыхъ
Я роботу народну обмежу;
Та за те-жъ для добра землякивъ дорогыхъ
Я безъ мрій и хвылыны не влежу.

И у мріяхъ склыкаю чысленни полкы
Зъ тыхъ, що статы за край свій охочи,
Слово-жъ маю на те, щобъ ховаты думкы,
Якъ що зражують ихъ мои очи.

До пысьменства я клычу,—звычайно въ думкахъ,—
Щобъ свитылы надъ нашою ниччю,
Хочъ на жаль, маты кныжку народну въ рукахъ
Я прызнавъ небезпечною риччю.

О, Вкраино моя! я звьязавъ свій языкъ,
Щобъ кохаты безпечно идею.
Але въ грудяхъ не можу я здéржаты крыкъ
У годыну твого ювылею.

„Ще стоить Украина! не вмерла вона,
И вмираты не мае охоты:
Кожна пичъ украинська—фортеца мицна,—
Тамъ на чатахъ лежать патріоты.“

Слава-жъ намъ! бо колы-бъ духъ народу погасъ,
Не стерпившы свого лыхолиття,
То по йому хочъ зó два прымирныкы зъ насъ
Дочекають нового столиття.

Слава намъ! хочъ-бы вмерла Вкраина колысь,
Іи слидъ буде легко шукаты,
А щобъ краще на-викъ ти слиды збереглысь,
Буде зроблено зъ насъ препараты.

1898 р.

До поэта.

Поэте, не хвалысь, чы маешъ хлибъ, чы ни:
Якее намъ до того дило?
Ввесь обовьязокъ твій—складаты намъ писни,
Але не дбать про власне тило.
Не будемъ мы пытать, чы йивъ ты, чы не йивъ,—
Чы липше намъ, чы гиршъ видъ того?
А може загуде ще краще вищый спивъ
Зъ харчивъ Антонія святого!
Колы сатырыкъ ты, то голодъ добрый тымъ,
Що дасть сатыри бильше злосты;
Якъ лирыкъ ты, то знай, що зъ черевомъ легкымъ
Литаты легше въ высокосты.
Голодный день-у-день, або хочъ черезъ день,
Змицнышъ ты въ утлимъ тили духа
И гостро такъ утнешъ, що видъ твоихъ писень
Мы вси позатуляемъ вуха
И скажемъ: пессимизмъ въ зобра́женню жыття
Въ йому занадто розвынувся,
А справжній бувъ поэтъ, та шкода, що пуття
Не буде зъ його, бо схытнувся.
И пожалкуемо, бо добрый мы народъ,
Бо добристь наша певна хыба;
Не разъ, наслухавшысь сумныхъ якыхъ прыгодъ,
Мы ради навить даты хлиба.
А ты не дбай про хлибъ,—то бувъ-бы зъ тебе глумъ,—
Тоби-бо йисты не подоба:
Ты джерело писень, творець высокыхъ думъ,
А не звычайная особа.
Втишайся жъ нектаремъ, амброзію глытай,
Спивай, та тилько щобъ не сумно,

Бо въ викъ нашъ пóступу журытысь черезъ край
И непрактычно, й не розумно.
А якъ, знесылывшысь, ты ляжешъ у труни,
Тоди то намъ тяжки клопоты!
Складаты некрологъ, хвалыть твои писни
Й твои нескинчени роботы.
Мы будемъ бытыся за те, хто блыжчый бувъ
До тебе зъ насъ, якъ жывъ ты въ свити;
Мы будемъ плакаты, що рано полынувъ
Ты геть видъ насъ у пышнимъ цвити.
И слово кожнее, яке есы прорикъ,
Смутыть намъ буде серце бидне,
И такъ тужытымемъ, ажъ покы намъ за рикъ
Про тебе памьять не обрыдне.

Горе поэта.

Люде добри! пожалійте
Бидолашного піиту,
Що видъ горя, видъ наругы
За слизьмы не бачыть свиту.
Розскажу вамъ все. Учора
Я зайшовъ соби въ крамнычку,
Щобъ на вечиръ запастыся,—
Лойову купыты свичку.

* * *

И гыдкый, поганый крамарь
(Чы бува що въ свити гирше?!)
Загорнувъ мени ту свичку
У мои чудовни вирши.
Видъ зневагы, видъ досады,
Не заснувъ я цилу ничку.
Боже! у мою поэму
Лойову вгорнулы свичку!

* * *

Ту поэму виршъ по виршу
Я складавъ старанно, пыльно,
Переличувавъ трохаи,
Розмирявъ ихъ такъ прыхыльно,
Роскудóвчывшы волосся,
Не одну пысавъ я ничку...
И въ чудовную поэму
Лойову вгорнулы свичку!

* * *

Я, скинчывшы ту поэму,
Самъ виднисъ іи въ цензуру,
Самъ продавъ іи въ кныгарню,
Самъ продержавъ коректуру.
Выдавець мени за неи
По копійци давъ за стричку—
И въ такый утвиръ коштовный
Лойову вгорнулы свичку!!.

* * *

Ни, не хочу бильшъ терпиты
На земли неправды злои.
Хай же смерть мене сховае
Видъ наругы нависнои!
Напышу останни вирши,
Та тоди изъ мосту въ ричку.
Якъ? въ мои чудовни творы
Лойову вгорнулы свичку!...

* * *

Напышу я въ заповити:
Хай сховають мене въ поли,
Хай высокый хрестъ поставлять,
Щобъ выднивсь на всимъ роздолли.
На хрести жъ, на вичный спомынъ,
Мидну хай прыбьють таблычку
И напышуть: „Въ його творы
Лойову вгорнулы свичку".

1886 р.

Патріота Иванъ.

Що за славный патріота
Нашъ Иванъ, якъ-бы хто знавъ!
Тилько що роззявыть рота,
Про народъ уже й почавъ.
А казать промову стане,
То й не жды, щобъ бувъ кинець.
Патріоте нашъ Иване!
Ты, ій-Богу, молодець.

* * *

Въ його духъ зовсимъ народный:
Не пизнишъ, якъ за симъ рикъ
Стане винъ (хочъ благородный!)
Говорыты, якъ мужыкъ,
Ще й кныжкы пысаты стане
Про народъ нашъ Иванець.
Патріоте нашъ Иване!
Ты, ій-Богу, молодець.

* * *

Винъ чытавъ кныжокъ багато,
Зможе де-що й цитувáть.
Въ голови його напхáто
Стилько, що й не розибрать.

Стрине труднисть—тилько гляне,
Вже й знайшовъ ій ришенець.
Патріоте нашъ Иване!
Ты, ій-Богу, молодець.

* * *

Працю винъ шануе дуже,
„Въ праци все, мовлявъ, лежыть".
Тыхъ, хто бáтькивщыни служе,
Скризь винъ радый похвалыть.
Винъ и самъ колысь прыстане
До роботы... въ гаманець.
Патріоте нашъ Иване!
Ты, ій-Богу, молодець!

1868 р.

ПРЫГОДА.

Я надъ берегомъ пышнымъ Днипрóвымъ
Пидъ кущамы самотный сыдивъ,
И въ моимъ гаманци шагренóвимъ
Було цилыхъ пятнадцять рубливъ.

* * *

Я сыдивъ и дывывся на воду
И про речи поважни гадавъ,
Про прызнáчення людського роду,
Про значиння моральныхъ объявъ.

* * *

Я казавъ: „безперечно, людына
Йе винець для створиння всього.
О, якая чудова картына
Його розумъ, моральнисть його!"

* * *

И я ставъ на сю тему гадаты,
И не мигъ я втриматысь одъ слизъ,
И, щобъ хустку до носа дистаты,
Я въ кышеню рукою полизъ.

* * *

Але... гвалтъ! де жъ гаманъ мій подився?!
И я сльозы ще дужче пустывъ,
Головою на рукы схылывся
И засмученый такъ говорывъ:

* * *

„Хочъ людына chef d'oeuvre у прыроды,
А злодюга—створиння винець,
Але... на що жъ робыть таки шкоды
И на вищо тягты гаманець?!..."

1888 р.

Днипрова-Чайка (псевдонимъ).

БУРЯ.

Реве витеръ середъ плавни,
Верболозъ ламае,
По Днипрови, наче вивци,
Хвыли наганяе,—
Наче вивци билорункы
Въ ревучій отари;
Сывый мисяць, наче чабанъ,
Выглядае зъ хмары.
Вже не ничку, вже й не другу
Реве заверюха,
Якъ на бидну сыротыну
Завзята свекруха.
Чорне море закыпило,
Дметься Днипръ горою,—
Не одну сердешну жинку
Зробыть удовою...
Реве витеръ, ажъ до хвыли
Вербы нахыляе,—
Бидну вербу люте горе
До-долу згынае.
Стогне витеръ, чайка скыглыть,
Серце надрывае—
Бидна вдова зъ сыротамы
Долю проклынае.

На лыманi.

Рой широко лыманъ
Розлывается,
Верболозомъ кругомъ
Винъ квитчается.
Надъ нымъ сонце ясне
Усмихается
И по хвыляхъ вогнемъ
Розсыпается.
Внтерець подыха
Тыхо, зъ ласкою
Макивкы колыха
По-надъ рясною,
А пидъ нею въ води
Гуля рыбонька:
Очи ясни,—сама
Наче срибненька;
Очеретъ шелестыть—
Нагынается;
Качкы тыхо плывуть—
Не лякаються.
За водою каюкъ
Тыхо сунеться:
То заверне у бикъ,
То закрутыться.

Людмыла Мыхайловна

Старыцька.

Старыцька Людмыла Мыхайловна урод. въ Кыиви 1868 р., вчылася въ Кыивськiй гимназiи, почала пысать р. 1886—поэзiи, оповидання, романы, драматычни пьесы.

ТАДИ-МНОЮ ЛИСЪ ШЕПОЧЕ.

Тади-мною лисъ шепоче,
Биля нигъ струмокъ бижыть,
И, мовъ спогады мынули,
Лыстя жовтее летыть.
И шепоче лисъ старезный,
И струмокъ дзвеныть мени:
„Годи, годи, дурню, марыть
Про кохання та писни!
Все на свити симъ—хвылынне
И довичнього нема,—
Швыдко серце твое вильне
Визьме крыгою зима;
Згасыть въ серци пламинь виры,
Згасыть думы, зныщыть все,
И высоки вси замиры
Генъ по витру рознесе!“

Зъ Надсона.

У сни мени марылось небо,
Все въ зоряхъ яскравыхъ кругомъ,
И журно похылени вербы
Надъ ясно-блакитнымъ ставкомъ.

Будынокъ твій билый въ гайочку
У кетягахъ рясныхъ бузка...
Въ викни твоя постать билила
Хороша, сумна та струнка.

Ты плакала,—ясни перлыны
Бренилы на ясныхъ очахъ,
И плакалы пышни троянды
Й рыдавъ соловейко въ кущахъ.

И зъ кожною тою сльозою
Край нигъ твоихъ въ темнимъ гаю
Свитлякъ самоцвитомъ займався,
И небо роныло зорю...

1898 р.

* *
*

Пидъ чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве
Кризь море бурхлыве й страшне...
Ты-жъ знаешъ, якъ темно въ симъ серци смутнимъ—
И тяжко ганебышъ мене!

Невирне, мовъ витеръ, серденько твое
Видъ мене до иншыхъ майне!...
Пидъ чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве
Кризь море бурхлыве й страшне!...

Осыпъ Маковей.

Маковей Осыпъ урод. 1867 р. въ мист. Яворови, въ Галычыни, въ мищанській симьи, скинчывъ Львивськый университетъ; авторъ килькохъ повистей и велыкого чысла оповидань, а такожъ фельетонивъ и публицыстычныхъ та крытычныхъ стативъ.

СОНЪ.

Тыхый сонъ по горахъ ходыть,
За рученьку щастя водыть.
И шумлять лисы вже тыхше,
Сонъ мали квиткы колыше.
Спить, мои дзвиночкы сыни,
Дыки рожи въ полоныни!
Не шумить, лисы зелени,
Спаты йдить, витры студени!
Най квитонькы сплять здорови,
Най имъ сняться сны чудови!
А-жъ*) на неби зазоріе,—
Сонце ихъ малыхъ зогріе;
И зогріе, поцилуе,
И свитамы помандруе.
Тыхый сонъ по горахъ ходыть,
За рученьку щастя водыть.

1899.

*)=якъ.

У Г А.

Бижыть у яръ вода,
Бижыть вода и сриблomъ ллеться;
Надъ нею дивчына сміеться,
Роскишна, молода.

* * *

Голубко, не втикай!
Скажы мени ту гарну казку
Про радощи, дивочу ласку,
Скажы про тыхый рай!

* * *

Ахъ, казочко моя!
Я чувъ іи, а де—не знаю,
Забувъ—и зъ тугы занываю,
И радъ-бы вмерты я,

* * *

Зъ водою поплывсты
Въ далекый свитъ, щобъ не тужыты,
Або тутъ сéрденько зложыты,
Квиткамы заросты!

* * *

Шумилы-бы лисы,
Шумилы-бы мени дибровы
Про чары вичнои любовы
И вичнои красы.

1899.

* * *

И я умію писню,
Умію не одну,
То тыхо-мылозвучну,
То гримко-голосну.

—

Я такъ люблю ти спивы,
А я ихъ самъ зложывъ
У тыхи хвыли щастя,
У хвыли, якъ тужывъ.

—

Одна сильськый дзвиночокъ
Нагадуе мени,
Якъ въ сумерку вечирнимъ
Дзвеныть у тышыни.

—

А друга сумъ наводыть,
Стае понурымъ свитъ,
Мовъ витеръ хмару клыче
На ясный небозвидъ.

—

И зарояться разомъ
Крылатіи думкы,
Бренять, летять и вьються,
Якъ въ пасици пчилкы.

Де вы, де вы, мыли другы?
Чомъ теперъ васъ тутъ нема!...
А безъ васъ роскишный пивдень
За-для мене, мовъ тюрма.

III.

Якъ дви крапли въ бурнимъ мори,
На хвылынку мы зустрилысь;
Нанеслась новитня хвыля,—
Мы на-вики розлучылысь.

Знову самъ я на чужыни...
Не побачымось николы...
Серце ные... Въ грудяхъ важко...
Доле!... Доле!... Люта доле!...

IV.

Часомъ сонце кыне проминь
Въ темну—темную хатыну,
Розжене холодну сутинь
Та й щезае за хвылыну.

И темныцю зновъ затоплять
Хмары чорни, непрозори...
Такъ безъ васъ зо мною сталось,
Дорогіи, ясни зори!

Хочъ на двори жаръ палючый,
А душа прымерзла й стогне...
Сутинь очи застеляе...
Нервы плачуть... Кровъ холоне...

V.

Горди пальмы... Думни лавры...
Манячлывый кыпарысъ...

Океанъ тропычныхъ квитивъ...
Ще й цвите цытрынный лисъ...

Я хытнувсь, бо наче впывся
Зъ аромату тыхъ квитокъ.
Ажъ погляну: коло пальмы
Простый жытній колосокъ.

—„Гей, земляче!“—шепче колосъ,
Похылывшысь на стебло:
„Мы—чужи для сього раю,—
Що-жъ сюды насъ прынесло?“

VI.

Знову серце заболило,
Зновъ у-щерть набигло горя...
Я пишовъ соби изъ миста
На безлюдный беригъ моря.

Писочаная ривнына...
Море-жъ—гребни голубіи.
Пина бьеться въ побережжя...
Витерець изъ моря віе.

Задывывся я на море;
Хвыли плещуться объ ногы,—
Ихъ глухее воркотиння
Заколысуе тривогы.

Сонце граеться у водахъ,
Въ тому срибли та крыштали.
Въ цилимъ мори—щастя й радисть...
Розплылысь мои печали.

1898.

Максимъ Семеновычъ Славинський.

Славинський Максимъ Семеновычъ (псевдонимъ Ставыський), сынъ селянына, уродывся въ с. Ставыщахъ, Таращанського повиту, въ Кыивщыни, скинчывъ Кыивський университетъ; писавъ переклады зъ Гейне и оригинальни поэзіи, що булы друковани въ „Зори“, „Жытти и Слови“.

ТЕРЕСПИВЫ.

1.

* * *

Колы розлучаються двое,—
За рукы беруться воны
И плачуть, и тяжко зитхають,
Безъ лику зитхають сумни.

Съ тобою мы въ двохъ не зитхалы,
Николы не плакалы мы;
Той жаль, оти тяжки зитхання
Прыйшлы до насъ згодомъ самы.

2.

* * *

На лыченьку у тебе
Цвите весна красна,
А въ серденьку—холодна,
Суворая зима.

Те все мыне, якъ завжде
На свити все мына,—
Зима на лычку буде,
А въ серденьку—весна.

3.

* * *

Злякалася квитонька лотосъ
Видъ проминня ясного дня,
Схылыла головоньку доли,
Жде ночи и тыхо дрима.

Коханець іи мисячéнько
Збудывъ іи свитломъ яснымъ,
Вона повернулась весела
До мисяца лычкомъ своимъ.

Цвите и палае и пыльно
Вглядаеться вгору вона;
Іи обгорнуло кохання,
А зъ нымъ и журба чаривна...

4.

* * *

Якъ-бы тилько квиточкы зналы,
Якъ серце сумуе мое,
Зо мною-бъ тыхенько рыдалы,
Щобъ горе забувъ я свое.

Якъ-бы соловейкы те зналы,
Що я и слабый, и смутный,—
Воны-бъ мени втишно спивалы
Свій спивъ голосный, чаривный.

Якъ-бы про мій сумъ та печали
Почулы небесни зиркы,
Изъ неба зійшлы-бъ, розважалы
Мій сумъ та печали тяжки.

Квиткы, соловейко та зори...
Нихто зъ ныхъ про тее не зна,
А знае про лютее горе
Дивчынонька гарна, ставна.

Охъ, знае дивчынонька мыла
Те горе, що сталось мени,
Бо то-жъ мени серце розбылы
Іи оченята ясни.

* * *

До темнои земли схылылось ясне небо...
Спивае соловей свои писни звaблыви,—
Мовъ зачаровани, вслухаються квиткы,
Спынылысь,—не тремтять закохани, щаслыви,
Задумани зиркы.
Спивае соловей писни про щасну долю,
И витеръ пролетивъ по темному садку,
Жартуе, обійма, цилуе винъ тополю
Высоку та гнучку.

До темнои земли схылылось ясне небо...
Я выйшовъ у садокъ, пишовъ по-мижъ квиткамы,
Я рвавъ и кыдавъ ихъ пидъ ногы безъ жалю...
Щаслывый соловей щаслывымы писнямы
Збудывъ нудьгу мою,—
Винъ нагадавъ мени хвылыны давни люби
И кралю-дивчыну, зрадлыву, чаривну,—
И смерты я схотивъ, або кохання-згубы,
Того тяжкого сну.

До темнои земли схылылось ясне небо...

* * *

Эллинъ, рабъ молодый, задывысь на богыню кохання:
Сперся на заступа винъ, дывыся и довго, и пыльно,
На Афродиту-богыню, що зъ пины морськои вродылась.
Краля-богыня жывою стояла пидъ мраморомъ билымъ,
Губы отъ-отъ засміються, подывлються ясніи очи,
И затремтыть-ожыве чудове безсмертнее тило...
Кынувъ заступа рабъ, пидійшовъ до богыни блызенько,
Ставъ на колина и звивъ до неи зъ молытвою рукы:
„Ясна богыне моя, найкраща мижъ всима богамы,
Выслухай смертного ты, вволы мою волю йедыну!
Тамъ у краини моій, на вично зеленому Кыпри
Вьеться тоби фиміамъ, складаються спивы про тебе;
Тамъ у краини моій дивчына жыве молодая,—
Очи у неи ясни, а кучери въ неи злотысти,—
Дай ій щаслыве жыття и тыхую, ясную долю,
Дай ій подружжя знайты—хорошу и добру людыну!
Ясна богыне моя, найкраща мижъ всимы богамы,
Выслухай смертного ты, вволы мою волю йедыну!“

Васыль Щуратъ.

Щуратъ Васыль родомъ зъ Галычыны, сынъ селянына, учывся въ Виденському университети, видомый бильше своимы перекладамы зъ нимецькои („Тангейзеръ"), французькои („Писня про Роланда" и инш.) та венгерськои мовъ; р. 1896 выдавъ збирку своихъ поэзій „Lux in tenebris" и р. 1898-го—другу „Moi листи".

* * *

Мое серце не тутъ, моя дума не тутъ,—
Воны генъ, на Подиллю надъ Збручемъ;
Дума лыне орломъ, серце рветься прытьмомъ
На ланы, сномъ повыти могучымъ.
Докы щастя твое, ридный краю, йе сномъ,—
Мое серце и дума надъ Збручемъ!

* * *

Гей Подилля, ланы, плодотворни ланы,
Джерело мого смутку и суму!
Йдуть за море по хлибъ ваши ридни сыны,
Я-жъ до васъ мою скорбну шлю думу.
Тамъ блукае вона и шукае тыхъ слизъ,
Що по травъ розлылыся коверци,
Що зросылы стежкы вси и кожный покисъ,
И труить тымы сльозамы серце.

* * *

Мое серце не тутъ, моя дума не тутъ—
Воны генъ, на Подиллю надъ Збручемъ;
Дума лыне орломъ, серце рветься прытьмомъ
На ланы, сномъ повыти могучымъ.
Докы щастя твое, ридный краю, йе сномъ,—
Мое серце и дума надъ Збручемъ!

ЪЪ ВЕСНЯНЫХЪ ДНИВЪ.

Горы, снигамы сповыти,
Беры, морозомъ побыти,
Вбрала ты, весно, въ зеленiи, пышнiи шаты,
Якъ маты:
Зъ рикъ познимала оковы,
Всимъ роздилыла обновы,
Все прыгорнула, все сонця промiнемъ огрила,
Якъ вмила.
Цвитъ тоби голову клонить,
Жайворонъ писенку дзвонить,
Все твою сылу голосыть, прославляе весну
Чудесну.
Весно, ты всимъ шлешъ обновы
Любiи... Ты й мужыкови
Зъ ласкы своеи зминыла зимы морозъ-холодъ
На голодъ...

1893 р.

* * *

На дыкый степъ лягае ничъ;
На вси бокы дорогы йдуть;
Я ходжу—блуджу самъ одынъ...
Хто вкаже тутъ мени мій путь?

Погляну я на небозвидъ,—
Одну тамъ зорю бачу я;
Та чы провадыть до меты
Той шляхъ, що вказуе зоря?

Яснійше зиръ свитывъ мени
Очей дивочыхъ ясный свитъ;
Йому я тежъ повирывъ бувъ
И втратывъ щастя юныхъ литъ.

* * *

Не бачыты тебе одну годыну,
Не цилуваты пышныхъ устъ твоихъ,—
Се вже мабуть йе кара за провыну,
Найбильша кара за найбильшый грихъ.

Мени здаесь,—колы-бъ вси душогубы,
Злочынци вси залюблени булы,
Не треба-бъ ни тюремныхъ муривъ грубыхъ,
Ни шыбеныць высокыхъ на земли.

Павло Арсеновычъ Грабовськый.

Грабовськый Павло Арсеновычъ урод. 1864 р. въ Харькивщыни, учывся въ Харькивській духовній семынаріи, жыве въ Тобольському; оригинальни поэзіи його выдано въ Галычыни у двохъ збирныкахъ: „Пролісок“ (1894 р.) и „З півночи“ (1896 р.), а переклады (найкращи—зъ Ады Негри) те жъ у двохъ збирныкахъ: „З чужого поля“ (1895 р.) и „Доля“; въ Росыи поэзіи його выдано пидъ назвою „Кобза“.

Доля.

Вси жыта грозою збыло;
Полягла трава...
Стыхла буря: ясно, мыло;
Поле ожыва.

Такъ и наша хмура доля...
Прогудуть громы,—
И зитхнемъ мы, збувшысь горя,
Повнымы грудьмы!

На мори.

Зрывается буря видъ краю до краю,
Бурхочуть навколо валы;
Погнулыся щогла... Дарма позыраю
Впередъ непроглядноі млы.

Ни проминя навить, ни гуку людського,
Реве лышень витеръ въ-одно,
Скажено заплискуе човна хысткого...
Набачывъ я згубу давно.

Хвылына—и стану я жертвою моря,
Безъ духу поляжу на дни...
Немае рятунку... не буде... хочъ зоря
Заблымала вже въ далыни!

СОНЪ.

Зеленый гай, пахуче поле
Въ тюрми прыснылыся мени,—
И лугъ шырокый, наче море,
И тыхый сумъ по кружени.

* *
*

Садокъ прыснывся коло хаты,
Весела литяна пора;
А въ хати... тамъ знудылась маты
И знудьговалася сестра.

* *
*

Поблидло лычко, згаслы очи,
Надія вмерла, станъ зигнувсь...
И я заплакавъ о-пивночи
И, гирко плачучы, проснувсь.

ПУСТКА,

Пусто та голо—
Скилько збагнешъ,
Степу навколо
Не осягнешъ.
Рве хуртовына;
Хата сумна,
Мовъ домовына
Несподивна.
Темрява ночи
Перемога,
Тяжыть на очи,
Гнитомъ ляга.

ТОЗВАГА.

Лада снигъ, степы вкрывае,
Хуга бье въ мое викно;
Смутокъ груды розрывае,
Тужыть серденько давно,
Що на свити одыноке...
Гей, не плачъ лышéнь дурне!
Поле праци такъ шыроке,
Що й твій зиръ не осягнé...
А надіи вично ясни,
Шляхъ до свитлои меты,
Наши мріенькы прекрасни
Та товарыши-браты?
Хай же вые хуга люта,
Жахъ и сумъ розворуша:
Сылъ здобуде думка скута,
Загартуеться душа!

Народови еврейському.

Народе, викъ поризненый зо мною
Срамотою людською ворожды!
Заблуда стала межи насъ стиною,
Хыжацтва ще не зметени слиды.

Нехай козакъ безъ жалю вишавъ „жыда",
Хай „жыдъ" добра не зычывъ козаку...
Той часъ встае на думку, якъ огыда,—
Забудьмо-жъ ту мынувшыну гирку!

Тоби чужымъ останусь я по крови,
Нехыбно-жъ маю въ серденьку носыть
Святе чуття велыкои любовы,
Якои вже ничому не згасыть.

ЗАГАДКА.

Де ты доле невмолыма?
Тяжко мерты въ чужыни...
Ридный край передъ очыма
Все манячыться мени...
Сныться хатка невелычка,
Повни закуткы кныжокъ;
Два дивочыхъ мылыхъ лычка
Прывиталы нашъ гуртокъ...
До поранку йшлы розмовы...
Скилько виры та надій!
Якъ палавъ огонь любовы,
Якъ мы рвалыся до дій!
Насъ натхнуло благо спильне:
Геть зместы поклалы мы
Бидуванне пидневильне
Та́ неривнисть мижъ людьмы.
Що намъ ти слова мудречи,
Що тверези голосы!
Почування молодечи
Намъ казалы: „Все несы...
Все виддай на вжытокъ люду,
Що, ллючы кривавый питъ,
Не жаливъ для тебе труду,
Згодува́въ тебе на свитъ...“
И неслы мы сылы наши,
Щобъ звалыты гнитъ викивъ,
Радо пывшы гирки чашы,
За переступы батькивъ.

* * *

Розтьохкався соловейко
На калиноньци;
Щось не спыться середъ ночи
Сыротыноньци.

Розвій, розвій, соловейку,
Мою тугоньку;
Чы забуду прыкру людську
Я наругоньку?

Чы судылось мени маты
Свою квитоньку,
Чы тынятысь викъ по наймахъ
Середъ свитоньку?.

Чы знайду я колы-небудь
Власну доленьку,
Чы все тягты чуже ярмо
Та неволеньку?

Тьохка, плаче соловейко
На калиноньци,
Та не знае даты рады
Сыротыноньци...

ЕРЕСПИВЫ.

I.

(Зъ Ады Негри).

Ты мени прызнався, що мене кохаешъ,
Ты поблидъ, тремтышъ весь, мовчкы ждешъ видмовы,
Прагнешъ поцилункивъ, жартивъ та любовы,
На молодый викъ мій ласо зазихаешъ.

А чы працювавъ ты, якъ працюють люде,
Чы боровсь за мріи, що намъ свитять всюды,
Чы ты видавъ горе? Та ще хочу знать я,
Де подивъ ты розумъ, душу та завзяття?

Чы робывъ хочъ разъ ты зъ вечора до свита?
До якого стягу, до якои виры
Ты прыставъ, виддавшы имъ найкращи лита?
Въ чимъ твои бажання? Де твои кумиры?

Ты не кажешъ слова... Такъ вернысь знечевья
Въ карты соби граты та бенькетуваты,
Совисть и здоровля швыдше пропываты:—
Ни за яки гроши не продамъ себе я.

Колы-бъ занедужавъ ты зъ важкои мукы,
Але твои груды полумьямъ палалы;
Колы-бъ потомылысь на роботи рукы,
Блыскавыци-жъ въ очахъ дывнымъ свитомъ сялы;

Колы-бъ бувъ ты вбогымъ, а дывысь вгору,
Не валявся въ бруди, не блукавъ безъ дила;
Колы-бъ не ховався зъ переляку въ нору,
А въ голови думка думку зновъ будыла,—

О, тоди-бъ тебе я щыро покохала,
Вся-бъ видъ щастя млила, палко прыгортала

За велычни вчынкы, за змагання смили...
Ти святи обіймы якъ булы-бъ намъ мыли!

Ты-жъ—нищо... Такъ геть-же, геть иды, гультяю!
Зрисъ гыдкымъ рабомъ ты въ золотыхъ кайданахъ:
Зъ усіеи сылы тебе зневажаю,
Недолугый сыну нашыхъ днивъ поганыхъ!

II.

О, скилько ихъ! Не сотни—милліоны,
А тамъ ище—не зличышъ, скилько всихъ...
Идуть, идуть... Якъ грому видгомóны,
Доносыться здалека голосъ ихъ.

Идуть воны... Ревуть витры сердыти,
Спыняючы слабый ихъ, тыхый крокъ;
Въ лахмитти вси, а головы не вкрыти,
У погляди—журба зъ важкыхъ думокъ.

Воны мене шукають. Люте горе
Видбылося на лыцяхъ ихъ давно.
Густа юрба, немовъ бурхлыве море,—
Мене кругомъ затоплюе воно.

Воны мене гуртомъ беруть въ неволю;
Я слухаю:—не дышуть, а хрыплять;
Я чую плачъ, гирки жали на долю,
Я чую гукъ зитхання та проклять.

„Мы кынулы не вытоплени хаты
Безъ сонечка ясного, безъ огню,
Де намъ хворобы не давалы спаты,
Де мы булы не ради навить дню.

Мы кынулы брудни, вонючи ямы,
Всю нашу тьму кромишну та глуху,
Щобъ сіяты повсюду тинь и плямы
Своихъ скорботъ, погрозы та страху.

Шукалы мы соби рятунку въ вири,
Але вона дурыла насъ що-разъ;
Кохалы мы,—за почування щыри
Насъ зрадылы,—мы не знеслы образъ.

Мы працювать хотилы,—молодіе
У праци духъ,—та безъ жалю за плитъ
Шпурнулы насъ. Де дилась ты, надіе?
О, згляньтеся! Завьязано намъ свитъ!

Скризь гарно такъ: блакитне небо сяе,
Проминнячко злотысте роскыда;
Внызу, въ гори гремыть—не затыхае
Велычній гимнъ любовы и труда.

Въ степахъ змія зализна засычала,
Пробывшы горы людськымы грудьмы;
Гучна труба индустріи зибрала
Кругъ себе все—и рукы, и умы.

Скризь тысячи закоханыхъ раюють
У любощахъ солодкыхъ та палкыхъ;
Скризь тысячи зъ неправдою воюють.
А мы... въ сльозахъ мы гынемо тяжкыхъ.

Що въ насъ було,—мы марно розгубылы;
Нашъ викъ мынавъ безъ цили, безъ пуття...
О, на що-жъ насъ на глумъ сей породылы?
Чомъ не далы намъ кращого жыття?

Никчемни мы, никому не потрибни...
Хто-жъ засудывъ насъ на сей соромъ, хто?
Мордують насъ... за яки-жъ вчынкы хыбни?
Чомъ радощивъ не видавъ зъ насъ нихто?

Хто насъ що-дня ненавыдыть, катуе?
Хто насъ жене, куды-бъ мы не пишлы?...
Даремно все!—Недоля зъ насъ кепкуе.
О, згляньтеся, бо насъ перемоглы!"

III.

Зрослы жыта, якъ золото, на ныви,
Легкый витрець тыхенько повивавъ.
Воны прыйшлы,—и гарни, и щаслыви,—
У-перше винъ іи поцилувавъ.

Засявъ день, и чаривнійшъ, и краще
Всмихнулыся ласкаво небеса;
А все бренить у поли, не стыха ще
Те цилування, чыстэ, якъ роса.

Тремтять квиткы, розкрылысь ихъ лысточкы,
Мовъ коженъ зъ ихъ тежъ поцилунку жде;
Цвите земля, шепочуть колосочкы
И ллеться спивъ про щастя молоде.

IV.

(Зъ Чавчавадзе).

Знову сонце, зелень, квиты,
Пташечкы зъ писнямы;
Слизьмы втихы плачуть виты;
Запахло садамы.

Зацвило въ диброви, въ поли,—
Не бажавъ-бы й раю...
Чомъ же ты не маешъ доли,
Не цвитешъ, мій краю?

Иванъ Матвіевычъ Стешенко.

Стешенко Иванъ Матвіевычъ урод. 1873 р. въ Полтави, вчився въ Кыивському университети, переклавъ „Метаморфозы“ Овидія, напысавъ драму „Мазепа“; 1899 р. выдано збирку його поэзій „Хуторни сонеты“.

Сонеты.

I.

Колы оповытый нудьгою важкою,
Въ несыли духовній, въ нестями чуття,
Безъ щастя та доли й хвылынъ супокою
Викую сумне я та журне жыття;
Колы мени въ грудяхъ, стражданнямъ надбытыхъ,
Болыть мое серце у мукахъ несытыхъ;
Колы мени розумъ безсылый мовчыть
И чоло у думахъ пекельныхъ горыть,—
Тоди я згадаю, славетна родыно,
Про славу мынулу, про волю твою,
За що я страждаю и мучусь, и гыну
Та сльозы у праци невтрымано ллю,—
И зновъ мое серце натхненнямъ горыть,
И хочеться жыты, для вытчыны жыть!

II.

* *
*

Не разъ, колы зори веснянои ночи
Засяють въ блакити для насъ,
И шаты прозори, мовъ очи дивочи,
Спалахнуть въ той зоряный часъ,
А люба прырода въ дримоти владычній
Засне, оповыта въ срибло,
И спивъ соловейка, струнκый та велычный,
Поллеться дзвинкучый, мовъ скло,—
Всю душу обгорне святе почування,
И серце пидъ вплывомъ идей—
Въ якимсь невымовнимъ, жывимъ хвылюванни
Бажае побачыть въ ту любу годыну
У щасти безкраимъ на мыть хочъ йедыну
Усихъ безталанныхъ людей!

III.

* *
*

Нехай ревуть сердыти хвыли,
Хай витеръ віе навкругы
И гаснуть въ серци мріи мыли
Пидъ гнитомъ лыха та нудьгы,—
Плывы, пловцю,—про все байдуже!
Плывы, якъ змога йе плывты,—
И не затопыть море дуже
Тебе, борця, въ шляху меты!
Колы-жъ тебе въ хвылыны хмури
Обгорне смерты гризный вплывъ,—
То по громахъ лыхои бури,
Колы засяе сонце въ свити,—
По срибнимъ поверси блакити
Полыне гуртъ новыхъ борцивъ!

До статуи Гомера.

Велычный батьку нашъ, Гомере незабутный!
Неначе кризь этеръ блискучый, золотый,
Я бачу образъ твій яскрявый та славутный,
Що сяе зъ-пидъ винка, мовъ проминь той святый.
Могучый поглядъ твій блыщыть натхненнямъ мыра,
Душа у мріяхъ вся палае та горыть....
И на твоихъ рукахъ проста, нештучна лира
Небесныхъ згукивъ рій отъ-отъ пролле у мыть.
И тыхо ты заграв... Дзвенять, зростають згукы...
А тутъ свитлиша все—и сонце, й свитъ, и день.
Немае биль ше слизъ! Нема нудьгы та мукы,—
Втонуло все лыхе на дни жывыхъ писень.
И слуха пышный свитъ, и слуха все на свити,
И усьому тому, про що дзвеныть той спивъ,
Вважаемъ тежъ и мы, мовъ чарамы сповыти,
И ныни—черезъ рядъ намученыхъ викивъ.

* * *

Перше намъ всмихалась доля,
Сяла зирка въ глыбыни,
И дивчына, мовъ тополя,
Звеселяла хмури дни;
Ныни зъ насъ сміеться доля,
Сяе зирка—та не въ часъ!
И дивчына—та-жъ тополя,
Пестыть тежъ, але—не насъ!

Мыкола Ивановычъ

Вороный.

Вороный Мыкола Ивановычъ урод. 1871 р.; учився въ Львивському университети; почавъ писать 1893 р.; артистъ украинського театру.

ивчыни.

Не журысь, дивчыно, въ тугу не вдавайся,
На свою недолю ты не нарикай,
Въ серци май надію, зъ нею сподивайся,
Що на землю прыйде той жаданый рай,
Що втомывшысь люде въ боротьби кривавій,
Здіймуть очи вгору на пролыту кровъ,
Кынуть чвары, заздристь и думкы лукави,
Запанують въ свити правда и любовъ;
Жинка, що въ несыли тыхою ходою
Ривности и воли мала здобувать,
Наче янголъ Божый, чыстою рукою
Серцемъ чоловицтва буде керувать!
Годи-жъ, не журыся, кынь свои вагання,
Стань въ прыгоди людямъ биднымъ и слипымъ
И на людське лыхо, сльозы и страждання
Озовысь серденькомъ чулымъ и жывымъ.
И пидъ стогинъ витру, хыжои негоды
Въ лютій колотнечи завжде памьятай,
Що, втомывшысь, люде забажають згоды,
И на землю прыйде той жаданый рай.

СОНЕТЪ.

На берези моря сыдивъ я самотно;
Все вкрыла навколо вечирня питьма,
Намучене серце не былось турботно,
Заснула, здавалось, и думка сама.
По-малу за хвылямы хвыли котылысь,
Одна здоганяючы другу, рослы
И лавою гризно до берега йшлы,
И зъ буркотомъ въ скели стримчастiи былысь.
Ти хвыли морськи нагадалы мени
Змагання юнацьки за мрiи ясни,—
Объ скели жыття ихъ розбылось чымало...
И серденько стыснулось въ грудяхъ моихъ,
Воно-бо зазнало тыхъ бурь жытьовыхъ,
И буркоту моря теперъ спочувало...

Мыкола Федоровычъ Чернявськый.

Чернявськый Мыкола Федоровычъ, поповычъ, урод. въ с. Торськiй-Олексiевци, въ Катерынославщыни, вчывся въ Катерынославськiй семынарiи; до сього часу выдано дви збиркы його поэзiй „Писни кохання“ (1895 р.) и „Донецьки сонеты“ (1898 р.).

ТО ПИСНИ.

О, писне блаженна! О, писне крылата!
Несысь надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонця изъ темрявы брата,
Надiю у серци йому ожывы!
Сумуе безсмертна душа чоловика,
Немае iй сонця, просвитку нема,—
Збуды-жъ iи, сыло писень чаривныча,
Скажы, що свитъ Божый—не склепъ, не тюрма!
Хто въ-сыли скуваты на душу кайданы?
Хто духъ нашъ безсмертный згасыты здола?...
О, писне небесна! Розвiй же туманы,
Хай дня не змагае зрадлыва ихъ мла!...

Шляхы.

Не стринуться вдруге широки шляхы,
Якымы въ життя мы выходылы в-ранци;
Клялысы уси мы, якъ ти женыхы,
До смерты годыты йедынiй коханци,
А лышъ розiйшлыся—покынулы насъ
Вси й думы высоки, й замиры въ той часъ!
На инши шляхы насъ життя видзывае,
По свойому коженъ свiй викъ прожывае,
У кожного небо и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бье...

МОРЕ.

Пидъ поверхомъ чыстымъ у мори глыбокимъ
Сады позросталы замыслени, темни.
Тамъ скели повсталы и чоломъ высокымъ
У-гору зпьялыся могутни, таемни.

Тамъ дыва пидводни, страшни восьмыногы
Сыдять по печеряхъ, чекають здобычи;
Тамъ бога морського крыштальни чертогы,
Сиренъ тамъ зрадлывыхъ сады чаривнычи.

Тамъ ходять пидводни жыльци табунамы,
И любе имъ царство ихъ тыхе и темне!...
Душа чоловича, зъ зрадлывымы снамы
И щастямъ незнанымъ,—те море таемне.

ПЕРЛЫ.

Й есть перлы безцинни
На дни, на морському;
Ще кращи перлыны—
У серци людському.

Багато тыхъ перливъ
Замыто пискамы,
Ще бильше по свити
Розгублено намы...

Въ диброви.

Лидъ гоминъ темнои диброви
Бажавъ-бы я на викъ заснуть,
Въ останній часъ людськои мовы
И слизъ, и смиху що-бъ не чуть.

Я вмеръ-бы зъ чыстою душою
И чыстымъ серцемъ, безъ журбы,
У згоди зъ небомъ и землею,
Безъ слова жалю, безъ клятьбы.

Я умиравъ-бы, и трусылы
На мене лыстя дерева,
Немовъ прыспать мене хотилы,
Мовъ ридна ненька зъ рукава

Мене все хмелемъ засыпала
И вмисти зъ лыстямъ запашнымъ
На мене чары навивала...
И я-бъ забувся сномъ яснымъ.

И тыхо-трипотно диброва
Вытала-бъ гомономъ своимъ,
Бо въ неи, темнои, розмова
Та жъ сама зъ мертвымъ, що й зъ жывымъ.

Пісни кохання.

I.

Прологъ.

По берегу моря въ журби я бродывъ,
На сыне, на море, на хвылю глядивъ;
И хвыля на беригъ, шумуючы, йшла,
Розбытого човна останкы несла.
И кыдала пину вона на писокъ,
И была объ беригъ уламкы дощокъ.
И думавъ я сумно: „а де-жъ то пловець?
Де смилого стринувъ нежданно кинець?...“
И зрушене серце давыла журба:
О, въ мори, у хвыли, усе загыба!

Я гирко заплакавъ, на беригъ упавъ,
И довго, и тяжко надъ моремъ рыдавъ.
И довго лежавъ я и голосъ почувъ:
„О, любый юначе, ты мицно заснувъ!
„Не чувъ ты, якъ зъ моря царивна прыйшла,
„Якъ росу зтырала у тебе зъ чола,
„Якъ писню про море спивала тоби,—
„Ты крипко, мій мылый, заснувъ у журби!...“
Такъ тыхо казала царивна морська,
И гладыла чоло холодна рука,
И я ій на перса зъ рыданнямъ прыпавъ,
Рукамы до серця ій прыгортавъ.
И гарно, и страшно зробылось мени,
И все те мовъ снылось мени у-висни.
Лежавъ въ забутти я и чувъ лышъ одни
Морськои царивны блаженни писни.

И довго спивала царивна морська,
Мій станъ обгортала царивны рука,
И очи дывылысь у вичи мени,
Лежавъ въ забутти я, неначе в-ви сни.
И снылось: у мори, на самому дни,
Будынкы царивны стоять въ глыбыни,
Тамъ ходыть царивна, и ходыть одна,
И мовъ дожыдае когось-то вона...

II.

* * *

Душно. Не спыться. Въ викно зазырае
Ничъ, мовъ вакханка, гаряча, палка;
Гоминъ кохання зъ кущивъ долитае,
Гоминъ кохання у садъ выклыка.

Стій!... Чы не ты се прыйшла, моя мыла,
Въ тыхимъ дыханню яснои весны?...
Ни, ты давно вже викно зачыныла,
Сняться давно тоби зоряни сны!

III.

* * *

Йедыный знавъ я перше спивъ,—
Я знавъ одни писни печали,
Мій спивъ лышъ тугою дзвенивъ,
А други струны ще мовчалы.

А ты прыйшла и узяла
Вразъ лиру въ рукы молодіи,—
И вильна писня загула
Вогнемъ кохання и надіи.

IV.

* * *

Глыбокый плугъ пройшовъ полямы
Моеи тыхои души,
И палы въ слидъ його стебламы
Квиткы, щобъ зсохнуты въ глуши...

Зійшла зоря. Въ яснимъ покрови,
Въ корони зиръ выходыть ничъ;
Сховався мисяць у диброви,
Останни хмары плынуть причъ.

Скажы-жъ мени... Та що й казаты?...
Сама ты плугъ той навела,
И бачыть небо въ ясныхъ шатахъ
Квитокъ загубленыхъ стебла!...

V.

* * *

Тыхо на небо сплывае
Мисяць серпомъ золотымъ,—
Хай надъ тобою литае
Щастя в-ви сни молодимъ!

Тыхо витрець повивае,
Тыхо тополи шумлять,—
Спы безъ журбы, золотая:
Стражныкы въ неби не сплять!

Тыхо музыка ничная
Въ теплимъ повитри дзвеныть,—
Хай же й до тебе изъ раю
Спивъ у-ви сни долетыть!

У ОСЕНЫ.

Иду межою. Шелестять
Трава та лыстя пидъ ногамы,
И дерева стари шумлять
Своимы голымы верхамы.
Дубы, мовъ стражныкы, стоять,
Повыти думамы сумнымы,
И дви березонькы мижъ нымы
Своимы цивкамы блыщать.
А за березамы яснымы
Столитній ôсокоръ стоить
И безнадійно гомоныть
Витямы жовтымы своимы.
Вгори-жъ, надъ лисомъ, мовчазни,
Легки, неначе мрійни чары,
Плывуть рожево-сызи хмары,
И захидъ сонця—весь въ огни...
Ты не погаснешъ, ясный свите,
Ты зновъ засяешъ по-весни,
И може выпаде мени
По сыхъ прослидкахъ зновъ ходыты,
Колы справлятыме весна
Писля зимы бенкетъ прыроды
И новолитній рястъ уроде,
Колы зозуля голосна
Про долю стане вищуваты,
И соловейко, царъ спивцивъ,
Пидъ млою ночи розлываты
Почне свій любый срибный спивъ!...

* * *

Все вищуе буть весни:
И глыбоки, и ясни
Зводы неба, и нигде
Теплый витеръ не веде
Сниговыхъ холодныхъ хмаръ;
Узялася десь одна--
И розвіялась вона,
Якъ летючый билый паръ,
И весела, и ясна...
Ни, сьогодни—вже весна!

-О С

Ь.

Иду
Т
И
С

...нъ голодныхъ!...
...ъ, мени-жъ, на зло,
... холодныхъ
... ничъ село:

... вербы, тыха ричка,
... яръ... и чаривна,
... зоряная ничка...
... весна, ясна весна!

... за яромъ чуты спивы,
... яру дзюрчыть вода...
...вейко перелывы,
...въ перлыны, роскыда.

Тыхше! Чуете—у лиси
Стогне пугачъ за Динцемъ?...
Крыкнувъ сычъ въ попа на стриси...
Щось спизнавсь винъ зъ панотцемъ!...

А з-за яру ллються спивы...
Тамъ дивчата... парубкы...
О, мій соне, сонъ зрадлывый,
Ты не въ руку, а зъ рукы!

РЫБАЛКЫ.

Бачышъ,—онъ-де выплывае
Зъ рыбалкамы каючокъ?
Панъ-отець въ нимъ возсидае,
А керуе панъ-дячокъ.

Уловлять надокучае
Мыръ на истыны гачокъ,—
Звисно, люде... Всякъ ихъ знае!...
А смашный и чабачокъ!

И смыренно іерей
Зъ псалмопивцемъ голосыстымъ,
Замисць темныхъ душъ людей,—

Ранкомъ теплымъ та росыстымъ
Уловляють стерлядей
Въ ихнимъ царстви прозорчыстимъ.

* * *

Непрымитный и убогый,
За людською течіею
Я прохожу надъ землею
Край недовгои дорогы.

Йдуть сыны земли нимои,
Йдуть незминно поколиння;
Сняться имъ верхы твориння,
Царство славы неземнои.

Сныться пекло, царство тугы,
Дымъ, огню страшного хвыли,
И въ огни тимъ чорнокрыли
Князя тьмы проворни слугы.

А мени незминно сняться
Тыхи, чысти, ясни зори,
И въ души моій—прозори
Думы искрамы рояться.

Леся Украинка

(псевдонимъ).

CONTRA SPEM SPERO.

Гетьте, думы, вы, хмары осинни!
То-жъ тепера весна золота!
Чы то такъ у жалю, въ голосинни
Промынуть молодіи лита?
Ни, я хочу кризь сльозы сміятысь,
Середъ лыха спиваты писни,
Безъ надіи такы сподиватысь,
Жыты хочу! Геть, думы сумни!
Я на вбогимъ, сумнимъ перелози
Буду сіять барвысти квиткы,
Буду сіять квиткы на морози,
Буду лыть на ихъ сльозы гирки.
Я на гору круту кремьяную
Буду каминь важенькый здіймать
И, вагу несучы ту страшную,
Буду писню веселу спивать.
Я у темную ничку невыдну
Не стулю й на хвылынку очей,
Все шукатыму зирку провидну,
И шукатыму безличъ ночей.
Такъ, я буду кризь сльозы сміятысь,
Середъ лыха спиваты писни,
Безъ надіи такы сподиватысь,
Буду жыты! Геть, думы сумни!

* * *

Горыть мое серце, його запалыла
Гарячая искра палкого жалю.
Чому-жъ я не плачу? Ряснымы сльозамы
Чому я страшного вогню не заллю?

Душа моя плаче, душа моя рветься,
Та сльозы не рынуть потокомъ буйнымъ,
Мени до очей не доходять ти сльозы,
Бо сушыть ихъ туга вогнемъ запальнымъ.

Хотила-бъ я выйты у чыстее поле,
Прыпасты лыцемъ до сырои земли
И такъ зарыдаты, щобъ зори почулы,
Щобъ люде вжахнулысь на сльозы мои.

Давня весна.

Була весна весела, щедра, мила,
Проминнямъ грала, сыпала квитки,
Вона летила прудко, мовъ стокрыла,
За нею въ-слидъ спивучіи пташкы!

Все ожыло, усе загомонило,—
Зеленый шумъ, веселая луна!
Спивало все, сміялось и бренило,
А я лежала хвора и смутна.

Я думала: „Весна для всихъ настала,
Дарункы всимъ несе вона, ясна,—
Для мене тилько дару не прыдбала,
Мене забула радисна весна."

Ни, не забула! У викно до мене
Заглянулы видъ яблуни гилькы,
Замыготило лыстячко зелене,
Посыпалысь билесеньки квиткы.

Прылынувъ витеръ и въ моій хатыни
Винъ про весняну волю заспивавъ,
А зъ нымъ прылынулы писни пташыни,
И любый гай свій видгукъ зъ нымъ прыславъ.

Моя душа николы не забуде
Того дарунку, що весна дала;
Весны такои не було й не буде,
Якъ та була, що за викномъ цвила.

Тыша въ мори.

Въ часъ гарячый полудневый
Выглядаю у виконце:
Ясне небо, ясне море,
Ясни хмаркы, ясне сонце.

Певно, се краина свитла
Та злотыстои блакити!
Певно, тутъ не чулы зроду,
Що була негода въ свити!

Тыша въ мори... ледве-ледве
Колыхае море хвыли;
Не колышуться одъ витру
На човнахъ витрыла били.

Съ тыхымъ плескотомъ на беригъ
Рыне хвылечка перлыста;
Правыть хтось малымъ човенцемъ,—
Вьеться стежечка злотыста.

Правыть хтось малымъ човенцемъ,
Стыха весла пидіймае,
И здаеться, що зъ весельця
Щыре золото спадае.

Якъ-бы я теперъ хотила
У маленькый човникъ систы
И далеко на схидъ сонця
Золотымъ шляхомъ поплысты!

Поплыла-бъ я на схидъ сонця,
А видъ сходу до заходу,
Тымъ шляхомъ, що проложыло
Ясне сонце черезъ воду.

Не страшни для мене бури,
Ни пидводнее каминня,—
Я про ныхъ-бы й не згадала
Въ краю вичного проминня.

На весилли.

На весилли бренять чарочки,—
Хай здорови жывуть молодята,
Хай жывуть, якъ въ гниздечку пташки,
Хай кохаються, мовъ голубьята!

На весилли хтось чарку розбывъ,—
Молода на посади сумуе,
Молодый смутно чóло схылывъ,—
Не журиться, то щастя вищуе!

На весилли музыка гучнá
Тожъ-то шпарко та весело грае!
Охъ, я знаю: комусь-то вона
Безталаннее серденько крае!

И розбылось видъ жалю свого
Серце бидне.... Чы хто тее чуе?
Чы не скаже хто часомъ того,
Щó розбытее серце вищуе?

ОНЪ ЛИТНЬОИ НОЧИ.

(Посвята М. С.).

Сонъ литньои ночи колысь мени снився,
Коротка та литняя ничка була,
И сонъ бувъ короткый, винъ хутко зминився
И зныкъ, якъ на сходи зоря розсвила.

Була я щаслыва, безмирно щаслыва,
Прыснылось мени... Та того не спысать!
Де въ свити йе мова така чаривлыва,
Щобъ справжнее щастя могла розсказать?

Такъ, сонъ бувъ короткый; ранесенько-рано
Вже зныкла чудовая мрія моя,
Туды полынула, де грала кохано
Злотысто-рожева зоря свитова.

Поглянула я, що вже ничка мынала,
И думу мою обгорнула печаль,
И тыхо-тыхесенько я промовляла:
„Сонъ литньои ночи! мени тебе жаль!...“

Я щастя не маю и въ мріяхъ не бачу,
Я иншіи мріи у серци ношу;
Колы-жъ я часамы журюся и плачу,—
Я щастя у доли тоди не прошу.

Для иншыхъ и доля, и щастя хай буде,
Соби-жъ я бажаю не сну, а жыття,—
Хто зо сну прокынувсь, хай щастя забуде,
Йому вже до щастя нема вороття!

Импровизація.

Въ гáю далекимъ, въ гущавыни пышній,
Квиты-гранаты палки розцвитають,
Мовъ поцилунки палки на устахъ
Иншимъ палкимъ поцилункамъ на зустричъ,
Мовъ поцилунки рубыновычъ устъ...
Спы, мое серце! нехай тамъ у гаю
Квиты-гранаты палки розцвитають...

Витры пивнични тремтять, затыхаючы
Мижъ запашнымы кущамы лавровымы,
Наче зитхання жагы,
Наче ти лавры стривання таемнее
Любо ховають одъ свита цикавого
Лыстомъ ласкавымъ, густымъ....
Спы, мое серце! хай витры пивничніи
Въ лаврахъ лагидныхъ тремтять, затыхаючы...

До кыпарыса магнолія пышная
Чоломъ заквитчанымъ нижно схылылася,
Якъ молода до свого нареченого.
Биліи квиты тремтять въ темныхъ кучеряхъ,
Але серпанка немае на ихъ.
Щыре кохання, невкрыте серпанкамы...
Спы, мое серце! хай пышна магнолія
До кыпарыса струнκого схыляеться.

Зъ темного моря билявая хвылечка
До побережного каминя горнеться,
Пестощи, любощи, сяево срибнее
Хвыля несе въ подарунокъ йому;
Темне чоло побережного каминя
Хвыли коханій на зустричъ засяяло.
Пестощи, любощи, сяево срибнее...
Спы, мое сердце! Хай хвыля билявая
До побережного каминя горнеться....

* * *

То була тыха ничъ, чаривныча,
Покрываломъ спокійнымъ, шырокымъ
Простелылась вона надъ селомъ;
Прокыдалась край неба зирныця,
Мовъ надъ озеромъ тыхымъ глыбокымъ
Лебидь сплескувавъ билымъ крыломъ.
И за кожнымъ тымъ сплескомъ яскравымъ
Серце кыдалось, роспачемъ былось,
Замирало въ тяжкій боротьби.
Я змаганнямъ втомылась кривавымъ
И мени заспиваты хотилось
Лебедыную писню соби.

ХИДНА МЕЛОДІЯ.

Горы багрянцемъ кривавымъ спалахнулы,
Зъ проминнямъ сонця захиднымъ прощаючысь,—
Такъ мое серце жалемъ загорилося,
Зъ мылымъ, коханымъ моимъ розлучаючысь.

Геть по-надъ моремъ, надъ хвылямы сынимы
Вьются, не спыняться чаечкы биліи;
Де тебе мають шукаты на безвисти,
Мылый мій, думы мои быстрокрыліи?

Въ себе на вежи вогонь запалыла я,
Любый, твого вориття дожыдаючысь;
Хай винъ просвитыть по морю дориженьку,
Щобъ не зблудывъ ты, зъ чужыны вертаючысь.

Свите мій! Буду тебе дожыдатыся,
Въ чорну, смутну фереджію повытая,
И посажу кыпарысову гильочку,
Буде що-дня вона слизьмы полытая.

А якъ повернешся, я покажу тоби
Той кыпарысъ мій въ садочку квитчастому,
Здійметься винъ надъ всима минаретамы
Въ краю сьому на мечети багатому.

* * *

(Переспівъ).

Тебе, моя любко йедына,
На крылахъ писень понесу
Надъ Гангъ,—тамъ роскишна краина,
Тамъ знаю долыну-красу.

Въ саду тамъ пры мисячнимъ свитли
Чудовіи рожи цвитуть;
Тамъ лотосу квиты розквитлы,
Сестрыцю свою воны ждуть.

Сміються фіялочкы гожи,
Глядять въ небеса на зирки́,
И тыхо шепочуться рожи,
Запашніи кажуть казкы.

Бижать, поступаючы з-легка,
Газели струнки, сторожки;
Шумлять и лунають здалека
Ти хвыли святои рикы.

Тамъ сядемо, любко, зъ тобою,
Де пальмы красують ставни,
Напьемо́сь кохання й спокою,
Прысняться намъ сны чаривни.

* * *

(Переспивъ).

Колы наставъ чудовый май,
Садочкивъ розвывання,
Тоди у серденьку моимъ
Прокынулось кохання.

Колы наставъ чудовый май
И пташокъ щебетання,
Тоди я милій розсказавъ
Журбу мою й кохання.

* * *

У кожного люду, у кожній краини
Жыве такый спогадъ, що въ його давныни
Булы золотіи вики,
Якъ писня и слово булы у шаноби
Въ мицныхъ сього свита; не тилько на гроби
Складалысь поэтамъ винкы.

За пышніи хріи, велычніи оды
Король славъ поэтамъ-спивцямъ нагороды,
Винъ славу ихъ мавъ у руци;
За ввичлыви стансы, гучни мадрыгалы
Вродлывыци тежъ нагороду давалы;
Не зналы погорды спивци.

И що-найпышнійшіи дамы зъ прыдворныхъ
Вдавалы на сцени субретокъ моторныхъ,
Щобъ славы и втихы зажыть;
Сама королева здіймала корону,
Спускалась до-долу зъ найвыщого трону
Поэтовій мріи служыть.

Богамъ булы ривни спивци лавреаты
И гордо носылы коштовніи шаты
У панськимъ магнатськимъ гурти;
Цвилы въ ныхъ и лавры, и квиты барвысти,
И навить терны ихъ булы позлотысти,
Кайданы—и ти золоти.

Такъ... въ кожній краини йе спогады раю!
Нема тилько въ тебе ихъ, ридный мій краю!
Булы й за гетьманивъ спивци;
Зъ ныхъ де-яки вичніи спивы зложылы,
А якъ ихъ найменння? и де ихъ могылы,
Щобъ скласты хочъ пизни винци?

Цуралысь воны кучерявои хріи
И вабылы очи имъ иншіи мріи,
Не вивъ до палацу ихъ шляхъ:
Не оды складалы, а думы народу,
Не въ стансахъ прославылы мылои вроду,
А въ тыхыхъ журлывыхъ писняхъ....

Ти вични писни, ти йедыніи спадкы
Взялы соби други поэты нащадкы
И батькивськымъ шляхомъ пишлы;
Нихто ихъ не бравъ пидъ свою оборону,
Нихто не спускався зъ найвыщого трону,
Щобъ имъ удилыты хвалы.

Чоло не винчалы лавровіи виты,
Тернивъ не скрашалы ни злото, ни квиты,
Страждалы спивци въ самоти;
На ныхъ не сіялы жупаны-луданы;
Колы-жъ на рукахъ ихъ дзвенилы кайданы,
То вже не булы золоти!...

Оглавъ.

Стр.

Котляревськый И. П. Зъ Энеиды. I. Выгадкы Юноны 5
II. Пекло 8
III. Послы Энеевы у Латына . 11
IV. Латынци лагодяться въ похидъ на Энея 15

Гулакъ-Артемовськый П. П. Рыбалка 19
Пархоме!... 22
Панъ та собака 23

Боровыковськый Л. М. Чорноморець. 29
Волохъ 31
Вечиръ 32
Байкы. 1. До друкаря. 2. Клымъ. 3. Крыла у витряка 34

Гребинка Е. П. Украинська мелодія 35
Човенъ 37
Байкы. 1. Сонце та хмары. 2. Ведмежый судъ . 38
3. Ячминь 39
4. Будякъ та коноплыночка 40
Рыбалка 41

Шашкевычъ М. Руська маты насъ родыла 43
Туга за мылою 44
Пидлисся 45

Головацькый Я. Два виночкы 47
Ой сумна-сь, сумна темна ниченька 49
Докы була въ матинкы маленька 50

Костомаровъ М. И. На добра-ничъ 51
Зори 53
Еврейська спиванка 54
Журба еврейська 55

Стр.

Петренко М. М. Дывлюся на небо та й думку гадаю 56
Якъ въ сумеркы.... 58
Весна 59

Забила В. О. До соловейка 60

Метлинськый А. Л. Дытына—сыротына 62
Зрадныкъ 65
Буря 66

Аѳанасьевъ О. С. Гребинци 67
Ой у поли на роздолли... 69
Дивоцька правда 70
Мовъ сыняя стричка, Донець пидъ горою... . . 70
Шевченкови 72

Шевченко Т. Г. Якъ-бы вы зналы, панычи.... 74
Мени трынадцятый мынавъ... 77
А. О. Козачковському 79
Готово! Парусъ роспустылы... 84
И небо невмыте, и заспани хвыли... 85
Марку Вовчку 86
Гамалія 87
Чернець 93
Чыгырынъ 97
Ляхамъ 100
Сонъ (Иду я тыхою ходою...) 102
Село! и серце одпочыне... 104
Сонъ (На панщыни пшеныцю жала...) 106
Частына зъ „Посланія“ 107
Не нарикаю я на Бога.... 110
Маты—покрытка 111
И доси сныться... 113
Вечиръ 114
За сонцемъ хмаронька плыве... 115
Мынають дни, мынають ночи... 116
И день иде, и ничъ иде... 117
Доля 118
Муза 119
Слава 121
Мынулы лита молодіи... 122
Чы не покынуть намъ, небого... 123
Заповитъ 126

Кулишъ П. О. Заспивъ 127

Стр.

До кобзы 129
Муза 130
Поэтъ 131
Невыдымый спивець 132
На чужій-чужыни 133
На чужыни (Lago Maggiore) 134
Премудристь 135
Псаломъ LXVII 136
Что есть мнѣ и тебѣ, жено? 137
Степъ 139
Нагулялося по небу... 141
Квиты съ сльозамы... 142
Козацька хата 143
Заворожена крыныця 145
Лилея 146
Серце мое тыхе... 147
Шуканне-выклыканне 148

Щоголивъ Я. И. Суботы св. Дмытра 149
Псальма Давыдова 136 152
Ткачъ 154
Лялька 155
Покирна 156
Черевычкы 157
Шынокъ 159
Опизнывся 161
Козакъ 163
Безридни 164
Неволя 165
У поли 167
Вечиръ 168
Косари 169

Глибовъ Л. И. Журба 170
У степу 172
Вечиръ 174
Не плачъ, поэтъ 175
Nocturno 176
Байкы. 1. Горлыця й горобець 177
2. Хмара 179
3. Хазяинъ та шкапа 180
4. Лысыця и ховрахъ 181
5. Вовкъ та мышеня 183

Стр.

6. Орачи и муха. 184
7. Вовкъ та ягня. 185

Морачевський П. С. Зъ поэмы „До Чумака". 188

Конисъкый О. Я. Проповидь на гори 192
Мое бажання 197
Ратай 198
Не прызывайте всуе Бога 199
Сыротына 200
У сели 201
Биля моря 202
Сподивання 203
До старои моеи ненькы 204
Думка 206
Зъ скорбныхъ писень. 1. Не грае безкрае....
2. Одна одынока.... 3. Дримае море.... . . 207
4. Усе, що щедрою рукою.... 208

Кузьменко П. Тры дорогы 209
Щаслыва хата 211

Руданськый С. В. Псаломъ 136 213
Гей, быкы! 215
Наука 217
До дуба 221
Пьяныця 223
Сны 225
Писня („Повій, витре, на Вкраину...") 226
Ты не моя... 228
Писня („Голе, голе мое поле!...") 229
Студентъ 231
Спивомовкы. 1. Чы голосна церква 233
2. Ходыть пипъ коло крамныци...
3. Въ страшно-судную недилю. 234
4. Чумакъ зъ мазныцею . . . 235

Кулыкъ В. С. Нетяга 236
Пытання 238
Въ мене серце до любовы 240

Чубинськый П. П. До моеи Катруси 241
Сонъ невольныка 243
Мынулося 244
Дивчыну козакъ полюбывъ... 246

Стр.

Вербицькый М. А. До-дому 247
Веснянка 249
„Ой квиточка пидъ росою нагынается...“ . . 250

Шашкевычъ В. Не чужого мы бажаемъ 251

Федьковычъ О. Братъ та сестра 253
Воскресны, Бояне! 255
Пречыста Диво, радуйся, Маріе! 256
Дезертыръ 257

Мова В. Тры деревыны 258

Воробкевычъ С. Ридна мова 260
На чужыни 262
Вечиръ 263

Александровъ В. С. Прытча Хрыстова про сіяча 264
Украинська мелодія 266
Переспивы. 1. Розбыте серце 268
2. Кедръ. 3. Спиванка 269

Устыяновычъ Корныло. Импровизація 270
Мынулыся лита мои 271

Старыцькый М. П. Поклыкъ до бративъ Славянъ 273
Ныва 276
До молоди 278
Вечиръ 280
На озери 281
Выклыкъ 282
Сльоза 284
Передъ труною 285
Дочка Іефая 287
На проводы другу 288
Потайни ученыкы 289
На новый рикъ 290
Темно... 292
Поэту 293

Нищынськый П. И. Фрагменты. 1. Йесть на свити пребагато усякого дыва.... 295
2. Розумнійшый мижъ тварямы Бога... 296
3. Не можна намъ вику людського... 296
4. Щаслыви тилько тіи зъ насъ... 297

Стр.

5. Збирайтесь до-купы мерщій, громадяне... 297
Пчила О. Хустына 298
Волынськи спогады 301
Сонетъ 302
Манжура И. Ренегатъ 303
Дума 309
Нечесна 310
Леліи 312
По весни 314
Бурлака 315
Дивчача думка о Покрови 316
Билыловськый Ц. О. Зъ Альпивъ. 317
Дайте-бо жыть 318
Франко И. Не выненъ я тому, що сумно спиваю... 319
Догорають полина въ печи... 320
Безкраи, чорни и сумни.... 321
Не забудь, не забудь... 322
Прывыдъ 324
Фантастычни думы, фантастычни мріи 327
Въ-ночи 329
Червона калыно, чого въ лузи гнешся? 330
Якъ почуешъ въ-ночи край свойого викна 331
Писне, моя ты пидстрелена пташко... 332
Отсе тая стежечка... 333
Не мынай съ погордою... 334
Веснянкы. 1. Розвывайся, лозо, борзо... 2. Весняніи писни 335
Нехай и такъ, що згыну я... 337
Гринченко Б. Д. Галима 338
Вона спива... 342
И молылася я, й сподивалася я... 343
Хвыля за хвылею плеще й зныкае... 344
Витеръ вые, плеще хвыля... 345
Надіи 346
Гроза 347
На поли 349
Хлиборобъ 350
Смутни картыны 352
Прыйде 353
До праци 354

Стр.

Шнайдеръ Ю. На новый шляхъ 355
Вагання 357
Сонечко ричкамы золотымы лллеться... 359

Бобенко А. Марни сльозы 360
Не стою я пидъ лыпою... 361
На пивночи, коло моря... 362
Запряженый кинь мій стоить у порога... 363

Кононенко М. С. Заповитъ Ярослава Мудрого 364
Батурынськи руины 367
Сырота 368
Вечиръ 370
Весна 371
Осинь 372

Самійленко В. И. Геростратъ 373
Людськисть 381
Не вмре поэзія 383
Гришныця 384
Непевнисть 385
Найдорожча перлына 386
Іи въ дорогу выряжалы... 387
Весною 388
На печи 389
До поэта 391
Горе поэта 393
Патріота Иванъ 395
Прыгода 397

Днипрова-Чайка. Буря 398
На лымани 399

Старыцька Л. М. Нади-мною лисъ шепоче... 400
Зъ Надсона 401
Пидъ чорнымъ витрыломъ корабль мій плыве 402

Маковей О. Сонъ 403
Туга 404
И я умію писню... 405

Крымськый А. Въ горахъ Лыванськыхъ 406
Самотою на чужыни 407

Славинськый М. С. Переспивы. 1. Колы розлучаються двое . . 410
2. На лыченьку у тебе. 3. Зляклася квитонька лотосъ . . 411
4. Якъ-бы тилько квиточкы зналы 412

Стр.

До темнои земли схылылось ясне небо . . . 413
Эллинъ, рабъ молодый... 414

Щуратъ В. Мое серце не тутъ... 415
Зъ весняныхъ днивъ 416
На дыкый степъ лягае ничъ 417
Не бачыты тебе одну годыну 418

Грабовськый П. А. Доля 419
На мори 420
Сонъ 421
Пустка 422
Розвага 423
Народови еврейському 424
Згадка 525
Розтьохкався соловейко 426
Переспивы. 1. Ты мени прызнався... 427
2. О, скилько ихъ... 428
3. Зрослы жыта, якъ золото... . 430
4. Знову сонце, зелень, квиты . 430

Стешенко И. М. Сонеты. 1. Колы оповытый нудьгою тяжкою... . 431
2. Не разъ, колы зори весенньои ночи... 432
3. Нехай ревуть сердыти хвыли... . . 432
До статуи Гомера 433
Перше намъ всмихалась доля 434

Вороный М. И. Дивчыни 435
Сонетъ 436

Чернявськый М. Ѳ. До писни 437
Шляхы 438
Море 439
Перлы 440
Въ диброви. 441
Не бажа душа спокою... 442
Писни кохання. 1. Прологъ 443
2. Душно... 3. Йедыный знавъ я перше спивъ. . 444
4. Глыбокый плугъ пройшовъ полямы... 5. Тыхо на небо сплывае... . . . 445
У-осены 446
Все вищуе буть весни... 447
Сонъ 448

Стр.

Рыбалкы 449
Непрымитный и убогый... 450

Леся Украинка. Contra spem spero 451
Горыть мое серце... 452
Давня весна. 453
Тыша въ мори 454
На весилли 456
Сонъ литньои ночи 457
Импровизація 458
То була тыха ничъ, чаривныча... 459
Схидна мелодія 460
Тебе, моя любко йедына... 461
Колы наставъ чудовый май... 462
У кожного люду, у кожній краини... 463

Выдатнійши помылкы друкарськи.

Сторона.	Рядокъ.	Надруковано.	Повынно буты.
22	5	Dib.	Lib.
61	20	замыре.	замырае.
74	20	называть	называють
90	20	Иидять	Йидять
125	6	хаточху,	хаточку,
143	24	просторамъ	просторомъ
185	11	6.	7.
189	1	Ие	Йе
213	10	1860 р.	1854 р.
236	4	1851 р.	1860 р.
260	5	Чернивцяхъ.	Чернивцяхъ;
279	7	за нею	за неи
301	17	твоимъ писню	моимъ тисно
319	4	Нащевычахъ	Нагуевычахъ
373	8	1886 р.	1884 р.
378	14	невгамонна	невгамовна
397	15	втриматысь	втрыматысь
458	6	рубыновычъ	рубыновыхъ